

АНДРЕЙ
ЛАЗАРЧУК

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

АБОРИГЕН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Сканировал и создал книгу - vtakhankov

АНДРЕЙ
ЛАЗАРЧУК

АБОРИГЕН

АНДРЕЙ
ЛАЗАРЧУК

АБОРИГЕН

ЭКСМО

МОСКВА

2009

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Лазарчук А. Г.
Л 17 **Абориген : фантастический роман / Андрей Лазарчук. —**
М. : Эксмо, 2009. — 352 с.
ISBN 978-5-699-34044-6

Что делать, если твоя далекая отсталая планета интригами «больших игроков» поставлена на грань вымирания? Если единственный продукт, который планета может предложить и на производство которого работает все население, забирают практически даром? Ни одно движение на поверхности планеты не остается не замеченным для спутников-шпионов, ни одно посягательство на систему не проходит безнаказанным. Многие в подобных обстоятельствах опускают руки. Многие — но только не Север Гардус, школьный учитель, скромный адвокат и ветеран последней войны за независимость. Нет, он совсем не сверхчеловек, он слаб, и единственное его оружие — это дисциплинированный ум и феноменальная память. И еще — нечеловеческое терпение. Может быть, весь смысл его жизни в том, чтобы дождаться, улучшить момент и внезапно повернуть дело так, чтобы отлаженная машина подавления и контроля дала сбой...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-34044-6 © Лазарчук А. Г., 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

АБОРИГЕНЫ (от лат. ab origi-
pe — «от начала») — народ в Древ-
ней Италии. По преданию, в Ита-
лию их привел Сатурн. По имени
царя Латина стали называться лати-
нами (латинянами), их страна — Ла-
циумом. На стороне Энея воевали
против Турна. На земле абориге-
нов-латинов был построен Рим.
В более позднем употреблении ко-
ренные обитатели (люди, живот-
ные, растения) какой-либо террито-
рии, страны. В биологии чаще упо-
требуется термин «автохтоны».

Большой Энциклопедический словарь

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

1

 акой это идиот сказал, что Бог, когда соз-
давал время, создал его достаточно? А?
Вот и я тоже не помню. Пословица? Мо-
жет быть, и пословица, только и послови-
цы кто-то когда-то сочинял... Так вот, соз-
дал-то он его достаточно, а распределил чересчур
уж неравномерно. Ну, согласитесь, бывают дни,
недели, месяцы, без которых вполне можно было
бы обойтись. То есть живёшь, конечно, и даже по-
лучаешь удовольствие, но если вынуть из этого по-
тока сколько-то часов или дней — ты и не заме-
тишь. А бывает наоборот.

Мне бы тогда дня четыре. Три. Всего только три.
И я бы успел разобраться в ситуации и что-то сде-
лать, и было бы теперь всё по-другому...

Даже два. Согласен на два.

Было бы лучше?

Кто знает? Но Игнат наверняка остался бы жив. А это много значило для всех...

Не так. Не так. Это правда, но это не вся правда. Потому что время от времени я совершенно по-детски начинаю прокручивать в памяти те события — и всегда неизбежно прихожу к вопросу: а вот если бы сейчас была возможность отдать всё, что у тебя, сукина сына, есть — но взамен Игнат остался бы жив?

И я точно знаю, что отдал бы всё, последние штаны бы с себя снял...

Ни секунды не пожалев об этом.

Что интересно, в то время мы не были такими уж друзьями. И не могли быть. Он богатый — я так, серединка на половинку. Он фермер — я городской. Он нанимает меня — я на него работаю, потом расплатились и разбежались. Согласитесь, что на таком фундаменте дружбу не построишь.

А кроме того, я знал, кем был он — а он не знал, кем был я. Он — Игнат Снегирь, один из Тысячи, личный номер 094.

Я же — 1001-й. Поэтому он знал меня только как Севера. Я был для него семейным поверенным, потом учителем его дочери — ну и так, по мелочам...

Этим, собственно, все наши взаимоотношения и исчерпывались. Только потом, со временем, очень не сразу, я понял, что то место, где был он, так ничем и не заполнилось. И понял, кого я потерял и кого мы все потеряли.

То есть понятно, что тут ещё и в Кумико дело... но нет, не только. И даже не столько. Хотя и Кумико... да.

Нельзя сказать: всё началось в такой-то день. Поскольку и до того что-то продолжало происходить, и после — начиналось. Но тот день был действительно какой-то очень плотный и нервный, бывает такое. Будто все чуяли что-то неприятное там, впереди, а понять, что это такое, не могли.

Половину того дня я провёл в школе — вернее, с учениками, — потому что учебный год хоть и кончится завтра, а умения лишними никогда не окажутся.

Хотя и не все, конечно, так думают...

У меня было два класса своих: девочки средние и мальчики старшие — и два, которые мне подкинула Тео, Теофила, человек хороший, но учитель так себе, и я даже знаю, почему: она в классе начинает играть придуманную роль, и дети это чувят. Они всё чувят.

Тео, как и многие в Дальнем, подрабатывает на ферме, и её постоянные наниматели, Шульце, прислали в школу письмо, что урожай созревает немножко раньше обычного и сбор приходится назначать вот буквально на завтра. Директор вошёл в положение, я тоже вошёл в положение, и Тео упорхнула.

Наверное, надо было мне ничего не выдумывать и тупо провести уроки, что-то рассказать или дать контрольные, и всё, и всё, война окончилась, всем спасибо! Но вот стукнуло в голову моё обычное, и я устроил Малую игру, этакую разминочку перед Большой: повёл классы в старый элинг «ТехноБотаники» братьев Титовых, в нём уже лет

десять ничего не выращивают, сквозь дыры в крыше видно небо, стены оплетены сухой одичавшей лианой, пол в провалах, и слышно, как глубоко внизу, в холоде и тьме, течёт вода — в общем, и места для игры хватит, и антураж подходящий. И ещё важный момент: ходить сюда ребятишкам одним строго запрещено, так что если помощники шерифа Падалки кого поймают...

Вот после Большой игры пороть их будет нельзя. Пока ещё — можно.

И не могу сказать, что я категорически против такого порядка вещей.

Хотя и говорят некоторые, что, мол, одичали мы тут, в пещерные времена откатились... Да, в пещерные. Когда в шкурах ходим, когда и вовсе голышом. Только не сами мы откатились.

Откатили нас. И мы знаем, кто. И знаем, почему.

И ещё спросим за это, придёт время.

3

Это мой пунктик, согласен. И ребятишки мои это хорошо знают. Пока мы шли — мимо стадиона, через базар, по улице Слесарной к Кривому мосту (под которым проходит единственная в Дальнем мощённая плитами дорога — от причалов к Китайским кварталам), а потом, огибая Форт Ньёрд и мастерские — наверх, на Лысую горку (единственное, кстати, место в окрестностях Дальнего, сплошь поросшее орешником и фисташкой), — в общем, пока мы шли, меня всё старались раскрутить на рассказы о последней войне, а я не давался.

Ну, очень старались ребятишки. Из шкурок выскальзывали. Почему так старались Подколотные, скоро стало понятно, а вот почему остальные...

Я ведь не так чтобы знатный рассказчик. Я слишком много всего помню, и помню слишком точно, со слишком многими деталями, чтобы хорошо рассказывать. Надо выдумывать, чтобы людям было интересно. К тому, что помнишь, надо относиться легко. Вот Армен — тот рассказывает хорошо. Заслушаешься. Целый вечер можно сидеть и слушать. Пить что-нибудь вкусное — и слушать.

Опять же, Армену есть что рассказать. И ему можно это рассказывать, вреда уже никому не будет. А мне всё ещё нельзя.

Поэтому я, как правило, пересказываю то, что слышал от него, от Снегиря, от Ли Чена, от Генерала...

Увы — беспощадно выкидывая всё то, что они добавляют «для интереса». Я не в состоянии заставить себя повторять эту чушь. Понимаю, что веду себя некрасиво, но «язык мой — враг мой». Ничего не могу поделать.

В общем, я как мог оборонялся, ребятишки со всех сторон атаковали — и хотел я того или нет, а когда мы оказались перед проходной, я уже довольно долго и подробно объяснял ребятишкам, почему та последняя война, известная как «Война Тысячи Бессмертных», называется в узких кругах «Войной в Посудной Лавке». Поскольку-де воюющие стороны ступали осторожно и тыкали друг в друга осторожно, дабы не повредить витрины и

хрусталь, не потревожить фермеров и, упаси боже, не напугать драконов...

Так ведь оно, в сущности, и было. Я узнавал: даже многие жители Ньёрдбурга в те дни ничего не заметили, а ведь именно в Ньёрдбурге в конце концов всё сошлось, там самое страшное напряжение было, и ребят там больше всего погибло, и победить мы там могли, но вот — не сумели...

4

Ограда вокруг «ТехноБотаники» была дырявая, я уже много раз говорил об этом на форуме, но без толку. Форум тут же поручал Падалке исправить положение, Падалка брал под козырёк, пару дней поцы с мотками проволоки и молотками заделывали какие-то дыры, и всё кончалось тем, что дыр становилось меньше на треть. Зато — как символ непроницаемости — в ограде были ворота, в воротах — будка, в будке сидел страж с дубинкой. И, судя по грибам в колее, на чём-то колёсном через ворота не проезжали уже дней десять. Разве что на самокате...

Стражем на этот раз оказался дед Кепке, его сын, Генрих, несколько лет в нашей школе поработал, а сейчас перешёл в университет, который считается, что находится в Дальнем, а вообще-то до него от города пешком два часа. Сам Генрих читает химию и какими-то прикладными исследованиями занимается, а жена его, Сара, из иммигрантов, она преподаёт языки.

И, как я понимаю, имми в университете собралось уже немало...

Есть такая древняя поговорка: «Битому неймётся». Это про нас.

А дед Кепке, сколько я его помню — то есть лет тридцать, — так возле «ТехноБотаники» и остаётся. Был техником, инженером, теперь вот — сторожем.

Мы поздоровались, обменялись мнениями, он пересчитал моих по головам (хорошо, не стал имена переписывать, а ведь положено), я передал привет и пожелания для Генриха и супруги, многолетия им, и мы с ребяташками — общим числом тридцать две головы плюс моя бестолковая — проследовали на территорию.

На особо охраняемую территорию.

Почему я так на это напирал и напирал — охрану-де полноценную и прочее? Да потому что я хорошо знаю, как одичавшая лиана себя ведёт и во что превращается. Потому что всё, что рассказывают про Цзи-да-линь, — правда. Я там был, я это видел. Но вот это неумение верно рассказать, верно подать... Может, и правы земляки в том, что мы всё дальше откатываемся в прошлое, и не в шкурах дело, а в следовании обрядам, обычаям, в особой церемонности... Впрочем, возвращаясь к теме «ТехноБотаники» — на её территории и без одичавших лиан очень опасно находиться, поскольку под землёй всё пронизано пещерами, причём многие подходят к самой поверхности, только сам я одиннадцать провалов нашёл и проवेशил, а ещё десятка три вешек поставили ребята Падалки, так что есть какая-то от них польза.

А то, думаете, почему «ТехноБотаника» такое хозяйство бросила? Из-за провалов. Братья же, когда начинали строиться, думали — к воде поближе будут, лиана воду пьёт как духи знают кто, хуже пожарного насоса, — но вот промахнулись, не рассчитали...

Всё ценное, что тут было, повывезли, конечно, и остались только пустые постройки да всякий никому не нужный хлам и лом. И лазят сюда не для того, чтобы спереть что-то, а спуститься в пещеры. Кому-то истории бандитских кладов мозги копят, а в основном, конечно, ищет народ сброшенные драконьи шкуры. Ну, вы знаете: драконы как минимум три раза за жизнь меняют кожу, и делают они это в пещерах, поскольку беспомощны в такое время, кто хочешь подходи и ешь... Три хода, которые вели от города туда, к внешним пещерам, я нашёл в своё время и обвалил пороховыми фугасами, хотя кто знает, не остался ли четвёртый или там пятый. Пещеры эти... ну, в них бродить можно долго. Вода есть, еда есть. Хоть всю жизнь броди. Правда, тебя тоже могут схарчить, не без того — но тут надо, чтоб совсем уж не повезло...

Всё это, понятно, лишнее доказательство того, что жизнь в конечном итоге стремится к справедливости. Ешь ты — едят тебя. И так во всём.

Я выстроил ребятишек полукрутом и начал было объяснять им, как играем и что должны получить в конце игры, — и тут моё внимание привлек-

ло странное поведение Подколотных. Они слишком уж внимательно меня слушали, глазами ели — а с чего бы им такое рвение проявлять, как раз с ними-то похожим тренингом я занимался совсем недавно, неделю назад. Старательно глядя мимо них, я проследил, куда они косят глазом. Это был большой инструментальный сарай из волнистого пластика весёленькой жёлтой расцветочки, местами облезшего до стеклоосновы, местами проломленного насквозь. Из-под закрытых ворот выходили рельсы и, извиваясь, тянулись к обрыву.

— Волками назначаются... — я страшными глазами обвёл ребятешек, как будто бы делая выбор только сейчас, экспромтом, хотя давно уже наметил, кто будет «волками»; это был маленький спектакль, я нарочито переигрывал, а они понимали. — Мэй Линь, встань сюда... Кароль... Гранит... Герман... Руслан... ну и Ван Ту для комплекта. Остальным... считаю до ста! Время пошло.

Остальные — которые «не волки» — метнулись к элингу.

— Ладно, — сказал я «волкам», — Гранит, ты считай пока, не торопись, а я отойду на минутку.

И — направился к сараю.

Подколотные издали неслышимый миру вопль.

6

Да, чтоб было ясно: Подколотные — это не фамилия, это сущность. Они не братья и вообще не родственники, но это и не важно — ибо, как сказал один древний, нет уз святее товарищества. Любой

из них позволит содрать с себя шкуру, но не выдаст своих. Запретов для них не существует — вернее, каждый запрет они должны проверить на зуб. Я точно знаю, что месяц назад Руслан и Герман прыгали с обрыва с самодельным парашютом, а Ван не прыгал только потому, что у него тогда ещё не до конца срослась нога. Родителей ни у кого из них нет, но живут парни не в приёмных семьях, а практически самостоятельно, доказав на форуме, что могут и имеют право. Впрочем, у Вана есть дед и бабушка, а у Германа — две тётки; все они фермеры. Да и сами парни содержат маленькую велосипедную мастерскую...

И вот эти бесстрашные издали вопль. А я уже торопился, я нёсся вскачь большими шагами, и сам почти поверил, что мне отчаянно приспичило. Вогнав при этом ребятишек в ступор, ведь не орать же им: «Учитель, не ходите туда, попишите прямо тут, мы отвернёмся!..»

Я даже не стал соваться в ворота, понимая, что они заперты, как заперта и маленькая калитка в левой створке ворот, а сразу увидел протоптанную тропинку, ведущую к углу сарая и скрывающуюся прямо в стене. Пластиковый лист там был просто прислонён к дыре, и я проскользнул внутрь, одновременно запуская форсированное сумеречное зрение.

При форсированном зрении цвета становятся совсем дикими — этаким грозовой спектр, от грязно-фиолетового до тёмно-гранатового. То есть очень тревожными, грозными, опасными. Я несколько лет мучился, пока привык...

Но зато всё прекрасно видно.

Большая часть сарая была загромождена стандартными бочками из-под гранулированного люксового мембранита, двухметровой высоты цилиндрами с крышками на болтах; братья Титовы лепили амбициозные планы. Впрочем, один-то большой корабль они здесь успели сделать — для паромных линий, и он до сих пор бежит где-то между Ньёрдбургом, Синьяном и Нёрвасундом. Жалко, что Титовых в Дальнем постигла такая неудача...

А в дальнем конце сарая, укрытое чёрной плёнкой, стояло нечто. И я сквозь плёнку, подходя всё ближе, начал угадывать, что именно это было.

А потом заглянул под край. И — стянул занавес.

7

Подколенные переплюнули сами себя. Такого я даже от них не ожидал. Хотя, казалось бы, уж мне-то положено было ожидать от них всего.

Да. Ребятки сумели меня удивить.

Я стоял и смотрел не в силах оторвать взгляд, когда сзади пролился свет и послышались шаги. Оборачиваться я не стал, дождался, когда Подколенные поравняются со мной. Коротко посмотрел на них, покачал головой. Держались мальчики хорошо, но где-то внутри себя виновато приседали.

Волчата, ожидающие взбучки от вожака.

— Где взяли чертежи? — спросил я.

Они переглянулись.

— Ну... — сказал Руслан и замолчал. — Чертежи... да, в общем... Нигде. То есть...

— Сами, — коротко сказал Герман. Он не отличался разговорчивостью.

— Сами, да, — подтвердил Ван. И показал в угол, где, прислонённые к стене, стояли большие листы картона.

— Понятно, — сказал я. — А идея чья? Или общая?

— Наша, — кивнул Герман.

— А что закон говорит?

— Да мы бы к обрыву и близко!.. — выдохнул Руслан. — Честное слово. Мы же всё понимаем.

— Ну да, — согласился я. — Всё понимаете. Только поделаться с собой ничего не можете... Пошли. А то там неловленные...

До дыры в стене дошли молча. Потом Герман не выдержал.

— Учитель. А что теперь с этим... — он показал рукой, — будет?

— Разберёте, — сказал я.

— Но ведь...

— Но ведь — что?

— Если крылья прозрачные...

Я их обнял за плечи. Всех троих. Они не вырывались.

— Слушайте, вы. Первопроходимцы. До вас, знаете, сколько было таких умников? Человек сорок. Прозрачные... Это для нас они прозрачные, а для драконов — оранжевые. И я вам, по-моему, всё это рассказывал ещё год назад. Ничего летающего, что хоть отдалённо похоже на дракона! Ничего! Вбейте в свои литые головки: ничего с крыльями!

Всё, пошли-пошли, вы волки или кто, драть вас некому?!

Я выпихнул их наружу, а сам ещё раз оглянулся назад. Самолёт стоял очень незащитно, вскинув крылышки и криво улыбаясь красным пропеллером. Он как будто догадывался, что ему никогда не видеть неба, и жалел об этом, и в то же время понимал, что — ну, не судьба.

8

Драконы невысказанно ревнивы. И злопамятны. Та история с Кумико началась с ещё меньшего, с бумажного змея, который они смастерили с Гагариним. Кумико — это дочка Снегиря, а Гагарин — двоюродный племянник, он её постарше на год или на два, никто этого точно не знает, все документы пропали; если быть особо занудливым, никто даже не знает, Гагарин он — или же его брат Нельсон. Никто не знает также, что случилось с фермой: то ли какие-то отморозки из сборщиков грюнсанда на них напали, то ли врезался патрульный катер... В общем, когда на место крушения набрели, в живых оказался только один мальчишка лет примерно двух, а от остальных — лишь чистые, как в щелочи вываренные, скелеты...

Недалеко от дикой гряды они рухнули. Мальчишке как открывателю она и досталась, та гряда.

А почему решили, что выжил Гагарин, а не Нельсон, я не знаю. Может, на имя отозвался. Может, найденный там скелетик детский совсем маленький был. Может, ещё почему-то. Долго дума-

ли, что парень навсегда ненормальным останется, даже кто-то предлагал его землякам передать — вы, мол, высокоразвитые, проявите милосердие, что ли, в рамках квоты... Но Снегирь воспротивился — и, пожалуй, оказался прав; тогда ещё жена его была жива, госпожа Мидори, вдвоём они выходили парня, и к школе он уже не отставал от сверстников, а в чём-то и превосходил... не каждому удаётся в двухлетнем возрасте в одиночку месяц выжить в тайге. Я не сказал, что месяц? Месяц, месяц. Вернее, тридцать шесть дней.

Наверное, чему-то важному он потом Кумико научил...

9

Так вот, о Кумико. Вообще-то она вертела своим двоюродным братишкой как хотела. Младшие сёстры довольно часто это делают: крутят как хотят. А Кумико просто бредила драконами. И однажды просто-таки заставила братишку помочь ей сделать летающего дракончика — из тонкой лозы и бумаги. Получилось очень похоже, взрослые это дело проспали (в прямом смысле!), потому что малыши — а Кумико ещё в школу не ходила, Гагарин только первый класс закончил — встали до рассвета и пронесли самоделку через все кордоны — и запустили над самым обрывом. И беда, естественно, случилась: увидел парящее чудо маленький годовалый дракончик — и бросился на него. Налетел, победил, но запутался в бечёвке и свалился, вывихнул крылышко. У маленьких же крылышки

совсем ажурные, непрочные. Подоспел Игнат, почувявший неладное. С предчувствием у него всегда всё было в полном порядке — другое дело, что иногда он поступал наперекор. Но не сейчас, не после смерти жены... Освободил он дракончика из пут, Гагарину обещал ремнетерапию, вывихнутое крылышко вправил, пустил малыша гулять — и вот уже совсем было хорошо всё закончилось (пяťась, пяťась, под навес, авось не заметят...) — заметили. Спускаются двое взрослых, один совсем старый, уже белёсый весь, второй помоложе, серый, — и серый сейчас же к дитю своему, выяснять, что и как, а белёсому и выяснять ничего не надо... Снегирь говорил потом, что никогда так не бегал, в три прыжка до дома долетел, подвал успел открыть, ребяташек туда швырнул, прислугу, гости какие-то ночевали — тоже в подвал... И сам успел, и запретить успел.

Ну, устроили ему тогда драконы весёлую жизнь. Трое суток из подвала никого не выпускали, коров сожрали, овец сожрали, все крыши снесли, все окна повыбивали, все двери... Пол — который над подвалом потолок — разобрать пытались, но не смогли, крепкие плахи Снегирь положил, добротные. С фермы Линь Фу, она как раз мимо проплывала, это безобразие наблюдали, не вмешиваясь, понятно — ну, они говорят, что никак не меньше дюжины драконов старалось.

Спасло Снегиря с домочадцами то, что совсем рядом началось Цветение. Драконы рванули туда — а после Цветения и всех драконьих приятностей, которые Цветение сопровождают, им было не до каких-то там жалких обидчиков...

То есть это Снегирь так думал. Просто забыл про того малыша с вывихнутым крылышком, которому на Цветение и по возрасту-то рановато было. А малыш ничего не забыл. И когда через год — день в день! — Кумико летала на велосипеде, можно сказать, в двух шагах от фермы, на неё набросился молодой дракон. Точнее, дракониха.

Хорошо, Кумико дракониху вовремя заметила и сумела отклониться. Велосипед у неё был очень хороший — из тех, что специально сделаны для гонок. Игнат его, можно сказать, по ошибке купил: думал, детский. А он просто небольшой. Но Кумико его хорошо освоила и носилась по округе, как какой-нибудь дикий пастушок по горным пастбищам. Вот на неё молодая дракониха и накинулась...

Сначала Кумико пыталась, как положено, под деревьями прятаться — да там на грех три сухие яблони на всю округу. Тогда она увернулась и стала удирать к обрыву, думая там отсидеться, вплотную возле стены — дракон к стене не подлетит, крылья ему дороже добычи. И всё бы у неё получилось, но чуть-чуть скорости не хватило — дракониха молодая была, проворная, быстрая: дотянулась крыльевым когтем, царапнула оболочку. Кумико не сразу заметила, что газ выходит, да и заметила бы, так что? В общем, под обрыв она нырнула, от драконихи между скал ушла — а выбраться обратно подъёмной силы уже не хватило.

Я всем вбиваю в мозги: если припекло, быстро сообразите, где вас в первую очередь станут искать, — и ждите там. Но сейчас это не сработало бы: на стене ей было не зацепиться, а если и зацепиться, то не провисеть долго, а под стеной болото,

и уж там-то точно не выжить. И Кумико решила тянуть вперёд сколько можно, потому что помнила: километрах в сорока к югу есть несколько старых возделанных цветочных плантаций, а значит, наверняка люди там рано или поздно появятся. И учтите, всё это прокручивает в голове девятилетний ребёнок, который только что избежал одной смертельной опасности и тут же оказался перед лицом следующей, не менее смертельной...

10

Сорок километров Кумико не протянула, газ из баллона вытек, она опустилась на одних пропеллерах прямо в кроны «кошачьих лапок», и повезло, что падать пришлось всего ничего, да и на мягкий мох. Скалы-перья, на которые она ориентировалась и к которым летела, сразу пропали из виду, а небо было затянуто дымкой, которая почти всегда висит над низинами. И этот ребёнок, совершенно не паникуя и не плача, решает ждать ночи, потому что ночью луны будут видны и сквозь дымку, а значит, можно понять, куда идти... Похоже, общение с Гагариным не прошло даром. Хотя отношения у них, повторяю, были не самые простые.

11

Я даже не стал поминать Подколодным эту историю — во-первых, рассказывал раньше, во-вторых, они и сами могли мне дюжиной подобных ответить. Сложно с Подколодными: парни знают прекрасно, чего нельзя и почему нельзя, но посту-

★ —
пают наперекор всему. Зная прекрасно, что многие взрослые в душе им сочувствуют, хотя и наказывают, и вроде как порицают...

Ну, жизнь у нас такая. Жизнь Наперекор Всему.

12

У Гагарина одна половина головы, правая, — чёрная, а другая половина седая. Он не красится, не бреет голову наголо, а носит как есть.

13

Мы закончили Игру, я посадил ребяташек полукругом (у волков всё ещё дыбом стояла шерсть на загривках) и приступил к разбору достижений и ошибок. Собственно, и Малая, и Большая Игры — это опыт выживания в низине: в тайге или на болотах. А залог выживания — это расслабиться, слиться с местностью, раствориться, исчезнуть. Тогда есть шанс, что уцелеешь... Волки мои сумели слишком многих «расколоть», заставить как-то реагировать, и теперь я должен был, пока ребяташки все разгорячены и поэтому размягчены, вогнать в них то, что можно вогнать словами. То, что можно просто запомнить. Даже записать и повторять на ночь.

У нас есть ещё год до Большой Игры, и успеть подготовиться можно и нужно. В Большой тебе не ставят оценок, ты её или прошёл, или не прошёл.

Мои ученики, как правило, Большую проходят все. Но последний год обучения у них чертовски

тяжёлый — и вот тут выдерживает не каждый. Нет, не помирают, конечно, уходят к другим учителям. Если есть, конечно, к кому уйти... Я смотрел на этих сидящих и внимающих и довольно хорошо представлял себе, с кем будут проблемы и какие проблемы, а кто схватит на лету...

(Гагарина вообще никто ничему не учил. А Кумико знала только какие-то самые общие азы, которые на планете известны всем и которые даже в памятке для туристов прописаны. Так что на самом деле выжить в низинах — легко. Надо лишь суметь в нужный момент правильно расслабиться.)

Ну что ж, я уже почти закончил общий разговор и хотел показать ещё несколько практических приёмов, когда увидел, что к нам, размахивая какой-то бумагой, быстро идёт, почти бежит, дед Кешке...

14

Такие картины почему-то запоминаются чуть ли не на всю жизнь, и потом ты по ним узнаёшь, что началось (или закончилось) что-то этапное, что-то невероятно важное. А картинка запоминается сразу. Такой вот феномен.

Сродни вещим снам, как я про них слышал. У меня-то вещих снов не бывает, потому что у меня не бывает вообще никаких снов. Почти никогда. Два-три раза в год. Побочный эффект. Один из.

Но если что-то вдруг приснится, то... Не хочу об этом.

(Мнимую бессонницу — это когда тебе снится,

что ты не спишь, — я за сны не считаю. Я про то, что случается сверх этого.)

Вот эта картина: солнце, перевалившее зенит, и в небе ни облачка, только пара истрёпанных ветром следов от патрульных катеров. Под ногами сухой суглинок желтоватого оттенка, и осколочки кварца и пирита сверкают изо всех сил. Пучки сухой травы. Справа от меня ободранный элинг, сквозь полупрозрачные листы обшивки проступают чёткие или размытые сложнопереpletённые тени высушенных лиан, а там, где листы сорваны, лианы выпирают наружу, как пружинная сетка из прорех старого матраца. Слева от меня — жёлтый сарай, от которого к обрыву тянутся рельсы. Рельсы давно никто не правил, они покоробленные и проржавевшие. Между рельсами охотнее, чем в других местах, растёт трава; почему? В траве резвится табунок жабок — маленьких, размером с фалангу пальца. Ребятишки мои, истомлённые тяжёлой игрой и недовольные её результатами, стоят кое-как, с трудом сохраняя почтительность; на лицах желание бросить всё и поскорее разбредиться. Так оно и будет сейчас. И дед Кепке, в синей потёртой униформе, прихрамывая, всё идёт и идёт к нам, не приближаясь, идёт и идёт, в руке у него телеграмма, я стараюсь прочесть её издали — не получается, пальцы как раз закрывают текст, поэтому я жду вместе со всеми, а он идёт и идёт, прихрамывая, но не приближается...

Такой вот бред.

...Потом он всё-таки подошёл.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

15

От Дальнего до Ньёрдбурга (не до самого города, а до торгового порта на южной оконечности острова, но порт и город связаны наземным омни, час — и ты на месте) ходит ежедневный паром; в Ньёрдбурге я знал, у кого можно одолжить что-нибудь летающее и, может быть, даже хорошее; от Ньёрдбурга до Трёх Столбов, городка, где арестовали и собирались судить Снегиря, было ещё двести кэмэ на северо-восток. Непрерывность маршрута гарантировалась, но по времени дорога получалась непозволительно долгой — паромы уходили по утрам и в это время года шли не слишком быстро, — и к началу публичных слушаний я банально не успевал... чего никак нельзя было допустить. Иначе Снегирь просто-напросто будет без защиты — перед лицом какой-то очевидной наглой провокации.

Собственно, обстоятельства не оставляли мне выбора. И когда это до меня дошло наконец, сразу стало легко.

Я выкатил Собаку из гаража, проверил, не текут ли баки (два раза паял в прошлом году, а заменить всё никак руки не доходят), повесил в багажной сетке пластиковый бурдюк с дополнительной водой, поменял стержни в реакторе и сунул в карман ещё шесть запасных — из НЗ, военных, утробной ёмкости. Заскочил домой, надел куртку (ночью над низинами будет не жарко), проверил документы — на месте. Взял планшет, фонарь, се-

ребряный рожок для обуви в виде старательской лопатки — мой амулет. Или талисман. В общем, на счастье.

16

Тине я оставил записку. Хотел оставить. Дописывал, когда она вошла.

— Далеко собрался? — спросила она с порога.

— Труба позвала, — сказал я. — Снегирь арестован.

Она пересекла комнату и встала у окна спиной ко мне. Стояла так с минуту.

— Ладно, — сказала, не оборачиваясь. — Но если я узнаю...

— Не узнаешь, — сказал я.

— Думаешь, ты такой ловкий?

— Не заводись. Просто нечего узнавать.

— Ну, конечно, нечего... Ладно. Береги себя. Когда тебя ждать обратно?

— В лучшем случае — дней десять на всё...

— Значит, двадцать. Хорошо.

Она подошла ко мне, позволила себя обнять и даже кашлянула, будто чем-то чуть-чуть поперхнулась.

Любят ведь не за что-то, правильно? Любят скорее вопреки.

17

Я рассчитал маршрут: до Ключей, там взять воды и, если повезёт, перекусить, потом короткий бросок до Седьмой станции, оттуда вдоль Стены

скелетов, ещё раз заправиться, у Денисова, — а от Денисова лететь прямо в Три Столба, это четырёста с небольшим кэмэ над сплошной низиной, там есть несколько островков, но это всё драконьи скалы, их нужно обходить — здесь справа, а здесь слева... будет ночь, но трёхлунная, ясная; в общем-то, в такие ночи только и летать с моим зрением... Восемнадцать часов в воздухе, почти без отдыха.

А потом надо быть свежим и очень умным...

Ладно, не в первый раз. И не в последний наверняка.

Я пристегнулся, тронул рули, погонял по отдельности моторы, прислушиваясь к нехорошим шумам (нехорошие шумы были, но я ими пренебрёг), а потом поднял Собаку над крышами, прошёл низко и медленно, набрал высоту, развернулся над базарной площадью и, разгоняя скорость, повёл Собаку почти строго на восток — так, чтобы держать Башню в тридцати — тридцати пяти градусах правее моего курса.

Магнитные компасы у нас бессмысленны из-за гигантских и никому не нужных залежей железа, гирокомпасы и спутниковая навигация запрещены после последней войны, маяки редки и ненадёжны; но Башня видна отовсюду...

18

Землюки не позволяют нам забыть о себе. Может быть, они и не думают об этом, но у них как-то само собой получается напомнить нам, что без них

никуда и что в то же время никогда нам их не догнать, не достичь, как не добраться до Башни.

То есть добраться-то можно, но только с их любезного снисходительного соизволения... по предварительно полученному разрешению, пешком, переодевшись в специальную одноразовую одежду вызывающей расцветки — и обритым наголо. Через три зоны контроля. Будучи обысканным, просвеченным и обнюханным. И в любом месте тебя могут развернуть и отправить обратно, ничего не объясняя.

Я и не пытался ни разу. Бесполезно. Да и нечего мне там, в «земной» зоне, делать. Я ничем не торгую, кроме себя самого, и вряд ли им нужен такой товар — а мне тем более не нужны такие покупатели.

То есть не подумайте, что я такой уж земляко-ненавистник. Нет. Просто я не люблю, когда меня унижают. Даже если у тех, кто унижает, для этого есть все основания. В конце концов, мы — побеждённые. Нас — положено.

Но я этого не люблю.

19

Собака перевалила край обрыва — сначала её приподняло, потом бросило вниз. Я выровнял полёт и поёрзал, устраиваясь поудобнее, чтобы не затекала шея. Раньше у меня был такой специальный воротник-массажёр, но его выпросил попользоваться директор школы — и как-то всё забывает отдать. А я всё забываю напомнить...

И я ведь ему не сказал, что улетаю.

Ладно, Тина скажет.

Тина...

Я думал, она выйдет во двор или хотя бы на веранду — помахать рукой. Но Тина не вышла.

20

До Ключей я добрался спокойно. Ключи когда-то были крепким посёлком, вокруг него постоянно крутились три-четыре десятка ферм, а в самих Ключах стоял заводик по первичной переработке бутонов — ну и всяческие склады, магазины, игорные дома и бордели, то есть всё то, без чего нормальный фермер не мыслит своего существования. Но с тех пор прошло уже двадцать лет...

На посадочной площадке стояли четыре вертолёта и один пёстрый пикап класса «Ниоба» — из тех старых надёжных машин, к которым не найти запчастей, а они всё равно летают. Раскраску баллона я не опознал, наверное, кто-то издалека. А на дальнем краю пирса висела маленькая ферма с гербом семьи Сурганова — то есть с дальнего юго-запада. Интересно, их-то каким ветром сюда занесло?..

Я откатил Собаку в уголок стоянки, спугнув здорового спящего друкка, и пошёл, разминая ноги, наискось — к таверне.

Как минимум надо докупить воды. Половину запаса я израсходовал.

По идее, для реакторов годится любая вода. Там есть фильтры, которые даже из овечьей мочи выжмут дистиллят. Но все, кто долго летает, знают,

★

что фильтры, если их нагружать, выходят из строя в самый неподходящий момент. А дальше — уж как повезёт: либо реактор блокируется, либо взрывается. И если ты летишь над болотами, то лучше второе. Так что много дешевле — не по деньгам, так по нервам — покупать заранее отфильтрованную воду.

Таверна, можно сказать, была полна народу. То есть, помимо Сунь Чу, который возвышался за стойкой как утёс, у дальнего конца стола сидели четверо серых и не столько ели и пили, сколько плялись в мою сторону. Один из них повернулся к Сунь Чу и что-то спросил, и тот тоже посмотрел на меня и ему ответил. Жаль, я так и не научился читать по губам у китайцев...

Кроме этой четвёрки, возле входа спиной ко мне сидел здоровенный фермер и что-то уплетал, оттопырив локти.

Не знаю, то ли таверну когда-то так стилизовали, то ли на постройку действительно пошла платформа от небольшой фермы. Даже навес был под стать: сетка, которую приподнимало ввысь несколько плоских баллонов. Фермеры наверняка чувствуют себя здесь как дома...

Я вошёл, поздоровался, мне ответили. Сунь Чу радостно поклонился.

Конечно, как ему не радоваться: мы не виделись уже два года. А то и побольше.

Первым делом я испросил воды для Собаки, вторым — для себя. Из быстрой еды у Сунь Чу нашлись только сырные лепёшки с зелёным луком и холодные бобы; и то и другое перед дорогой я есть

не мог категорически. А ждать полчаса, пока он приготовит нормальную еду... Я втянул слюну, купил полдюжины рисовых палочек с мёдом, сгрёб толстые медяки сдачи и спросил как бы между прочим:

— А чья это ферма там? Мне показалось, что сургановская.

— Да, — кивком подтвердил моё смелое предположение Сунь Чу.

— И что же сургановские делают здесь?

— Что-то продают...

Сунь Чу перевёл взгляд за моё плечо. Мне не требовалось даже оборачиваться, чтобы понять: там возник серый.

Но я всё-таки повернулся, всем телом демонстрируя миролюбие.

— Чего ты тут распускаешь язык? — Серый был молод, лет двадцати пяти, беззуб и слегка косяглаз; я присмотрелся: видимый только в ультрафиолете иероглиф над левой бровью говорил, что он «третий ребёнок в семье» — то есть рукавишник самого низкого пошиба, которого не жалко и за которого не станут кроваво мстить, а просто истребуют виру. Такие бывают самыми наглыми и беспощадными.

— Если я вас чем-то задел, прошу прощения, — сказал я. — Увы, я бываю страшно неловок.

— Ты шпион? Почему на тебе нет меток?

— Я школьный учитель. Мне запрещено иметь метки, уважаемый.

— А чего ты тут забыл, учитель? До ближайшей школы... — он задумался.

— Четыре часа, — подсказал я.

— Вот и лети отсюда. Учитель... В нашей школе был такой, — он повернулся к своим. — Жополаз. Останешься после уроков... Один раз наши отцы пришли в школу и посадили его на кол. Хочешь на кол? — он снова сунулся ко мне.

— Разумеется, нет, — сказал я, попрощался с Сунь Чу и пошёл к Собаке. Замурзанный мальчик (или девочка?) катил к ней прозрачную флягу на колёсиках.

Проходя мимо фермера, я сделал вид, что не узнал его. Надеюсь, это у меня получилось.

21

Странно всё это, думал я, выставляя меж тем на карте курс. Зачем? Зачем-то. По привычке, скорее всего. Промахнуться мимо Седьмого поста, он же Седьмая станция, он же просто Семёрка, теоретически можно — но очень трудно. Мешают скальные стены — хребет Мировского к югу и Стена Скелетов к северу. Между ними Сильвиев проход — тот, через который лежит путь парома; Семёрка расположена перед самой Стеной скелетов и чуть-чуть севернее прохода. Таким образом, отклонившись немного, я снова почти возвращаюсь к паромной трассе...

Солнце стояло низко и почти точно за спиной; вершины хребта Мировского, острые, заснеженные, будто висели в зеленеющем небе, и из-за них поднималось Кольцо, яркое и твёрдое, этаким мостом от горизонта до горизонта, — и Башня, сейчас про-

сто сверкающая. Было отчётливо — и безо всякого приближения — видно, как по ней снизу вверх скользит искра: наверное, очередной контейнер с концентратом уходил на орбитальный завод, концентрат лучше перерабатывать в невесомости...

Так вот, странно всё это: серые показались мне не серыми, а артистами, играющими серых в каком-то в меру бездарном бродячем театре; а фермер уж точно был не фермер, зуб даю — эту морду забыть нелегко: Пауль фон Белофф, оперативник Канцелярии, моё последнее на войне — и единственное невыполненное — задание... Кто-то кого-то здесь пытался надуть, и будь я посвободнее, остался бы полюбоваться — из чистого любопытства, — но мне нельзя было задерживаться, потому что Игнат Снегирь арестован по тяжкому обвинению и ждёт суда. И я, прокручивая в памяти всё, что знал о Снегире и его делах, не мог понять, с какой стороны к нему подобрались.

То есть охотников разобраться со Снегирём было невпроворот, и это понятно, но службу безопасности у него ставил ещё покойный Ли Стеценко, потом её совершенствовали те, кого Стеценко поднатаскал, — а главное, Игнат твёрдо придерживался простой идеи, что лучше десять раз упустить выгоду, чем один раз хапнуть криво. У него не было проблем с властями, и у него были, конечно, проблемы с серыми и с триадами, но строго в рамках понятий, не придерёшься. И шерифы, и мастера промеж себя называли его «Тефлоновым валенком»...

Вряд ли за те семь месяцев, которые мы не виделись, он изменил своим привычкам.

Даже когда те залётные беспредельщики — мы так и не узнали, кто они и откуда, и я подозреваю, что среди них был, по крайней мере, один земляк, скорее всего, солдат-дезертир, — когда они захватили Кумико и вели себя нагло, Игнат в точности соблюл «сказку», все пункты этого неписаного — естественно! — кодекса отношений фермеров и серых. Он вёл себя сдержанно, вежливо — и никого не убил сам.

22

Солнце (не настоящее Солнце, конечно, а наше, именем Каффальджидхма, Гамма-2 Кита, — но попробуйте-ка это выговорить!) почти село, сейчас почти без сумерек упадёт ночь; троелуние начнётся часа в два ночи, но это не страшно, мне и так достаточно света... И в последних лучах зари, когда на несколько секунд над точкой заката вспыхнуло ложное солнце, похожее на лужицу расплавленного стекла, я увидел далеко справа от меня паруса парома, того самого, который ушёл утром и на котором я мог бы сейчас лететь, приди телеграмма вовремя. Но теперь всё: я его обогнал и уже понемногу начинал отыгрывать потерянное время. Его невозможно будет отыграть достаточно, но хотя бы десять часов. Или двадцать. Или даже сутки, если всюду будет попутный ветер...

23

...А ведь то похищение Кумико было прямым продолжением её ссоры с драконами! Самое забавное — что я долго не мог объединить обе эти истории, считал их произошедшими чуть ли не в разные годы, пока она сама мне всё не рассказала — так, как запомнила.

24

Она мне рассказывала, а я лежал на спине и пил прямо из горлышка жуткую яблочную водку, настоянную на пыльце, с изрядной добавкой макового молочка — я опять запустил начало отторжения имплантов, боль была жуткая, и только эта дьявольская смесь меня и спасала в подобных случаях, — я лежал, весь потный, жаркий, слабый, в одних полотняных штанах до колен, в гамаке на продуваемой террасе воздушного домика, а вокруг, то всплывая, то опускаясь в вертикальных течениях, дрейфовали и такие же домики, и чьи-то простенькие фермы, и великолепные многоярусные дворцы, похожие на обращённые вершиной вниз пирамиды, и здесь нас никто не знал (мы так думали), и это было начало конца нашего короткого романа, у которого не могло быть ни развития, ни продолжения; она мне рассказывала, чтобы я забыл о боли, и не знала, что о боли можно забыть только тогда, когда забываешь обо всём. Она рассказывала:

— ...Утром нашла тонкую лиану, совсем тонкую, усик, наверное, которым она цепляется, когда лезет с дерева на дерево, привязала тучок и

потащила за собой, уж очень мне жалко было платье, не могла я его бросить — это было последнее, которое мне мама сшила. Просто память, понимаешь? И ещё в тючке были нож и фляжка, они из велосипедика выпали. А сам он так и остался на дереве, крепко зацепился... И я совсем не уверена была, что иду правильно. Потому что опять дымка на небе и ни Башни тебе, ни солнца, ничего. Поэтому я на тот холм и начала взбираться, чтобы сверху посмотреть — ну, а вдруг что-то увижу? И почти сразу наткнулась на обтёсанные камни. А потом, поближе к вершине, началась стена. Но я только потом поняла, что это стена, а сначала подумала: то ли лестница, то ли такая вот дорога по насыпи, я же к ней с торца вышла... ну и полезла вверх. И только поднялась немного, смотрю — а из кустов, рядом с бычьей тропой старой, которой я топала, выплывает пыльца. Маленькое такое облачко, прозрачное. Я его и не учуяла совсем. Рядом прошла. Она меня тоже, наверное, не сразу учуяла... Я стала совсем как мёртвая, не дышу и смотрю мимо, а там ещё одно облако выплывает и ещё. И все — по этой тропике, откуда я пришла. Задержись я на какую-то минуту... и вслед за мамой. И вижу я всё это, и понимаю, а мне совсем не страшно, как деревяшке, здорово, да? Дождалась я, когда они все скрылись, ещё постояла для верности — и дальше по верху стены, она широкая, больше метра. И вот уже над землёй высоко — вижу: поверх кустов, поверх деревьев другие развалины каменные, и понятно, что это дом. Огромный дом, как воздушный дворец, только на земле и из

камня. Я так удивилась... Ты потом рассказывал, помнишь, что раньше планета наша была богатая, очень богатая... ты не отвечай, я знаю, что правильно говорю, а если буду говорить глупости, ты мне потом объяснишь, что это глупости, потом, не сейчас, хорошо? Так вот тогда я это своими глазами увидела и сразу поняла, и потом не удивилась ни разу. А там дом такой был... я бы побоялась в таком жить, честно. Полы из разноцветного камня, гладкие такие, и двери в десять меня, и окна в двадцать меня, только потолков нет, обвалились, и лестницы обвалились. И всё, конечно, лианами заплетено, а под стенами толстый-толстый мох — тот, который с жёлтыми мохнатками и хорошо пахнет. Я в этот мох легла, он тёплый, мягкий — и уснула. А когда проснулась...

25

Когда она проснулась, рядом с ней лежала лесная волчица, придавив тяжёлой лапой. А волчата хотели с ней играть, но волчица не позволяла им, потому что Кумико спала. А когда Кумико проснулась, волчица принялась её умыть мягким лиловым языком...

Я не знаю, и никто не знает, почему лесные волки, эти огромные страшные хищники, для взрослого человека смертельно опасные — шансов одолеть волка нет, от него можно только спастись на дереве, — почему они испытывают нежность к человеческим детёнышам. Случай с Кумико не первый и не единственный, их описано довольно много. Такое впечатление, что волки заводят человек-

ков подобно тому, как люди в городах заводят щенков. Сначала как игрушку, потом как члена семьи... Пишут, что некоторые дети провели в волчьих семьях по году, а то и больше. И был жуткий случай на юге, когда волки подобрали и пытались выходить мальчика, сборщика Цветов, пострадавшего от пыльцы. Выходить они его не смогли, мальчик умер, и волки закопали его и потом охраняли его могилу, не позволяли к ней подойти...

Кумико прожила у волков восемь дней. Однажды она увидела, как над головой совсем низко проплыла ферма. Тогда Кумико переобняла всех волков, всех волчат, с которыми играла, и пошла туда, куда улетела эта разноцветная связка шаров. Как раз и дымка стала легче, сквозь неё просвечивало солнце — большим красноватым кругом. Кумико шла до ночи. Ночью небо очистилось, и стали видны все три луны, сошедшиеся вместе, а потом в их свете она увидела ферму, стоящую на якоре. И только потом — скалы.

На скалах сидели драконы — один большой и двое поменьше...

26

Седьмой пост — пункт, что называется, полунаселённый. Помимо фермеров, чьи делянки находятся под Скелетами, там время от времени образуется какая-то осёдлая колония, существует некоторое время и рассасывается, осознав собственную ненужность. На Седьмом посту категорически нечего делать, а можно только прозябать на скудном подножном корму.

Хотя вообще-то место это красивое. Большую часть острова занимает дождевое озеро, на берегу его стоит старая и совершенно не требующая обслуживания фильтрационная станция с ветряным приводом насосов, есть два массивных причала — так что места для жилья практически не остаётся, только треугольник сто на триста метров на западной оконечности. Оттуда открывается вид на Стену Скелетов — а значит, на регулярные драконьи утехы. Поэтому сюда довольно часто привозят туристов. Или они сами прилетают — если одиночки. Но таких мало, теперь с каждым годом всё больше и больше организованных групп. А жаль, потому что ещё лет пять назад на туристах можно было очень неплохо заработать. Две компании по две недели — и до следующего сезона живи себе праздно.

Но вот, похоже, и этот канал поступления валюты нам перекрывают понемногу...

27

Когда я подлетел, на всём острове не было ни единого огонька, лишь ветряк и причалы светились зелёным — этаким детский рисунок флюоресцентным карандашом на чёрной бумаге. Я сел поближе к заправке, намереваясь не задерживаться ни минуты. Однако ноги и поясница затекли, поэтому я заставил себя походить, побегать и попрыгать — минут пять-семь, я думаю, — и только потом залить бак и взлететь. И, как оказалось, задержка эта вышла мне очень кстати.

Мы с Собакой проделали две трети пути до Денисова, оставив позади и Стену Скелетов, и Овечий — большой, но почти необитаемый гористый остров, где пасутся многие тысячи овец, шерсть у них дрянная, но кожа и мясо хорошие, — когда вдруг засбоил правый движок. Я не такой хороший моторист, чтобы по звуку безошибочно определить любую неисправность, но здесь всё было понятно: один из четырёх цилиндров перестал работать; скорее всего, пробило свечу. Ничего особо страшного, Собака ведь в принципе двухместный вертолёт (нужно откинуть пару замков, сдвинуть пилотское сиденье влево, перенести в боковые слоты узлы крепления рычагов и педалей, приподнять и раскрыть утопленное пассажирское сиденье и снова закрепить всё замками), так что с одним пилотом и почти без груза она могла лететь не снижаясь не то что без одного цилиндра, но и без одного мотора. Хуже, что по прилёте становилось заботой больше — но и это, в общем, ерунда. А вот то, что стук мотора — к беде...

Я уже стал думать, а не вернуться ли мне и не сесть ли на Овечьем, да не отладить ли забарахливший агрегат вручную (знаю, что авантюра; ну а вдруг?), когда прямо передо мной лопнуло с чудовищным громом ядро, за ним второе и третье, оставляя на месте взрывов светящиеся облака и фонтаны медленно гаснущих искр... а потом канонада стала непрерывной, и всё впереди заволочло сияющим слоистым дымом.

Я еле успел уйти влево и вниз, разгоняясь в пикировании до визга моторов и дрожи винтов, а над головой на фоне сияния уже промелькнули крылатые силуэты, три, уже четыре, уже пять — изгибались в виражах, исчезали в пламени и возникали из пламени, — я выровнял Собаку и потянул в темноте, глаза ещё не оправились от светового шока, и я боялся только, что не увижу скалу и вмажусь со всей дури, но нет, увидел и отвернул, обогнул, ушёл от огненной феерии и от вздроченных драконов, которые ещё несколько минут — и приступят к результирующей фазе своих драконьих утех, взлетая высоко над огнями, склеживаясь там, на высоте, и падая-кружась на распахнутых крыльях вниз, в огонь и светящийся дым взорвавшихся ядер... Это красиво, когда ты стоишь на земле и смотришь в бинокль или телескоп, а когда пролетаешь мимо хоть на вертолёте, хоть на землюковском катере — ты в большой опасности, потому что эти крылатые твари становятся совсем большие на голову, особенно те, кому не досталось партнёра. И тогда им — с крыльями ты, без крыльев, с хвостом, без хвоста...

В общем, на этот раз мне повезло. А Собака, не познавшая драконьей любви, как-нибудь простит поддеца.

Я надеюсь.

Потому что — ну куда я без Собаки? И куда она без меня? Мы вместе уже лет двадцать пять...

Точно. Через месяц можно отмечать день рождения Собаки. Надо будет запросить Регистр — не старейший ли у меня вертолёт на Эстебане? Ведь

не исключено, что и старейший. То есть наверняка у кого-то хранятся раритеты и подревнее, но вряд ли они на ходу. И в таком прекрасном состоянии.

Но лучше не спрашивать. Заинтересуется кто-нибудь не наш: а чего это такая древняя рухлядь — и так хорошо выглядит, да ещё и летает каждый день? И — кранты Собаке.

Ничего не скажут, а грохнут с орбиты микронным пучком... да ну, что вы — никаких кровопролитий, подкараулят где-нибудь на стоянке, во дворе, на заправке... они же гуманисты, эти землюки, им птичку случайно обидеть, и то нехорошо потом, страдания и сопли на всю Систему, психологов с Земли вызывать приходится. Это мы тут — звери лохматые, варвары, друг дружке горла перегрызаем просто за не фиг делать, игра такая — партизанская рулетка называется...

Я злился, злость переливалась в Собаку, и она держалась и понемногу набирала высоту, так что к Денисову мы выкарабкались-таки на уровень островов... ну, нельзя скидывать со счетов и везенье (конечно, я его со счетов не скидывал и сильно рассчитывал на него — но молча): фактория стоит не над отвесным обрывом, а над крутым склоном, и ночной штраф создаёт акцентированный восходящий поток. Этот поток и перенёс нас через край острова...

В общем, мы долетели.

30

Старик Денисов потерял на последней войне двух старших сыновей, и общаться с ним было не просто: всех выживших он подозревал в том, что

они виноваты в их смерти. Может быть, он и сам себе не отдавал в этом отчёта, но со стороны — невозможно было не почувствовать исходящую от него, как тяжёлый стариковский запах, неприязнь. Правда, уже года два он не покидал свою комнату наверху, мало кого узнавал и ничего не хотел. Поэтому я весьма удивился, когда внук его, Мишка, перегнулся через перила лестницы и позвал:

— Дядя Север, там дедушка вас зовёт, сказать что-то хочет!

Мы переглянулись с Артёмом. Пока поднятые по тревоге механики меняли движок Собаки на новый (то бишь попросту исправный), я рассказал ему о проблемах со Снегирём, а он в ответ показал мне последние трёхстолбовские и ньёрдбургские газеты, где об этом же говорилось подробно, эмоционально и бездоказательно. Я пробежал статьи, не вникая в суть, а просто запомнил как есть — чтобы на последнем отрезке пути прокрутить и обдумать.

(И это хорошо, что я их не прочитал сразу, потому что подпись «Гагарин Бланш» под парой самых грязных и самых разоблачительных статей меня очень смутила бы — и я потратил бы время и мозговой ресурс совсем не на то...)

Старик сидел в плетёном кресле-качалке, вцепившись огромными узловатыми пальцами в оконечности подлокотников. Почему-то именно эти огромные пальцы с жёлтыми лопатообразными ногтями меня если не испугали, то поразили. К этим пальцам подошло бы тело раза в три круп-

нее, чем то, которое костляво свисало сейчас с высоко — выше головы — торчащих плеч. Острые плечи, голое пятнистое морщинистое темя, глаза под тяжёлыми веками и выпяченные вперёд под пергаментными губами челюсти (все зубы на местах) — делали старика Денисова похожим на уснувшего дракона.

Но этот дракон не спал.

— Тёмка, — просипел он, и Артём тут же принял позу готовности: одна нога вперёд, другая назад, ухо направлено на источник команд. — Тёмка, я Севера одного позвал. Закрой дверь и покарауль там, чтоб никто не подслушал...

Фраза, наверное, для старика была слишком длинной — последние слова шелестели еле слышно.

— А ты иди сюда... садись вон...

Я подвинул лозовый стул, сел боком, опершись об округлую спинку левой подмышкой, спрятал ноги под стул.

— Слушаю, Лев Никитович.

Он слегка приподнял веки. Глаз под ними я так и не увидел.

— Слушаешь — это хорошо... мало кто из вас, молодых, слушать умеет... да ещё не перебивать при этом...

Он сделал паузу, как бы и приглашая перебить; я не воспользовался.

— Кольку и Петра ты знал...

Хм. Знал ли я старших младших Денисовых? Вопрос не простой — поскольку оба они перед войной и в самом её начале участвовали в саботаже, а значит, были насквозь и перекрёстно закон-

спирированы и легендизированы. Таким образом, всё то, что я про них знал, могло оказаться откровенной дезой. Кажется, они были задействованы в контрабанде оружия непосредственно с орбиты, в создании подземных хранилищ — и погибли, перебрасывая партию груза из одного такого хранилища в Дальний. Обломки их дирижабля потом нашли, а что от самих ничего не осталось — так ведь на то и тайга. Там ты или живой, или — никаких следов.

— В лица ты их должен помнить...

Да. В лица я их помнил. Вернее, мог вспомнить в любой момент.

— Говорили мне, что видели их после. На юге где-то. В синем.

В синем...

— А кто это говорил?

— Да тоже синий один...

Было над чем задуматься. Синие — это официальная (можно сказать, оккупационная) администрация, полиция, тайная полиция и сборщики налогов; их ставят земляки и земляки же снимают, когда вдруг те им чем-то не воздвоятся. Если братья с самого начала были с ними связаны... а с другой стороны, до войны многие из синих принимали участие в саботаже... Да и доверять сегодня показаниям какого-то не известного мне синего я бы не стал — по самым общим соображениям.

Дед же Лев Никитович оказывался в положении сложном: если парни живы, то он обязан так или иначе помянуть их в завещании, иначе документ легко опротестовывается, Артём признаётся

узурпатором и несёт наказание, будучи, что называется, ни сном ни духом. С другой стороны, если старшие сыновья погибли-таки, то признание их наследниками — дело ещё более опасное, поскольку вызовет недовольство и праведный гнев прочих умерших, в завещание не попавших...

Дед опустил руку, поднял с пола тряпичный свёрток, протянул мне.

— Держи, — сказал он. — Считаю это авансом...

Аванс был неплох. На семь лет урановых рудников с конфискацией. Плюс две коробки патронов. Итого лет десять...

— Спасибо, Лев Никитович, — сказал я. — В общем, что смогу — сделаю.

— А ничего другого... я и не хочу...

— Но быстро не выйдет.

Он слабо кашлянул и недовольно поморщился. Потом махнул рукой — иди, мол.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Рано утром — солнце ещё не взошло — я посадил Собаку на общественной стоянке городка Три Столба, пристегнул её цепочкой к парковочному блоку, сунул в него медяк — и пошёл к шерифу.

Три Столба называются так по имени скал, возвышающихся над городком. Скалы эти — излюбленное место для парашютистов; они достаточно высокие, метров под двести, отвесные, и под ними есть свободное место, где можно безопасно при-

землиться. Когда-то здесь была школа драконщиков, но потом учитель, Артур Ак-кам, исчез (и, скорее всего, погиб), а школа, естественно, самораспустилась.

Конечно, на пользу округе это не пошло...

Впрочем, городок не бедствовал, всё-таки близость Башни имела значение. Все города и посёлки, расположенные вокруг Башни, как-то скверненько богатели за счёт торговли — и той мизерной контрабанды, которая ещё просачивалась сквозь щели. В отличие от остальной планеты, где давно уже забили толстый железный болт на прародину и выстраивали жизнь вполне самостоятельную.

Что, надо сказать прямо, было не просто. Жизнь получалась скудная. Главную роль в скудости играла энергия — точнее, её отсутствие...

Нет нефти, практически нет приличного угля. Местами есть горючие сланцы, но они такого качества, что перед тем как сжечь, их нужно переработать. Древесина большинства местных деревьев не горит, а в лучшем случае тлеет — после того, как её просушишь. Да, во многих местах выращивают земные деревья и из них делают древесный уголь — но этого едва хватает на нужды химии и той минимальной металлургии, которая ещё осталась, и особых перспектив увеличить производство угля не предвидится — по крайней мере, в обозримом будущем. Практически нет рек, вода впитывается в пористую породу, и если течёт, то под землёй. Да, дуют ветра, но даже если все удобные места утыкать ветряками, это даст нам процентов десять от

потребного — при самом оптимистическом раскладе. Я считал, и у меня получалось гораздо меньше. Да, можно добывать торф. Торф горит прекрасно. Добывать торф опаснее, чем собирать пыльцу... однако же — приходится идти и на это.

Кажется, я перечислил всё.

Можно не напоминать, что разработка любых источников энергии, которые по технологии чуть-чуть сложнее ветряков или паровых котлов, нагреваемых с помощью вогнутых зеркал, нам строго запрещена? Можно? Спасибо.

Уран, например, у нас есть, и его немало — а толку? Нет, хорошо, конечно, что он есть, из урановых руд мы добываем гелий, без гелия нам никак... но сам уран мы перерабатывать и не можем, и не имеем права.

Так что живём мы на привозном «топливе» — ядернокаталитических элементах, тех самых стержнях, разлагающих простую воду на кислород и водород. Без них нам труба. Не протянем и месяца.

Земля же — а тем более все остальные планеты — живут на нашем концентрате... Без него — труба им. Не протянут и недели.

Получается баш на баш. По полной справедливости. По такой справедливости, что аж зубы крошатся...

Я вышел на центральную улицу и чуть не столкнулся с невысоким худощавым парнем лет двадцати, одетым как-то не по-здешнему. Одежда — в отличие от тату — мало что конкретного говорит о

человеке, хотя какое-то впечатление оставляет. Но вообще-то я довольно точно именно по одежде определяю, откуда человек прибыл и кто он примерно по роду занятий. Так вот, про этого парня я ничего внятного сказать не мог, разве что понятно было: он точно не из Трёх Столбов и вообще не из Ньёрдбургской округи.

Лицо его было чистым, а на левом запястье си-
нел знак незнакомого мне цеха.

— Простите, — он отступил на полшага и поклонился. — Я задумался и не смотрел по сторонам. Я не ожидал, что в такой ранний час...

— Всё в порядке, — сказал я. — Могу чем-то помочь?

— Я пытаюсь найти городской архив...

— Вряд ли они начинают работать так рано. Пойдёмте, мне почти туда же.

— Разве архив не работает постоянно?

— Здесь — нет. Этот городок если спит, то весь. Я думаю, архив откроется часа через полтора. Но там напротив есть бар — вот он уж точно не закрывается никогда.

— Вы тоже нездешний?

— Нездешний. Хотя бываю часто. А что, заметно?

— Ну, вы так сказали: «Этот городок». Про своё так не говорят.

— Да, точно... А вы, как я понимаю, откуда-то издалека?

— Весьма. Фэньхундао, если это вам что-то...

— Ну, ещё бы. Я там даже был когда-то. Город Десяти Тысяч Шаров, как сейчас помню. И что, всё так же десять тысяч?

— Если честно, их и в лучшие времена набира-
лось с трудом пять-шесть. А когда вы там были?

— Ещё до войны, — на всякий случай я соврал.

— Ого. Ну, тех-то шаров уж точно не осталось
ни одного. Но есть новые, очень красивые...

Так, болтая о пустяках, мы дошли до мэрии; спутник мой слегка прихрамывал. Здесь, в Трёх Столбах, вся власть сосредоточена в одном здании, только входы разные: бургомистрат — с высокого крыльца в центре, шериф — в массивную дверь справа, суд — в дверь попроще, слева. Газеты занимают половину подвала, вход слева за углом. А если обойти дом справа, то там тоже будет спуск в подвал, так вот он и есть городской архив. А через площадь наискосок — знаменитый бар «Зелёный дракон», который ни разу не закрывался за последние семьдесят лет и даже во время войны функционировал исправно, обслуживая и нас, и синих, и серых, и земляюков — едва ли не одновременно...

Я всё объяснил Люсьену — так звали парня, — а сам пошёл к телеграфу. Телеграф открывался раньше всех прочих государственных учреждений, но я с четверть часа ещё потоптался под дверью, пока не пришла заспанная и ворчливая Лола. От неё пахло маленьким ребёнком. Сначала я позвонил в школу, но там трубку не брали. Тогда я отправил две телеграммы: одну Тине, что долетел, и одну — директору, что вызван по срочному делу.

Этот пункт программы предлагаем считать выполненным.

О духи, если бы и с другими можно было покончить так просто и быстро...

Обе городские газеты, «Молния» и «Хозяин», располагались в одном коридоре дверь в дверь, пользовались одной типографией — и при этом смертельно враждовали. Репортёры, разумеется, писали и в ту, и в другую — правда, под разными именами.

Например, Гагарин в «Хозяина» писал как Гагарин Бланш, а в «Молнию» — как Виола Кетчер. Поскольку «Хозяин» был газетой респектабельной, а «Молния» обожала скандалы.

Я не очень рассчитывал застать поганца здесь, волка ноги кормят, но я рассчитывал хотя бы выяснить, где он может быть. Меня неплохо знали в обеих — и уж такой-то информацией могли поделиться.

Сначала я сунулся в «Хозяина» — и немедленно окунулся в разборки.

— Ну, чего тебе ещё?

— Вы когда строчки будете считать? Хвост.

— Большой?

— Двадцать одна.

— Вынимай пробелы.

— Вынул давно.

— Заголовок в одну строку перебери.

— А толку? Всё равно хвост. Сокращать надо.

— Как я тебе сокращу? Заказной материал, отощаем неустойки выплачивать. Развёрстывай в две колонки.

— А свиноводство куда?

— Хм... Тогда так. Заказуху — на чердак, свиноводство — в подвал...

- Без макета перевёрстывать не буду.
- Ну что ж ты такой вредный, Михалыч?
- Сказал — не буду. Сяоянь, пиши перевёрстку по вине редакции.
- Да будет тебе сейчас, будет макет...
- И свиноводство целиком не встанет.
- Это уже моя забота. Ставь, сколько влезет. Остальное — в следующем номере пойдёт.

Я кашлянул, и все трое — редактор, метр и наборщица — уставились на меня так, словно я только что нагадил в углу.

— Э-э... — начал я, вдруг под этими взглядами изрядно оробев. — Гагарин...

— Вы что?! — редактор встал. — Вы что, не понимаете — люди работают! Здесь — люди — работают! И не смейте отвлекать! — он сорвался на взвизг. — Всё — в письменном виде! Ящик у двери.

— Но мне только...

— Вон отсюда!!!

Хм. Наборщицу я определённо где-то видел...

В редакции «Молнии» было тихо и пусто, на скамейке у входа, подобрав ноги, спал мальчишка-курьер, рядом с ним важно, обхватив ручками толстые пузики, сидели два маленьких друкка, дверь кабинета редактора украшал висячий замок с пломбой, а в общей комнате на шесть столов, развалившись вальяжно, сидел под вытяжкой Квинт Полуян (тот самый, который «В. Пепел» и которого выперли из столичной «Юности Эстебана» за серию разоблачительных репортажей о никогда не существовавших предпринимателях и чинов-

никах) — и курил костяную трубку. Судя по запаху, табак был контрабандный.

Увидев меня, он сразу сделал стойку — причём не меняя позы и даже не дрогнув веком. Настоящий охотник.

— О, — сказал он приветливо и чуть рассеянно. — А мы только вчера вас вспоминали. Типа, вот с кем надо бы пообщаться... — он медленно перетёк в деловую позу и как бы незаметно для себя положил руку на блокнот и карандаш. — Что вы обо всём этом думаете?

— Интервью не получится, Квинт, — сказал я, подходя поближе. — Хотя бы потому, что я ещё абсолютно ни черта не знаю — только что прилетел. И вообще я забежал, потому что ищу Гагарина.

Он посмотрел на меня странно.

— Север? Вы меня не разыгрываете? Ну... вижу, что нет. Вот это номер!..

— Квинт. Я слушаю. Очень внимательно.

— Многие хотели бы найти Гагарина... То есть вы вообще ничего не слышали?

— Старик, — сказал я. — Я вчера днём получил телеграмму в десять слов. Весь день и всю ночь я летел над тайгой — а там газет не продают и радио не провели ещё. Что я мог слышать?

Он отложил трубку. Она продолжала дымиться.

— Да-да... Значит, так: последний раз я видел Гагарина дней двенадцать тому. Он хвастался, что напал на какую-то сногшибательную информацию. Потом в «Ньёрдбургере» появились две его статьи о Снегире и триадах. А нашему шерифу пере-

дали целую папку с документами — на ту же тему. Шериф приказал вскрыть сейф Снегиря в банке...

— Ничего себе.

— Да уж. И там нашли много интересного, в этом сейфе. А на следующий день редакцию «Ньёрдбургера» взорвали, четверо убитых...

— А Гагарин?

— Неизвестно. Говорят, трупы страшно изуродованы, и я совершенно не в курсе, чем там закончилось опознание... В общем, Север, вам предстоят непростые дни. Слушайте, давайте договоримся: я вас буду оперативно снабжать всеми слухами, а вы мне дадите эксклюзивное интервью ещё до оглашения приговора? Скажем, поздно вечером накануне?

Я согласился.

Увы — не пригодилось...

33

В двух вещах я был уверен почти: что Снегирь не водил шашней ни с триадами, ни с нашими серыми сверх обычного необходимого минимума — то есть не мог наш шериф нарыть в его сейфе ничего такого, что дало бы ему возможность подвести Игната под суд; и что Гагарин не писал те статьи. Они были написаны вполне в его стиле, но — все характерные словечки и обороты Гагарина повторялись как-то слишком уж механически, без вдохновения.

А главное — я не мог поверить в его предательство...

Я говорю «почти», потому что послевоенная жизнь приучила меня ко всему, но сейчас я, наверное, просто по обычаю избегал сглаза. Скажешь «уверен вполне» — и мироздание постарается сотворить с тобой такое, что потом мотаешь башкой, в глазах туман... ну и вроде того.

34

Шериф был молод, смел и глуп. Такие появляются часто, живут быстро и кончают плохо. Но пока они есть, с их существованием приходится мириться...

Естественно, он был на все сто двадцать процентов уверен, что защищать такого богатого (и так долго скрывавшего свою сучью сущность) негодяя, как Игнат Снегирь, может только ещё худший, ещё более прожжённый негодяй. Он знал, он верил, что скоро наступит светлый правильный день, и меня он бросит в ту же кутузку, потому что есть за что, потому что не может не быть за что... Особенно обидно, что такие вот пацаны свято верят в свою правоту — и что они честны. Это обезоруживает, я не могу рассматривать таких как врага.

Поэтому я терпелив. Я поверенный подсудимого, я должен не только ознакомиться с делом, но и выслушать самого клиента. Возможно, объяснение произошедшему следует искать в каком-то другом направлении?..

В конце концов мне твёрдо обещано, что после того как судебный следователь закончит допрос, я смогу поговорить с подсудимым.

А кто у нас следователь? — и ещё двадцать минут уходит на то, чтобы доказать: я имею право на эту информацию. Ну ладно, не двадцать. Семь с половиной. Но кажется, что двадцать.

Следователь у нас Карачаров. Шамиль Иванович? Шамиль Иванович. Это хорошо... ха-ха.

Шериф видит мою радость и пугается, что выдал важную тайну и что Карачаров со мной в доле. И теперь великое дело разоблачения негодяя и торжества справедливости обречено на провал.

Да.

Оно не то чтобы обречено, но вероятность благоприятного исхода повысилась. Не потому что Шамиль со мной в доле, а потому что он уж точно ни с кем не в доле. И он умный. И его не запугать. Так что, Игнат, возможно, мы уже сегодня... молчу. Молчу.

35

А пока, воленс-ноленс, шериф выкладывает передо мной объёмистый прошитый фолиант — материалы полицейского расследования. И приставляет ко мне дружинника, незнакомого вислоусого пузана с тату профсоюза грузчиков. Видимо, шериф полагает, что в случае чего этот парень просто завалит меня своей массой...

Я вспомнил, где видел наборщицу. В воздушном «городе развлечений» Фэньхундао, где наш с Кумико незаконный медовый месяц чуть было не закончился совсем печально из-за моего так не-

кстати начавшегося приступа. Так вот, она была там. Девушка для увеселений. Небесная Сяоянь...

Забавно. Где Фэньхундао, а где Три Столба. Что же она, сбежала сюда, чтобы начать честную жизнь? Если вы скажете, что такого не бывает, отвечу: как бы не так! Всё бывает. И если бы не странная сцена в таверне на Семёрке, я бы так сам сразу и подумал. А сейчас подумал иначе: кажется, в мире снова начинаются тревожащие подвижки.

А с другой стороны, когда это мы жили спокойно?..

Ладно, не отвлекаемся.

Я открыл фолиант и начал методично перелистывать листы. С какого-то момента засёк, что страж мой напрягся и нервно сопит, но — решил его игнорировать. Пусть сопит.

Наверное, на неподготовленного человека, да ещё и члена профсоюза грузчиков, зрелище быстро читающего человека должно оказывать мозгодробительное воздействие.

Что сказать? Шериф был ни при чём. Имея такие материалы, он не мог не завести дела. Хорошо ещё, что он не пристрелил Игната на фиг в момент задержания. Потому что такие негодяи не должны топтать землю и поганить небо, и тому подобное.

Те, кто придумал и срежиссировал этот спектакль, поработали на совесть.

Уже полгода шерифа бомбили жалобами на Снегиря: он-де навязывает честным мелким фермерам свои услуги по защите их от нападения серых — как на полянки и плантации Цветов, так и на сами фермы, которые уже сняли урожай и ве-

зут его к месту сбора. Так вот на тех, кто имел наглость отказать от его защиты, и совершаются нападения.

(Кто бы мог подумать!)

На тех же, кто поддался на шантаж наглого богатея, никаких нападений не происходит, и это объясняется только одним: Снегирь вступил в сговор с серыми, и даже более того — стал одним из тайных предводителей серых, а может быть, и вообще самым главным — оберхохманом. И вот доказательства: фотография, на которой Игнат пожимает руку Армену Лупаро, и другая фотография, где среди шести мужчин двое, чьи лица на прилагаемых листках «Разыскивается», ещё тот же Армен — и Снегирь, что-то кому-то доказывает... Показания каторжников, уличающие негодяя всё в том же. И ещё, и ещё...

На первой фотографии должен быть ещё и я — вот здесь, рядом с Арменом. Но, видимо, не попал в кадр. И маленькая Кумико — её только что передали отцу, вот внизу видна детская рука, Кумико вцепилась Игнату в ногу и не отпустила совсем, он так с ней на ноге и ходил. Конечно, Игнат пожал руку спасителю дочери. Он никогда не был сволочью. А на второй — это встретились ветераны. 104-й, 227-й, 243-й. Да, 98-й и 512-й на каторге, и я толком не знаю, за что. За что-то. Наши многие уже после войны или погибли, или пошли по каторгам. Ну, не жилось нам... И, конечно, 94-й, известный миру как Игнат Снегирь.

Этого материала шерифу было достаточно, чтобы открыть дело, арестовать Игната на две неде-

ли — и провести обыск в его домах, а также вскрыть сейф в банке.

Обыск жилья и прочих построек дал ровно ноль, а вот в сейфе нашлось множество всего необходимого: сорок тысяч мелкими непомеченными купюрами, подписанные чеки на три четверти миллиона, расписки и векселя от разных подозрительных персон, пять килограммов концентрата недозрелой пыльцы, грюнсанда и разобранная кустарного изготовления винтовка для бесшумной и беспламенной стрельбы.

Уже этого хватило бы лет на сорок строгого, грести торф в болотах, но ребята решили подстраховаться: статьи в газетах, особенно в «Ньёрдбургере», показания свидетеля, что начальник охраны Игната куда-то звонил с трёхстолбовского телеграфа, клятвенно обещая с кем-то там разобраться и принять меры, и наконец на следующий день — взрыв в редакции...

Что же случилось с Гагариным? Я сильно тревожился. Но оставалось только ждать.

36

Я и ждал. Все документы дела я перегрузил в память и там крутил, сопоставляя даты, факты, мотивы... Нужно было найти какое-то особо слабое звено в цепочке обвинений, чтобы разбить его одним ударом. Таково уж наше судопроизводство — «да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого» (и я не утрирую — это я видел вырезанным по камню на фронтоне одного из судебных зданий, а

именно — в Дореми); сомнения не трактуются в чью-то пользу, сомнения отметаются. Пока что я нужной мне откровенно слабой детали не нашёл...

За дверью продолжался допрос Снегиря — а я, его поверенный, не мог ему помочь. И хотя я не сомневался в силе и уме Игната, с одной стороны, и порядочности Шамяля — с другой, мне всё равно было не по себе.

...Та фотография, на которой не оказалось ни меня, ни Кумико, неожиданно разбередила всё внутри, и пусть я и пытался полностью отрешиться от всего постороннего, не имеющего отношения к обвинению — или имеющего отношение слабое, косвенное, — иногда даже у меня ничего не получается...

Ничего.

37

Я ведь почти нашёл её тогда, и мне просто не хватило соображения понять, что Кумико удочерили волки. Иногда возникает такой вот необъяснимый ступор: ты всё знаешь, но не можешь представить, что именно это случилось здесь и сейчас. А оно вот взяло и случилось. И вместо того, чтобы залечь и подождать, я решил — девочка ушла вперёд, а я просто потерял её след. И я пошёл след искать, а когда не нашёл и вернулся, оказалось, что теперь ушла она. Я снова бросился догонять — только для того, чтобы увидеть, как на ферму поднимают в корзине не очередные мешки с Цветами,

а маленькую голую девочку. Мне не хватило буквально трёх минут до отплытия фермы и буквально двух метров, чтобы ухватиться за их гайдтроп, который проскользил мимо меня, как тяжёлое щупальце морского чудовища — одного из тех, которые, по слухам, водятся у островов Ядовитого моря и иногда заползают на берег. Конечно, ни забраться по гайдтропу наверх, ни задержать хоть на миг ферму у меня шансов не было, поскольку гайдтроп — это железная цепь, облитая снаружи толстым слоем невероятно скользкого пластика. Я рассчитывал лишь на то, что некоторые гайдтропы снабжены простейшими системами сигнализации...

Но выяснить это мне не пришлось. До стремительно скользнувшего в траве тяжёлого щупальца я не дотянулся. Я покричал немного. Но, как назло, никто из фермеров в тот момент не смотрел вниз.

Единственно, что я сумел, — это тщательно рассмотреть шары и платформу и запомнить все знаки принадлежности. Так что найти самую ферму труда не составит. Но для этого надо вернуться...

Не теряя ни минуты больше, я повернулся и побежал.

А Кумико, когда её подняли в корзине наверх, когда позволили наконец одеться и напоили горячим сладким чаем с травами, уснула мгновенно и крепко, уснула там, где сидела, прижавшись к горячему боку водяного бака, здесь пахло, как в гара-

же, железом, резиной, смазочным маслом, озонном. Поэтому ей снился дом.

Потом кто-то на руках отнёс её на койку.

За следующие два дня, пока ферма медленно плыла на юг, Кумико перезнакомилась с обитателями. Ферма называлась «Гевьюн», постоянно жили на ней семь человек, а ещё четверо были наёмниками. Хозяина фермы звали Людвиг Иванович, его жену — тётя Оля, сыновей — Фриц и Карл, дочерей — Люба и Саня. Ещё была сухонькая страшненькая бабушка Мура. Сам Людвиг Иванович и его сыновья к Кумико относились хорошо, а вот жена его, дочери и бабушка (Кумико так и не поняла, чья она мать) почему-то всё время шипели на неё и шпыняли.

Людвиг Иванович объяснил Кумико, что отправиться сразу в Снегири они не могут никак, необходимо сдать собранный урожай, но её можно будет оставить на приёмном пункте и вызвать туда отца по телеграфу. Кумико не оставалось ничего другого, как согласиться.

(Почему от окрестностей Замка ферма «Гевьюн» отправилась в почти трёхсуточное плавание на юг, хотя до самого Ньёрдбурга было чуть больше двухсот километров на запад, а до острова Ленский и того меньше, я, в общем, догадываюсь. Не в ветрах дело, ветра позволяли. Скорее всего, где-то среди кондиционной пылицы была припрятана пылица недозрелая, так называемый грюнсанд, сырьё для мощнейшего системного галлюциногена, который существует под множеством псевдонимов, например «вздых», «блинк», «дольчавита»,

«каин» или «царь обезьян». Сейчас об этом не принято вспоминать, но его в своё время использовали правительства терминальных планет — не для того, чтобы адаптировать человеческое тело (в основном иммунную систему) к сосуществованию с внеземной микрофлорой и микрофауной (как это делают препараты, получаемые из зрелой пыльцы), а для того, чтобы адаптировать человеческое сознание к нечеловечески тяжёлым условиям жизни. Когда-то грюнсанд вывозили открыто сотнями и тысячами тонн, а на Эстебан деньги текли просто-таки невообразимо огромные; потом Земля спохватилась, что обитатели колоний как-то иначе смотрят на жизнь, а прародину в упор не замечают; потом было ещё много всяческих событий, и теперь — за один только сбор грюнсанда полагается лет пять каторги; однако же — собирают. Если есть канал, чтобы вывезти его с планеты, за десять килограммов «зелёного» сырца выручишь столько же, сколько за тонну сырца-кондиции...

Я даже догадываюсь, куда «Гевьюн» стремилась попасть. Примерно на полпути от Ньёрдбурга до Ясного, немного южнее Холма Скелетов, есть лениво дрейфующая «воронка», и постоянный воздушный город там не формируется только из-за близости этой долбаной Стены, которая огораживает тысячекилометровую зону вокруг Башни. Ни один нормальный человек не поселится около Стены. Не потому что вредно или опасно, а просто противно. Но небольшой безымянный посёлок

там есть, и совершенно очевидно, что живут в нём люди не просто так.)

К концу второго дня пути к «Гевьюн» подплыла небольшой дирижабль, а сверху впритирку пролетел вертолёт. Кумико видела, как испугались и оцепенели все, и очень обиделась и за Людвигу Ивановича, и за Фрица с Карлом. Когда на ферму перепрыгнули двое в широченных шароварах, в безрукавках и с большими ножами на ремнях; когда Людвигу Ивановича поставили на колени, а Люба и Саня вдруг заплакали, Кумико закричала, что не позволит обижать честных фермеров и что её папа...

Так она попала в лапы бандитов — не наших северных, а отпетых кромешников откуда-то с далёкого запада, которые привыкли к полной безнаказанности и не вполне понимали, на что посягнули.

На радостях они ничего не сделали с фермерами. Даже Карлу, который попытался что-то неумелое про Кумико наврать, они лишь разбили лицо.

39

— Шамиль Иванович!.. — за воспоминаниями я чуть не пропустил его. — Можно вас на секунду?

Он остановился, посмотрел на меня.

— Север... э-э...

— Гаевич. Но лучше просто Север.

— Да-да, вспомнил. Хотите что-то сказать?

— Не выяснили, репортёр жив? Гагарин Бланш?

— Да-да. В смысле, нет. Не выяснили. Вернее,

при взрыве он не погиб, это уже ясно. Но другой информации пока не поступало.

— Снегирь вам сказал, что это его приёмный сын?

Шамиль моргнул. Похоже, эта мелочь выпала из поля зрения матёрого.

— Ну, тогда понятно...

— А я берусь доказать, что статьи в «Ньёрдбургере» написаны кем-то другим.

— Доказывайте. Пригодится. Завтра нам всё пригодится...

— Вы тоже считаете, что Снегиря подставляют?

— Давайте об этом — после суда, хорошо?

— Как скажете...

Он кивнул и ушёл, а я направился по коридору к комнате для допросов. Здоровенный дружинник открыл мне дверь, я вошёл. Из-за матовых стёкол в комнате было сумрачно.

40

Игнат сидел сгорбленно и что-то писал на листке. Увидев меня, он, кряхтя, перевалился на скрипнувшем стуле, сел поразвалестее и даже попытался подпереть голову, но стол был низковат для этого.

Вряд ли он мог доподлинно знать о нас с Кумико. Но, думаю, он что-то подозревал, или ему нашептали, или что-то ещё. То есть он был почти уверен... но не до конца. А Игнат был такой человек, что действует только тогда, когда до конца уверен в правоте. Ещё и поэтому я ни на миг не усомнился в том, что всё это дело — ложь и провокация.

Я не буду пересказывать весь наш длинный разговор — в том числе и потому, что беседа поверителя и поверенного есть тайна и тайной должна остаться. Но кое-что существенное огласить могу — хотя бы потому, что потом это прозвучало на суде.

Причиной его неприятностей мог стать отказ продать остров Котур — старинное фамильное владение Снегирей, имеющее сейчас ценность разве что ностальгическую. Когда после последней войны запретную зону расширяли с семисот до тысячи километров, Стена как раз коснулась Котура — и даже отхватила от него небольшую часть. Это сразу обесценило остров, поскольку рядом со Стеной драконы не живут. Потому что не хотят, и всё.

(Собственно, и я пострадал точно так же. Хотя размер моей делянки несоизмерим со снегирёвским, досаду я испытывал никак не меньшую...)

К Игнату подкатывались несколько раз, предлагая хорошие деньги, а месяца два назад отчётливо пригрозили неприятностями. Это во-первых.

Во-вторых, что было очень важно, чего никто пока не знал и что было нашим козырным тузом — Гагарин не просто не имел отношения к пасквилям, а был избит, похищен, бежал, сейчас скрывается, но на суд собирается пробраться и выступить там.

В-третьих, что очень многое объяснило бы, получи оно подтверждение: вероятно, начальник охраны Сунь Хао — совсем не тот человек, за которого себя выдаёт. Игнат не знает, был ли у Суня доступ в банковское хранилище — но вот заполу-

читать ключи на час-другой он возможность имел. Здесь Игнат допустил какую-то совершенно детскую неосмотрительность...

В общем, мне следовало: проявлять осторожность — раз; прикрыть Гагарина — два; если будет возможность, присмотреться к Сунь Хао — три.

И вообще — дожить до завтра, а завтра мы им покажем.

41

Я вышел; был уже ранний вечер. Солнце опускалось за спиной, на зеленовато-серой облицовке площади лежала тяжёлая плотная тень здания мэрии. Зато телеграф, школа и «Зелёный дракон» просто-таки сияли и сверкали, как игрушки ко Дню Первопроходцев. Рядом с баром даже натянули тент из старого мембранита весёленькой апельсиновой расцветочки, под тентом стояла необходимая мебель — и сидели несколько человек очевидно-неэстебанского вида.

Если мне кое-что зажать в тиски и заставить сформулировать, чем эстебанцы отличаются от земляков и прочих неэстебанцев, я что-нибудь придумаю и опишу отличия достаточно убедительно, и будьте уверены — объяснения мои будут полностью соответствовать действительности. Но! Все эти отличия воспринимаются постфактум, а то, что перед нами чужие, мы узнаём в тот же миг, как их увидим, или чуть раньше. На долю секунды. Говорим себе: о! Тут где-то рядом земляки! Обобрачиваемся и видим: сидят. Или идут. Или смотрят

на нас с палубы проплывающего дирижабля. В общем, присутствуют.

Этому феномену нет объяснений, но то, что сам феномен существует, — несомненный факт.

Армен, например, считает, что туристы носят на себе или в себе какое-то устройство, которое отпугивает дикарей (в смысле, нас), а заодно не позволяет самим туристам разбредаться и делать глупости. Не исключаю такой возможности. Но тогда непонятно, почему мы точно так же мгновенно опознаём и тех земляков, которые не имеют имплантов — а среди туристов таких немало? И, что самое забавное, совершенно не реагируем на иммигрантов, которые ещё не избавились от всяческой машинерии в собственном теле?

Своего рода телепатия, не иначе...

Я знал, что если сейчас сяду где-то рядом с туристами, кто-то из них обязательно пристанет с разговорами, захочет запечатлеться на память в компании настоящего обветренного флюгмана, обменяться сувенирами... нет, я ничего не имею против туристов, и даже против земляков вообще. Но — не сейчас.

Поэтому я как бы рассеянно прошёл мимо тента и толкнул дверь «Дракона».

Здесь было, конечно, душновато, несмотря на распахнутые створки крыши и шуршащие над головой шёлковые лопасти больших вентиляторов. Но зато вкусно пахло — я же ел когда? Ночью.

Меню было, как положено, на трёх языках, я покрутил его в руках и положил обложкой кверху. Тут же подошла официантка, округлая такая ба-

рышня с глупыми губками и неожиданно грустными глубокими глазами. Раньше я её тут не видел, а поэтому не сказал «как обычно», а расшифровал:

— Пирог с улитками — примерно вот такой, — я показал руками, — и белое «Удачное».

— Бутылку? — уточнила барышня.

— Нет, бокала хватит...

В «Зелёном драконе» я всегда брал пирог с улитками. Не знаю, как это получалось у повара, но то, что в других местах обычно напоминает картонную подошву, на которую наклеили горячие резиновые шарики, здесь было тем, чем и замышлялось изначально: пищей богов.

Я управился с половиной куска, когда на стул рядом плюхнулась Изабелла, по-простому Изя. Пришлось отложить нож и вилку и вытереть губы.

— Север, — сказала она проникновенно. — Друг. Выручи, а?

Изе трудно отказать. В ней много от ребёнка, то ли мальчика, то ли девочки, не поймёшь, и это сильно давит на подкорку. Изя, понятное дело, такое ценное свойство своего организма охотно использует — но, надо отдать ей должное, не на всю катушку. Вот и сейчас она смотрит на меня ангельскими глазками и разумно объясняет, что она тут ни при чём, это планировщики напутали, но...

— Изя, — сказал я. — Друг. Ты знаешь, зачем я здесь?

Два и два она могла сложить в уме мгновенно.

— Из-за завтрашнего?..

— Именно. Сама понимаешь...

— Но мне-то нужно — послезавтра!

Н-да. Планировщики напутали, Изе нужно после послезавтра быть в двух местах одновременно, разорваться она, ясное дело, не в состоянии — а если туристы окажутся недовольны, компания понесёт убытки, а то и разорится, и что тогда ей, Изе, матери двоих детей, делать?

— Слушай, — сказал я. — У меня завтра суд. И что получится, если заседание продлят и на послезавтра, и на после послезавтра?

Изя вздохнула. Было понятно, что тогда компания понесёт убытки, а то и разорится, и...

— Понимаешь, мне не хотелось бы пообещать, а потом нарушить обещание.

Она развела руками. Подумала.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы заседания продляли?

— Слышал. Редко, но бывает.

— Ну, может, рискнём?

— Куда их надо везти?

— Показать драконов, только и всего. Я обычно вожу на Грабли...

— Знаешь что? — сказал я. — Давай сделаем так: ты ещё поищешь подмену, и если найдёшь, я не обижусь. Завтра ты будешь?..

— Мне бы сейчас решить, Север. Тогда я завтра увезу этих и заночую на Пропускном. Послезавтра вечером посажу твою группу на омни, ты их встретишь утром часов в десять, а я свою повезу в Ньёрд. Ну, пожалуйста, Север!

— Ладно, — сказал я. — В случае чего найду кого-нибудь, кто подменит меня.

— Но ты же знаешь — только с лицензией!..

— Знаю, — сказал я и вернулся к пирогу.

Если бы у меня было время... я это уже говорил, помните? Так вот, будь у меня лишний день или хотя бы лишняя ночь, я бы успел вот что: прокатать Суня и понять, кто он такой; выяснить, не покупали ли у кого-то землю или делянки похожими методами (то есть сегодня, посидев в архиве, я выяснил: да, покупали; другое дело, что многие владельцы этих ставших негодными земель были только рады неожиданным деньгам) — и кто именно это делал; наконец, попытался бы найти Гагарина, чтобы предъявить его шерифу до суда, тем самым развалив всё дело. Гагарин же, духи его заberi, понимая, что попал в очень крутой переплёт, решил появиться внезапно, в людном месте и в людное время, считая, что так безопаснее.

Ну да, безопаснее — это конечно...

Сунь, когда я дозвонился до Снегирей, уже отбыл на дирижабле-пикапе в Три Столба, и шансов перехватить его по дороге у меня просто не было. Лёжку Гагарина я, естественно, не знал, но передал общим знакомым, что хотел бы с ним встретиться до того, как всё начнётся. Вот это точно сработало бы, окажись времени чуть побольше; как выяснилось потом, лежал-то Гагарин совсем рядом...

И, в общем, мог подать знак.

Но не подал. Жаль.

Я сделал ещё пару звонков и разослал десяток срочных телеграмм, уже просто проверяя свои подозрения и пытаясь связать события. К сожалению

нию, ответы пришли только на следующий день, когда и так всё стало ясно...

Заодно я немного отщипнул от судебного бюджета на собственные нужды: разослал в два десятка мест набросанные от руки портреты братьев Денисовых (без указания имён) — якобы потенциальных свидетелей защиты. Надежда, что эта уловка сработает, была самой что ни на есть призрачной, но не воспользоваться случаем я просто не мог.

(Денисовых я всё-таки нашёл — много позже; впрочем, старик жив до сих пор, так что актуальности эта тема не обрела. Поиски братьев оказались длительными и вышли далеко за рамки этой истории. Когда-нибудь, если будет время и настроение, я расскажу, как я это сделал... а если забуду рассказать, не страшно. По-настоящему интересного в тех поисках ничего не было — кропотливая будничная работа, бумажки, свидетели. Разве что сама Мирабелла... но про неё потом.)

44

Теперь оставалась мелочь: пережить ночь.

Проще всего было бы оседлать Собаку и улететь куда-нибудь за город, где меня точно не найдут даже с облавой в пятьсот пар ног. Этому мешало одно: сохранялся большой шанс, что объявится Гагарин или что я получу ответ на один из моих срочных запросов — и тогда нужно будет действовать, не теряя ни секунды.

(Этого не случилось, но ведь могло случиться... и я должен был быть там, рядом... Я кручу так и

этак, и получается, что поступил я правильно. Хотя и глупо. Вернее, нерасчётливо. Ну... ничего не поделаешь.)

Поэтому, пораскинув мозгами, я сделал самое простое: отдал себя под охрану шерифу. И он не мог возразить. Хотя очень хотел. Видимо, осквернить свою маленькую чистенькую тюрьму такими негодями, как я, ему было стыдно.

Но мне, честно говоря, было плевать на его стыдливость.

Я получил две простыни, набитую шерстью подушку и шерстяное же одеяло. Дверь моей камеры не заперли, но велели по коридору не шастать — это тебе не отель и не постоялый двор.

— Кто там так храпит? — спросил я дежурного поца; стол его был как раз напротив моей двери.

— Да как кто? — хмыкнул он. — Твой клиент. Каждую ночь такой концерт... Ну, завтра уж отдохнём.

Да, подумал я, при любом исходе Игнат сюда вряд ли вернётся...

Мне надо было поспать хотя бы четыре часа. Иначе буду не человек. А мне завтра надлежит быть именно что человеком.

Наше правосудие напоминает схватку на ножах где-нибудь в тёмном переулке. Пятнадцать секунд — и ты или победитель, или покойник.

В порядке разнообразия мне приснился сон. Я уже говорил, что они мне почти никогда не снятся? Вот в порядке исключения... Сон оказался ал-

легорический и неприятный. Будто бы все мы были хрупкими фигурками из пепла или из застывшей пены, при этом живые, живущие и желающие жить. И тут к нам прибыла туристка-землючка, старуха, издали похожая на китайку. Она была шумна и бесцеремонна. И когда ей кто-то сказал что-то не слишком почтительное, дерзкое, она стукнула его тростью — она ходила, опираясь на бамбуковую трость, и мальчишка — это был мальчишка — рассыпался в прах, просто перестал быть. Старухе это понравилось, и она стала рассыпать удары направо и налево. Мы погибали очень прикольно. Я пытался остановить её, объяснить ей, что так нельзя, что мы живые, такие же живые, как и она, мыслящие, одушевлённые. Она не слышала, не верила, не желала понять. Но она уже надышалась нашей пылью, нашим прахом, и её стали преследовать призраки нас, умерших. Она принялась сначала озираться, потом дрожать от страха. Потом — закричала. Когда призраки рассеивались, она спрашивала меня: ведь здесь же никого нет, мне всё мерещится? Я отвечал, что в каком-то смысле да, мерещится. Её приступы страха, её вопли становились всё сильнее, всё невыносимее, и наконец я сам не выдержал и заорал: «Сдохни!!!»

И она сдохла.

Я проснулся и сел. Было душно, сердце колотилось, простыни промокли от пота. За дверью бубнили.

Слуховые импланты мне удалили давно, сразу после войны — так что прислушаться столь же эффективно, как присмотреться, я не могу. Слышу

как обычный человек, даже и похуже — та контузия дала в конце концов о себе знать...

Я влез в штаны и босиком вышел в коридор, изображая определённую рассеянность.

Дежурный поц был всё тот же, а рядом с ним на табуретках сидели два дружинника, когда-то уже виденные мною в городе и вроде бы ни с чем криминальным не связанные. Хотя... кто может дать гарантию?..

Увидев меня, они оборвали бубнение, а потом заговорили фальшивыми голосами. Я пожаловался на бессонницу, на отказавшую зажигалку — и спросил огонька. Мне дали прикурить, я распыхал трубочку, поблагодарил, спросил, как идёт служба, посетовал, что вот завтра день важный, а я уснуть никак не могу, душно — и ушёл обратно, оставив дверь приоткрытой.

Они потрепались ещё минут пять и свалили.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЁРТАЯ

46

Кромешники не сделали Кумико ничего плохого, один из них даже рассказывал ей на ночь сказки. Другое дело, что горло ей перерезал бы именно он — если б успел...

Они продержали её почти три недели, не связываясь со Снегирём — хотели, чтобы он как следует прочувствовал потерю дочурки, думая, что она так и канула в таиге. Они ведь не знали, что я видел, как её поднимали на ферму...

Ферму «Гевьюн» мы нашли на шестнадцатый день неподалёку от пункта сдачи сырца на острове Ленский, из осторожности не сунулись сразу (к ней пристыкован был незнакомый дирижабль, это всегда настораживает), а навели справки у дрейфующих в окрестностях фермеров и узнали, что они тоже испытывают какие-то сомнения относительно происходящего и даже отправили телеграмму ближайшему шерифу (то ли Ньёрдбурга, то ли Ленского, то ли Мэйлиня, одни говорили одно, другие другое; подозреваю, что ничего они не отправляли), поскольку Бахманы вообще-то народ приветливый, чуть что — мигают фонариком, зовут на пиво-потанцульки, а тут висят и молчат, как бирюки какие-то.

Мы — то есть я, Армен и ещё один наш приятель, Серёжа Дужный, блюстителю — или бывший блюстителю, не знаю, как правильно: его за полгода до того уволили за контры с начальством, а после нашей эскапады взяли обратно — и почти сразу же он погиб в большом пожаре на Мэйлине, — так вот, мы трое изображали тех самых блюстителю, и дирижабль у нас был под стать, малинового цвета и с нужными эмблемами на нужных местах, и документы Армен спроворил самые отменные, и всё это из чистой осторожности и предусмотрительности, в этом смысле он был — да и сейчас, думаю, не особо растерял качества — почти гений. То есть мы вполне мотивированно облетали фермы, проверяли, как дела с пожаробезопасностью и огнеотсутствием. Не у всех фермеров хватает денег на гелий, многие летают почти на

чистом водороде, и когда фермы и дома сбиваются в посёлки, достаточно одной искры...

И вот, пока мы там шустрили, «Гевьюн» и незнакомый дирижабль ночью снялись и направились на север, к Снегилям. Мы так и не побывали на «Гевьюн» с инспекцией, я лишь как следует рассмотрел их издали. Кумико на открытых взглядах местах не показалась, но я засёк как минимум двух бритоголовых, которые могли быть кем угодно, только не фермерами. У фермеров есть поверье, что волосы как-то защищают от пыльцы. А может, это не поверье, а наблюдение.

47

Наверное, можно было прихватить крошечных этой же ночью, прямо на маршруте, но по разным причинам мы не стали этого делать. По каким? Ну, по разным. Мешало, скажем, дословное понимание закона — что-де преступник должен ясно выразить преступные намерения. В нашем случае — потребовать выкуп. А то мы их прихватим — и сами же под ответом: люди спокойно везли найденную в тайге девочку родным, а мы их — ножом. Почему долго везли? Ну, допустим, девочку немота объяла, не могла она ничего объяснить. Бывает? Ещё как бывает. И другие соображения имелись — что у меня, что у Армена, что у Серёги. Так что мы быстренько натянули поверх малинового пузыря матово-серый чехол из микрослойки, что запрещено, понятно, но нам было не до мелких этих запретов, — и тронулись следом, держась на пределе видимости.

Моей видимости. То есть часах в трёх лёта.

И действительно — прибыли в Снегири...

Да и куда ещё мы могли прибыть? Если не выдумывать специальных каких-то выкрутасов? В жизни, как правило, всё происходит очень просто. Решил — сделал. Или решил — и остался лежать на диване. Или: вот ты есть — а вот тебя нет...

48

Прибыли мы, разумеется, не в сами Снегири, не в имение, что было бы очень с нашей стороны глупо, а прибыли на крайнюю восточную оконечность острова; имение лежит в западной части, открываясь при этом на северный склон. На востоке же стоял нормальный сторожевой пост при плантациях, уже вскипидаренный по тревоге, мы ребятам быстро объяснили, кто мы такие и что надо делать, и вскоре телеграммы между постом и имением летали с частотой поршня...

Буквально через час мы имели твёрдые доказательства того, что нам известно, какое преступление совершено, и что все наши дальнейшие действия осознанны и продиктованы обстоятельствами. И что мы принимаем на себя ответственность за последствия, будучи полностью осведомлёнными — и так далее.

49

Когда мы с Арменом были совсем молодыми и притом полными идиотами, война вот-вот собиралась начаться, да всё никак не начиналась (а нас

ещё не начинили модификаторами и имплантами, мы были обычные парни из припортового района Ньёрдбурга, причём я совсем ещё зелёный, и Армен мне покровительствовал), — вдруг, как Цветы на свежем дерьме, повсюду стали возникать (и тут же обрастать традициями) различные бойцовские клубы. Рукопашным боем мы тогда не вдохновились (и, может быть, зря: буквально в трёх шагах от нашего дома работала школа братьев И, потом я слышал много хороших отзывов о тех, кто её прошёл), поэтому занялись ножевым. Наверное, сыграло свою роль ещё и то обстоятельство, что занятия вёл Арменов троюродный дядька Айваз по прозвищу Шаман — и не только потому, что он всё время ходил в жуткой раздёрганной блузе, напоминающей шаманский маньяк, но и за исповедуемый им принцип великого Ак-кама «ничего лишнего». У него я и научился двум вещам, которые не раз спасали мне жизнь: во-первых, строить схватку не как набор или серию приёмов, а как одно непрерывное движение — и во-вторых, полностью отключать мозги.

Нет, я могу, конечно, вытащить из памяти события на дирижабле и на «Гевьон», в памяти ведь остаётся всё, ничего не пропадает — но это будет, если можно так выразиться, память о непережитом: как если бы я эту историю от кого-то услышал или где-то прочитал. По-настоящему я помню только, как готовился, потом — как мы подбирались к крошечникам, как я лез по канату. И через некоторое время: как спускался вниз с Кумико на руках.

Мы вылетели от сторожей ещё до заката, перед тем снова поменяв цвет нашего пузыря — теперь на матово-чёрный. С наступлением темноты спустились ниже и пошли медленно и бесшумно, поскольку было подозрение, что у кромешников то ли на берегу, то ли в каком-то воздушном доме — а их к Снегирям прибывалось временами до сотни, поскольку денег за постой Игнат брал очень немного, а постояльцы автоматически оказывались под его защитой, — так вот, было подозрение, что где-то там сидит наблюдатель (и ведь действительно сидел, его потом нашли... ну и обронили нечаянно; бывает).

За полночь мы по расчёту времени поравнялись с именем — и тут же на фоне Кольца я увидел злосчастную «Гевьюн» и пристыкованный к ней дирижабль. Они исполняли активное висение — то есть двигатели чуть-чуть работали, компенсируя снос ветром. Я перебрался на «зенит» — площадку размером с книгу на самом верху пузыря, — и оттуда подавал команды: пока можно было, по интеркому, а потом — просто дёргая верёвочку; Армен образцово команды исполнял, и в конце концов мы всплыли почти вертикально — точно под гондолу дирижабля. Я с первой попытки забросил «кошку», повис на тросе — а Армен тут же убрал немного плавучесть, сжав ОПО — отсек переменного объёма, — и наш чёрный дирижабль абсолютно беззвучно провалился вниз и буквально через пять секунд исчез, и даже я не смог бы его увидеть, не включая ночного зрения, — я же повис

над бездной, чуть покачиваясь на тросе и уже забыв, как я сюда летел и что делал, а только вслушиваясь в лёгкий поскрип такелажа наверху. Так я висел минуту, потом две, потом пять, впитывая какую-то скудную информацию и принимая внутри себя уже неподконтрольные мне самому решения.

Наконец я медленно полез вверх — узел за узлом. Узел за узлом. Всего их должно быть около пятидесяти.

Оказалось — сорок шесть.

Когда узлы кончились, я ещё повисел некоторое время, сквозь оградительную сетку всматриваясь в происходящее на дирижабле и на видимой мне части фермы, потом достал из головной повязки керамический ножичек и, стараясь не скрипеть, проделал в сетке подходящую мне по размеру прореху...

51

.....

52

Кумико не могла выпасть из специальной спасательной люльки, которая была на мне, но я всё равно обнимал её свободной рукой. Спуститься оказалось значительно труднее, чем подняться, поскольку некоторых моментов мы не учли: Серёга, как выяснилось, хуже меня взаимодействует с Арменом, в первый заход они вообще промахнулись; кроме того, с отсутствием третьего на борту

изменился весовой баланс, и дирижабль если не переворачивался, то опасно раскачивался...

Когда они приближались в третий раз (ниже, чем нужно, метров на пять), я крикнул Серёге: «Быстро вниз!» — и он, всё поняв, нырнул в люк. А я сказал Кумико: «Ну, держись». И она стала держаться.

Чёрная туша вплыла под нас, я дождался, когда будет примерно середина, и отпустил трос, намереваясь упасть на четвереньки. И это, в общем, получилось — другое дело, что и каркас, и натянутая плёнка самортизировали, и хотя я не подпрыгнул, конечно, как на батуте, но опору потерял, меня опрокинуло на спину...

Рука сама метнулась к ножу и сама же всадила его в обшивку. Короткое движение, разрез, руку внутрь — и я повисаю на локте, спиной по ходу движения.

Осматриваюсь. Ни справа, ни слева никаких тросов или монтажных лестниц. То есть они есть, но не в пределах досягаемости. Вынос двигателя — тоже не подо мной, а чуть ли не в трёх метрах ближе к хвосту. Уже понятно, что я поторопился с прыжком...

— Армен! — во весь голос. А голос смешной, как у игрушечного человечка, — значит, я прополз не только обшивку, но и один из баллонов, и гелий выходит.

— Да! — как будто он совсем рядом.

— На полном газу — к берегу!

— Понял!

Винты взревели.

Если бы я повис не на правом борту, а на левом... Или на другой руке — так, чтобы смотреть вперёд...

Было бы лучше.

Но я висел на правом борту и смотрел назад. И всё видел.

Я видел, как на платформу фермы выбежала голая растрёпанная девушка. Потом я просмотрел фотографии и могу сказать точно: это была одна из наёмниц, Алина Неспешная, дочь одного из наших, 511-го, Ивана Неспешного, я его не знал, он умер вскоре после войны, отравился — то ли несчастный случай, то ли самоубийство...

Алина выбежала на платформу. Наклонилась — видимо, над убитым часовым. Потом на полминуты скрылась в помещении — и вернулась с горящим факелом в одной руке и какой-то бутылью — в другой. Я видел, как она льёт вокруг себя жидкость из бутылки, потом пытается брызнуть вверх — один раз, другой...

Платформу охватывает пламя. Я вижу, как горящая Алина мечется в этом пламени. Кто-то ещё — я так и не рассмотрел, кто — появляется на платформе...

И тут вспыхивает водород.

Я потом посчитал: четыре секунды. И всё.

Пылающий остов фермы рушится вниз, увлекая за собой дирижабль. Тот, наверное, наполнен гелием, поскольку не вспыхивает, но страшный жар обжаривает его, обшивка сгорает, проступают рёбра...

Всё это будет падать вниз ещё долго.

Закрываю глаза. Открываю. Смотрю на Кумико.

- Ну, как ты?
Она ничего не видела, и я страшно рад этому.
— Мы летим к папе? — спрашивает она.
— Да. К папе.
Она задумывается. Глубоко.
— Слушай, — говорит наконец. — А вот если бы ты был мой папа — ты бы меня отшлёпал?
— А надо? — спрашиваю я.
— Думаю, да, — говорит Кумико.

54

Нам так и не удалось выяснить, что же происходило на захваченной ферме. Не осталось даже тел: всё поглотило болото. Вернее, болотные жители. И Кумико не могла прояснить ситуацию: её держали отдельно, взаперти, и весь без малого месяц она никого не видела, кроме двух сменяющихся охранников — да ещё однажды в каютку к ней заглянул странный тип с очень бледным длинным лицом и полностью татуированным выбритым лбом. Он не сказал ни слова, но Кумико почему-то очень испугалась его. Охранников она не боялась.

Время от времени она слышала разные странные нечеловеческие звуки, но не могла понять, что они означают.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

55

Утро выдалось пасмурным и моросным — это редко бывает в Трёх Столбах, но редко — не значит никогда. Думаю, мне всё-таки удалось вздрем-

нуть часа ещё полтора-два, то есть я был невыспавшийся, но более или менее вменяемый, и утренняя прохлада (если не сказать, промозглость) пошла мне только на пользу.

Я осел в «Зелёном драконе» за дальним столиком — так, чтобы от входа меня не было видно, — и набросал тезисы защитительной речи — вернее, двух: если появится Гагарин — и если он почему-то не появится. Для второго случая я произвёл лексический анализ статей самого Гагарина и того мерзавца, который использовал его имя. Под действием арифметики мои подозрения обрели вескость: как ни пытался мерзавец подделать стиль, основных фишек Гагарина он не просёк: тот никогда не начинал абзаца с буквы «П» и не допускал, чтобы в предложении два слова, начинающихся с одной буквы, стояли рядом. Это были его личные отвороты дурного — а он, как любой эстебанец, к подобным вещам относился трепетно. Присяжные довод поймут и оценят...

В семь утра я пошёл в порт. Мои опасения (вернее, предчувствия) подтвердились: пикап из Снегирей как раз готовился причалить. Я дождался, когда команда и четверо пассажиров сошли на пирс — но Суня среди них не оказалось. Пилот подтвердил, что вечером Сунь на борт поднялся, имея при себе объёмистый и довольно тяжёлый свёрток; утром не оказалось ни того, ни другого. Мог ли это быть небольшой пузырь и баллон с газом? Пилот почесал репу, потом репой же покачал: нет, для наполнения самого маленького пузыря баллон должен быть гораздо больше того, что уместился бы в свёртке Суня. Да и по конфигура-

ции не похоже это было на баллон и свёрнутую оболочку, там было что-то жёсткое, длиной так метра два... сложенные лопасти, может быть?..

Короче говоря, на пузыре ли, на ранцевом вертолётке ли — но Сунь от меня ускользнул, дав тем самым ещё один аргумент для оправдания Игната.

Пилота я тоже записал в свидетели, он согласился с радостью.

Другое дело, что всё это так и не пригодилось...

56

Думаю, не имеет смысла подробно рассказывать о начале суда — стандартная процедура, все её знают. Морось кончилась, тент над площадью суда натягивать не стали. Суть обвинений, которые озвучил шериф, я уже довольно подробно изложил. Другое дело, что говорил шериф с неподдельной страстью, временами начиная брызгать слюной, и говорил сорок минут по хронометру. Присяжные были его. Я смотрел на них, избранных жребием: все мужчины (по закону женщина имеет право отказаться от участия в процессе, по которому может быть вынесен смертный приговор; мужчина такого права не имеет), нет особо молодых, зато есть почти старик, это заметно даже под капюшоном...

Когда шериф закончил дозволенные речи, ему готовы были аплодировать. Была половина одиннадцатого.

Потом судья спросил Игната, признаёт ли тот себя виновным. Игнат (в белом отглаженном кос-

тюме и с галстуком-шнурочком у горла) встал и твёрдо сказал, что не признаёт. Судья спросил меня, нет ли у поверенного уточнений по поводу позиции его подзащитного. Мне хотелось заявить, что «невиновен при смягчающих обстоятельствах», но я не стал выдвигаться. Уточнений к позиции Игната у меня не было.

А потом я увидел Кумико. Она тихонько пробиравалась по забитому людьми проходу, и кто-то уступил ей место в первом ряду — справа и чуть сзади от моего столика. На меня она не смотрела — только на отца. А я — только на неё. Это длилось несколько секунд...

Потом она нахмурилась и полезла в карман. Достала какой-то конверт. Посмотрела на него, высоко подняв брови. Конверт был направлен ко мне ребром, и я не мог прочесть, что на нём написано. А Кумико закусил губу, снова спрятала конверт — теперь уже во внутренний карман — и огляделась по сторонам.

И легонько, почти незаметно для других, кивнула мне.

Судья вызвал Шамиля Ивановича — дать оценку доказательствам обвинения. Он вышел, неторопливо разложил бумаги, обвёл взглядом зрителей, сидящих и стоящих, нацепил очки, приготовился начать читать — и вдруг нахмурился, к чему-то прислушиваясь...

Я уже говорил, что у меня слух не очень? Поэтому шум винтов я услышал позже, чем он, и даже не успел повернуть голову. Поэтому видел всё, что

произошло на помосте, и ничего, что происходило на площади и позади неё.

Так вот: я увидел, как ровно посередине груди Игната, как раз над верхней пуговицей пиджака, образовалась маленькая чёрная дырочка, и Игнат вздрогнул всем телом, а потом встал и опёрся о барьер — и так, опираясь и перебирая руками, обошёл барьер, легко отстранил растерявшегося пристава и стал спускаться к Кумико — по трём ступенькам помоста...

Ещё одна пуля ударила его в бок, но он этого уже не заметил.

57

Знаете, как это — умирать? Я расскажу.

На самом деле это очень просто. Вспомните, вы наверняка перебирали на вечеринке и под конец, хватив по неосторожности какого-то другого напитка или коктейля, вдруг чувствовали, что начинаете стремительно пьянеть, выходили на свежий воздух, под дождь, в надежде освежиться — и этот свежий, так его и перетак, воздух оказывался последней каплей, на несколько секунд вы трезвели, как от нашатыря, — или вам казалось, что вы трезвеете, что несущественно, — и вы начинали спускаться на лужайку, и вот тут тело вдруг отказывалось служить, нога подгибалась в колене, вы падали, не ощущая ни удара о ступеньку, ни сырости травы, пытались подняться, вас валило набок, земля накренялась, накренялась, это было даже забавно, хотя и жутковато, приходилось хвататься за

траву, чтобы не соскользнуть куда-то, потом вы видели склонившиеся лица, обычно перевёрнутые, а потому очень смешные, и улыбались им, и пытались объяснить, как это смешно, но очень хотелось спать, и скоро всё кончалось.

Так вот, смерть — это то же самое, только на трезвую голову. Ничего романтического, ничего страшного.

«Того света» тоже нет. И света в конце туннеля, и пения ангелов. Бывает мерцание в глазах и шум в ушах. Всё.

58

Игнат улыбнулся нам — наверное, мы казались ему очень забавными, такие встревоженные, — и сказал мне отчётливо: «Позаботься о Кумико». Потом изо рта его хлынула волной кровь. Но почти сразу же остановилась.

59

И только потом я повернулся и посмотрел на вертолёт. Это был обычный «Крауф», небольшой грузовичок. Номера закрывал большой яркий стикер с изображением друкка, обнявшего апельсин. В вертолёте сидели двое: один на месте пилота, лица его я не видел, только затылок, ухо и часть щеки. Другой, с повязанным вокруг головы шарфом, стоял на колене в проёме бокового люка и держал за цевьё винтовку, опустив ствол вниз. Винтовку я не опознал — вероятно, она была того же «кустар-

ного производства», что и найденная у Игната в сейфе. Тем более что звука выстрела не было...

У стрелка из-под шарфа виднелась часть височного тату: задняя нога и хвост ящерицы Стерлинга — живущей на южных островах рептилии, которая ядовитым плевком сбивает мелких крылатых тварей с десятиметровой дистанции. Для человека её плевков не опасен, просто неприятен. Я ещё никогда не встречал такого тату.

Через несколько секунд вертолёт исчез за островерхими красными крышами окружающих домов. И только тогда собравшиеся зашумели.

60

Я тихо сказал Кумико:

— Спрячься. Спрячься так, чтобы не нашли.

Она кивнула. Наверное, сразу всё поняла. Это я ещё не всё понял, просто печёнкой почувствовал. А она — наверняка поняла. Она очень умная. И просто железная иногда. Она снова кивнула — но кажется, уже не мне, а себе самой, — закрыла отцу глаза, подержала ладонь на его лбу — только один раз её пальцы вздрогнули, наверное, в тот момент, когда Игнат окончательно перестал быть, — и мгновенно исчезла.

Я остался около мёртвого. Начиналась дурная суета. Судебные приставы на нас натыкались, как будто ничего не видя перед собой. Неслись дальше.

Потом я заметил Гагарина. Он потерянно стоял в проходе, не делая попыток подойти. Но и не исчезал, что по уму следовало бы сделать...

Сначала площадь окружили люди шерифа, поцы и дружинники. А минут через десять три десантных катера опустились на ближайших к судебной площади перекрёстках. Я тупо смотрел, как из них выскакивают и разбегаются по сторонам солдаты в серебристо-серых «ящерах», пока что дезактивированных...

Ну, что ж. Молодцы. И шериф молодец, подумал то же, что и я: стреляли, скорее всего, из окна или с крыши, а вертолёт — нарочитый ложный след. Ну и заодно — демонстрация серыми предельной наглости и полной безнаказанности.

И ещё я думал: удалось ли Кумико выскользнуть за пределы оцепления? Потому что с момента смерти Игната она становится единственным и полноправным наследником всего имущества отца — и всех его обязательств. А значит — главной целью серых.

61

Меня начал допрашивать офицер-землюк, лейтенант-командер юстиции Мелинкевич, и я сразу понял, что угодил на вакантное место главного подозреваемого. Но потом пришёл Шамиль Иванович и порушил ему всю забаву. В конце концов дело свелось к нескольким конкретным вопросам и не менее конкретным ответам строго по существу дела, и я был отпущен с пожеланиями соблюдать предельную осторожность. «Боюсь, Север, что ваш принципал затронул какие-то болезненные нервные узлы теневого сообщества, — Ша-

миль, как и многие другие законники, почти всегда использовал нейтральную терминологию и обтекаемые выражения. — И не исключено, что вы знаете, какие — может быть, сами о том не подозревая».

Я обещал: во-первых, быть осторожным и осмотрительным; во-вторых, подумать над его словами. У меня действительно ещё не возникло цельной картины произошедшего и происходящего — хотя потом, когда всё встало на свои места, я мог только поражаться собственной слепоте. Вернее, не совсем слепоте, а неумению выбрать из нескольких версий самую тривиальную.

Как говорил Шаман, «ничего лишнего».

62

Гагарина выпустили только к вечеру второго дня, когда подтвердилась его непричастность к событиям. Кумико так и не нашли.

Сказать, что город шумел, — это не сказать ничего. Город галдел и вопил. Землюков обвиняли не просто в потворстве бандитам, а чуть ли не в непосредственном участии в ликвидации моральных лидеров Эстебана (и все сразу забыли, что несколько дней назад Снегиря считали главой местных серых). Поползли слухи, что по всей планете уничтожают ветеранов прошлой войны — а это значит, что Земле мало блокады, Земля готовится к прямой оккупации. Как обычно, логики в слухах было мало, зато эмоции хлестали через край.

Среди слухов был и такой, особо мерзкий: что

это Кумико подстроила убийство и — как единственная наследница — через подставных лиц распродаёт сейчас имущество...

Я присутствовал при вскрытии (первая пуля пробила дугу аорты, у Игната не было ни малейшего шанса выжить; вторая застряла в подвздошной кости) и на экспертизе самих пуль, которая, по сути, ничего не дала: пули были стандартные, для низкоэнергетического охотничьего патрона 9×39; до момента полного запрета огнестрела на Эстебানে это был самый распространённый здесь калибр; не удалось даже установить, из одного ли ствола были выпущены эти пули, поскольку с той, которая попала в кость, сорвало мягкий поясок (его так и не нашли), а на силикофрамowych сердечниках, понятное дело, никаких следов от нарезок не остаётся.

Потом я отвёз тело Игната в Снегири и похоронил рядом с госпожой Мидори. Все домашние были в отчаянии, но успокаивать их у меня не было ни сил, ни бессовестности: я не представлял себе, как обернётся дело, а оно могло обернуться самым скверным образом.

63

А потом настал срок выполнять данное Изе обещание. Утром меня привезли на пикапе из Снегирей, и я даже никуда не пошёл, потому что омни, попавший в попутное течение, прибыл на два часа раньше расписания. Я стоял и смотрел, как он швартуется, и испытывал ни с чем не сравнимое

дежавю: вот точно на этом же месте и даже в этой позе я стоял и ждал, когда же на пирс ступит господин Сунь...

Я уже говорил, что земляюков ощущаешь ещё до того, как увидишь? Ну так вот: подтверждаю.

Группа была небольшая — шесть человек. Две семьи, если можно всерьёз говорить о семьях земляюков. Я человек старомодный... Впрочем, на этот раз было более или менее традиционно: папа плюс мама плюс дочка — и муж плюс жена плюс подруга жены. Это так мне показалось на первый взгляд.

Как обычно, багажа у земляюков почти никакого не оказалось, привычка путешествовать налегке, зная, что в любой точке обитаемой Вселенной тебя ждёт не дождётся абсолютно всё, что тебе нужно или просто хочется, — эта привычка неистребима.

Я подошёл к ним, широко улыбаясь.

— Добрый день, господа! Как добрались, нормально? На несколько дней я стану вашим гидом. Меня зовут Север, и ко мне вы можете обращаться абсолютно по любому вопросу. Изабелла должна была передать вашу подорожную...

— Да, — сказала «подруга жены». — Вот, пожалуйста...

Я посмотрел. Ой-ё. Фиг вам, сограждане, — две семьи. Одна. Спрячьте вашу интуицию, когда имеете дело с земляюками. Просто сверните её в трубочку...

— Ну, что ж, — сказал я. — Вам известно, что Эстебан — отсталая планета. Здесь приходится

много ходить пешком. Прошу, — и я взмахнул рукой в сторону города.

— А нанять носильщика можно? — спросила всё та же «подруга».

— Нет нужды, — сказал я. — Багаж и так доставят в гостиницу. Или вы хотите, чтобы несли кого-то из вас?

Шутка удалась. Они заулыбались. Нормальные ребята, подружимся.

— А далеко до гостиницы?

— Двадцать пять минут прогулочным шагом.

— А почему нельзя было причалить прямо к гостинице?

— Раньше так и было. Но с некоторых пор нам предписано в числе прочего контролировать поток грузов и пассажиров. Разве вам не говорили, что на Эстебан наложены некоторые ограничительные санкции?

— Да, говорили, конечно...

Так, за разговорами, мы дотопали до «Кристалла». Меня посасывал червячок беспокойства, что я ничего не успел проконтролировать, а вдруг?.. Но фирма, в которой служила Изя, сработала чётко, номера были зарезервированы, багаж (три среднего размера сумки), обогнав нас, пеших, уже подвезли и сгружали, горничные-китайки кланялись, в холле вкусно пахло свежеиспечёнными пирогами...

Я отвёл в сторонку управляющего (звали его Ицхак Нетудыхата) и, помимо обычных в таких случаях вопросов (расписание ресторана, сухой паёк, повар для пикника, меню и прочее), спросил, не произошло ли что-то важное в городе за послед-

ние сутки. От него-то я и узнал, что Гагарин всё ещё под арестом, что вчера днём состоялся экстренный имущественный суд — и, поскольку защищать Снегирей было некому, на значительную долю их имущества был наложен секвестр в погашение якобы ущерба, нанесённого обществу и отдельным гражданам. Подробностей Ицхак не знал, но, как я догадывался (исходя из имевших место прецедентов), Кумико оставалась практически ни с чем, за ней признавали только неотторжимое имущество: один дом, одни штаны, одна делянка...

Я тут же, на подоконнике, написал кассационное письмо и в конверте «Кристалла» и посредством тринадцатилетнего внука Ицхака отправил его в суд. По закону ровно через пять дней его должны рассмотреть. Через пять дней я должен быть в суде — хоть камни начнут падать с неба.

А потом я повёл туристов на завтрак.

64

Структура семьи была такая: одна жена (Ольга), два её мужа (Петти и Кароль), у одного из мужей (старшего, по имени Петти) есть контрактница (та самая «подруга жены», Настя) и воспитанница («дочка», Иша); у Насти же, в свою очередь, заключён неполный брак с Мирабеллой...

Не моё дело давать оценки чужим нравам. Тем более что землюки оказались при ближайшем рассмотрении людьми, и людьми вполне себе приятными. Хотя немного шумными. Но это проявилось, когда они отдохнули с дороги.

— Надеюсь, в Ньёрдбурге вам не понравилось, — начал я, когда мы без суеты погрузились в туристический пикапчик, я проверил, все ли пристегнулись, и пилот повёл машину вверх, чтобы потом неторопливо прокатить нас вокруг острова. — Ньёрдбург по нашим меркам большой город, в нём почти четверть миллиона жителей, и это город промышленный и торговый — а следовательно, не слишком приспособленный для жизни. Я прав?

Со мной согласились кивками и беззвучными хлопками в ладоши.

— Я думаю также, что вы все прочитали путеводитель — хотя бы для того, чтобы не слишком скучать на корабле...

Тут уже захихикали.

Захихикали они потому, что пассажирские корабли межколониальной компании «Транс» — это такие летающие по Вселенной исполинские развлекательные центры, где можно найти любое удовольствие на любой вкус, и земляки, жители планеты достаточно пуританской (в сравнении с некоторыми колониями, разумеется), отрываются в полёте по полной программе. Три месяца весёлого загула в одну сторону, три в другую... причём ведь «всё включено»...

Хотя, как я знаю, полноценным землякам все эти завлекалочки по фигу, ибо они, чтобы не терять времени, могут присутствовать в разных местах одновременно — перетекая сознанием, так сказать. «Транс» — это для тех, кто недостаточно

★
полноценен. Такие к нам, кстати, в основном и прилетают.

— Ага, — сказал я. — Тогда я почитаю немного... — и раскрыл раритетную бумажную копию «Планет-колоний» издания 2534 года.

«Эстебан, вторая (из шести) планета в системе звезды Каффальджидхма, 667449212 по каталогу Сафара (по старой классификации — Гамма-2 Кита, расстояние от Солнца 20,83 парсека). Планета движется практически по круговой орбите, расстояние до центрального светила — 2,4 а.е., продолжительность года — 2,76 земных. Наклон планетной оси 4,1 градуса, продолжительность суток — 29 часов 41 минута. Традиционно сутки делятся на 24 части, поэтому продолжительность местного часа составляет примерно 1 час 14 минут. Планета исследована в 2298 году комплексной экспедицией Комитета по колонизации ООН и отнесена к категории VPS/10, то есть для освоения пригодны не более пятнадцати процентов поверхности суши. Колонизирована в 2344 году концерном «Майер-Цзинтя», действующим по лицензии ООН. Первоначально предполагалось создание колонии общего профиля, однако через некоторое время выяснился важный факт: биосфера планеты имела чрезвычайно низкий аллергенный потенциал для человека. Выяснилось, что причиной тому — пыльца эндемичного растения «орхидея Ван Слива». Вскоре сбор пыльцы орхидеи стал основным занятием населения планеты, колонизация же приняла уклон в монокультурное сельхозпроизводство. Цена пыльцы на мировом рынке

была чрезвычайно высока, что объяснялось как растущим спросом — в связи с колонизацией планет, биосферы которых имели повышенную аллергическую активность, — так и ограниченным количеством поставляемого на рынок материала. Стремление менеджеров концерна расширить производство, с одной стороны, и попытки асоциальных элементов на планете монополизировать рынок и диктовать работодателям свои условия, с другой, — привели к ряду локаутов, гражданских волнений и даже вооруженных выступлений местного населения, что закончилось в 2456 году отзывом у концерна лицензии и взятием планеты под непосредственное управление ООН. Поскольку вооруженные выступления не прекращались, с 2479 года и по сей день действует режим санкций против планеты, предусматривающий строгое эмбарго на поставки высоких технологий, технологий двойного назначения, энергетических машин и прочего. В настоящее время пыльца ОВС поставляется планетой в обмен на энергоносители, лекарства, фильтры для воды и некоторые другие жизненно необходимые товары.

Последнее вооруженное выступление имело место в 2531 году (так называемая «Война Тысячи Бессмертных») и закончилось полным поражением мятежников. После этой войны всё околопланетное пространство осталось заполнено большим количеством противоракетных мин, препятствующих контрабандному сообщению с планетой. Это, а также наличие у планеты мощного пылеледяного кольца привело к тому, что единственным путём,

по которому осуществляется товарообмен, является стационарный космический лифт (построен в 2410 году).

Из-за малого угла наклона планетной оси климат ровный, смены времён года практически нет, как нет и погодных аномалий.

Суша занимает примерно семьдесят процентов поверхности планеты. Океан и близкие к нему области суши содержат большое количество солей железа и тяжёлых металлов и для проживания людей непригодны. Рельеф континента преимущественно гористый. Для обитания людей пригодны терраформированные средневысокие (2—2,5 тыс. м) столовые горы и плоскогорья, покрытые земной растительностью альпийского и тундрового типа.

Орхидеи Ван Слива произрастают в глубоких низинах, среди аборигенной флоры и фауны, смертельно опасной для человека...»

Я закрыл книжку.

— Если вы посмотрите сейчас вниз, то как раз и увидите таигу — те самые глубокие низины, населённые крайне опасной флорой и фауной...

Они посмотрели. Издали соответствующие звуки. Может быть, до кого-то из них дошло, что сейчас между ними и километровой пропастью нет ничего, кроме сплетённого из тонкой лианы пола. И никакой страховки, кроме привязного ремня.

— Теперь я скажу вам одну вещь, которую вы должны помнить всё время, пока находитесь на Эстебане. Если вы по какой-то причине окажетесь там, внизу, — немедленно, не теряя ни секунды,

избавьтесь от всего искусственного и синтетического. То есть сбросьте всю одежду, абсолютно всю! Снимите украшения, часы, коммуникаторы — всё-всё-всё. Если рядом окажется мох — натритесь мхом. Отойдите от того места, где вы всё это проделали, но недалеко — метров на сто. И замрите. Что бы ни происходило — сидите или лежите неподвижно, расслабленно, можно закрыть глаза. Тогда у вас есть шанс уцелеть. Любое проявление активности будет стоить вам жизни. И самый опасный хищник в тайге — это пыльца тех самых орхидей Ван Слива, которые мы называем просто Цветы. Рою хватает десяти минут, чтобы от человека остался чистый скелет...

— Э-э!.. — Петти поднял указательный палец.

— Ещё немного, — сказал я, — а потом будете задавать вопросы. Запомните ещё терминологию, которой мы пользуемся. Когда вы слышите слово «материк» или «остров», то речь идет отнюдь не о суше, омываемой океаном. Это те самые плоскогорья и столовые горы, о которых написано в справочнике. Океан же и прилежащие к нему земли в общественном сознании практически отсутствуют, поскольку внизу жить там нельзя, а приближаться по воздуху — опасно. Вот эта столовая гора, которую мы сейчас облетаем, называется островом Трёх Столбов. А вон то, что видно на горизонте справа, — это острова Старший и Младший, и, возможно, туда мы отправимся вечером. Материков в нашей полушарии два, и называются они бесхитростно: Северный и Южный. Южный достаточно густо населён китайцами, Северный име-

ет более гористый рельеф и обитаем только в некоторых местах. Жители островов заняты преимущественно культивированием Цветов и сбором пыльцы, на материках же развита дозволенная промышленность и обычное сельское хозяйство, и, как я знаю, в ваших дальнейших планах есть и посещение плантаций, и ранчо. Но это позже. Что вы хотели спросить?

Петти прокашлялся.

— А как быть с идентами? Это такие своего рода импланты, они у нас у всех...

— У меня тоже есть. Нет, не идент... Так вот, я ещё ни разу не подвергался нападению пыльцы. Так что, думаю, есть импланты или нет — не имеет значения.

— А вы часто бывали... там?

— Как правило, раз пять-десять в год. А были годы, когда я оттуда просто не вылезал...

— Ой, а почему? — заинтересовалась Мирабелла. Наверно, ей это очень живописно представилось: год голышом.

— Это было сразу после войны, — сказал я. — Нас преследовали, мы скрывались.

65

Нельзя сказать, что я соврал. Но сказал так, чтобы они поняли меня с точностью до наоборот.

В тайге тогда скрывалось немало синих, запятнавших себя сотрудничеством с врагом. И я, естественно, был среди них. Мы скрывались от тех, кто

потерпел поражение. И многие из скрывавшихся «победителей» погибли.

А некоторые, говорят, так до сих пор и живут внизу. Приспособились.

Такие вот превратности жизни.

К обеду мы вернулись...

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

66

Вот я вроде бы и добрался до того места, где уже не могу рассказывать лишь о том, что я видел сам и в чём сам участвовал. События пошли быстро, стали случаться в разных местах одновременно, и, как я ни старался, побывать везде мне так и не удалось. Придётся давать слово другим героям этой истории. И вот тут я наталкиваюсь на вечную свою занудливость, на правило говорить только то, в чём окончательно уверен. Но, если я просто изложу, что тот или другой человек делал и что видел, получится сухо и противно — да и не очень понятно местами. Но ведь мыслей и чувств его я знать не могу, могу только догадываться...

Я долго мучился над этим. И решил, что единственно возможное решение — это представить себя на месте другого человека, притвориться этим другим. Не знаю, как у меня получится. В любом случае я ведь не претендую на особую психологичность. Просто рассказываю, как было дело, и всё.

На всякий случай ещё раз: я не утверждаю, что Кумико, или Гагарин, или Тина, или Люсьен испытывали именно те чувства, которые я им приписываю, и думали именно те мысли. Я так предположил, не более того.

(Для любого эстебанца ясно, почему я так это всё акцентирую. Для всех остальных поясню: потому что Эстебан на сегодня — это единственное во Вселенной место, где за неверное слово вас могут просто убить.

У нас тут всё очень чётко.)

67

Насколько хороши были у Игната отношения с детьми мелкими, настолько же они стали сложными с детьми взрослыми. Думаю, бедняга просто не мог поверить, что вот это вот, кому он недавно мыл попу и вытирал нос, сегодня уже существо равноправное, самостоятельное и вообще. Он их такими и воспитывал, а когда у него всё получилось, нутро его отказалось подчиниться очевидному. А дети, умные и самостоятельные, оказались недостаточно мудрыми (да и откуда? Мудрость — это в первую очередь опыт), чтобы подыграть старику...

Я не знаю точно, из-за какого пустяка он на смерть рассорился с Гагариным, но это произошло ещё два года назад. И в гневе Игнат вычеркнул Гагарина из числа своих наследников. А потом дурацкое самолюбие не позволяло ему своё решение изменить. Хотя я настаивал.

Сейчас я даже подозреваю, что ссора та возник-

ла не сама собой, а была кем-то (тем же Сунем?) искусно спровоцирована. Но доказательств нет, так что все мои предположения суть спекуляции. Да это, по большому счёту, и не важно совсем.

С другой стороны, вот это исключение из списка, вполне вероятно, спасло Гагарину жизнь.

За две недели до убийства Игната Гагарину принесли некие документы, изобличающие высокопоставленных синих, в том числе коменданта торгового порта Ньёрдбург (не путать порт с городом!), в контрабанде и торговле грюнсандом. Гагарин притворился вольным торговцем с юга, поселился в портовой гостинице, потом перебрался в воздушный Ньёрдбург — это уже почти у самой Стены... Он потратил немало редакционных денег и даже вышел на какие-то интересные контакты, когда узнал о взрыве в редакции. Бросив всё, он ринулся назад...

По дороге его пытались перехватить, он ускользнул.

Как и я, Гагарин изнурял себя рассуждениями о потерянном зря времени. Объявись он не в день суда, а накануне, когда прилетел в Три Столба, — и всё могло пойти по-другому!.. Но так же, как и я, он был не в силах предвидеть события — и, как и я, не способен ничего изменить задним числом.

Известно, что именно такие размышления способствуют развитию самой чёрной депрессии. Особенно когда размышляешь в тюремной камере.

Короче говоря, выпущенный на волю Гагарин напрямик направился в «Зелёного дракона», чтобы узнать новости и слухи.

Он узнавал новости и слухи весь вечер — и в ре-

зультате заночевал в каморке для неподвижных клиентов.

Но это было уже потом, когда я убыл с Трёх Столбов. Или на следующий день, или через день — сам Гагарин этого вспомнить не смог.

68

Пока мои подопечные отдыхали после обильного обеда, я провёл рекогносцировку.

В «Хозяине» мне сказали, что ночью ожидается Цветение на нескольких делянках под стеной Человечков — скалистым образованием примерно на полпути от Трёх Столбов до Аппеля, последнего крупного острова на востоке нашего архипелага, дальше до самой Новой Гренландии тянется двухтысячекилометровое пространство самой дремучей тайги с обширными болотами и несколькими сверхсолёными ядовитыми озёрами. До Человечков (названных так за вид сверху: два нарисованных человечка, сцепившись руками, то ли кружатся в танце, то ли падают с большой высоты) было три часа неторопливого полёта на пикапе.

До Граблей, конечно, ближе, всего час, но там Цветение будет в лучшем случае только в следующее троелуние.

Я попросил Ицхака распорядиться, чтобы моих покормили ужином на час раньше и сделали хороший набор для пикника, а группе объявил, что сразу после ранневечерней трапезы сбор — и полетим смотреть драконов.

Пикник я намеревался устроить на прилежащем к Человечкам маленьком островке Клумба,

одном из владений (теперь, надо полагать, уже бывшем) Игната Снегиря. Там когда-то госпожа Мидори разводила цветы и декоративные деревья. Неподдалеку от него, под скалой Молот, она и погибла.

Игнат забросил этот остров, и там всё заросло дико и причудливо. Несколько раз у него эту землю хотели купить, но он не продавал...

Выйдя из редакции, я заглянул к Шамилю Ивановичу. Меня, понятно, интересовал Гагарин. Шамиль сказал, что претензий к нему у суда нет, есть только несколько не до конца прояснённых вопросов, вот придут ответы на телеграммы — и тогда можно будет парня выпускать. А пока пусть побудет под охраной — и для его, между прочим, безопасности.

Ещё он сказал, что вертолёт, разумеется, почти сразу нашли, но экспертиза ничего не дала: ни отпечатков, ни тканевых стёсов, ни следов пороховой гари — ничего абсолютно. Экипаж, скорее всего, ушёл в пещеры, преследовать бесполезно. И мы согласились друг с другом, что это наверняка был отвлекающий манёвр, а настоящий стрелок был где-то поблизости от жертвы — и как бы не в толпе зрителей... Пневматические ружья в виде зонтов или тросточек уже довольно давно используют китайские серые в своих внутренних разборках...

КУМИКО

Чем я думала? А ничем. Просто не думала. Нам было хорошо, безумно хорошо, и мы оба знали, что это не продлится долго...

И хватит об этом. Больше ни слова.

Север говорил уже, что у меня сложные отношения с отцом. Это правда, но не вся.

Просто я была дура. А Сунь был хитрый выродок. И я на какое-то время поверила ему — не тому, что он говорил (а он почти ничего и не говорил прямо), а тем хитрым уликам, которые он подсовывал, тем обмолвкам, которые он как бы случайно позволял мне услышать, тем выводам, которые я сделала как будто сама...

Дура. Умная самоуверенная дура.

И просто случайность... я не буду рассказывать, какая; просто случайность... в общем, я бросила в ящик другой конверт. И обнаружила это лишь три дня спустя.

(Гагарин потом говорил, что таких случайностей не бывает и что это я сама, не подозревая о том, обманула себя и так далее... Честно говоря, мне всё равно. Совой по пню или пнём по сове...)

Дура.

Я пришла на суд над отцом (и я в тот момент ещё считала его преступником!), а в кармане у меня лежал свёрнутый в четыре раза смертный приговор мне самой.

Если бы суд прошёл по процедуре, то в конце вердикта судья объявил бы меня конечной наследницей всего состояния семьи, и я бы тут же стала мишенью для Суня и тех, кто стоял за ним. Растерявшейся, неподвижной и очень заметной мишенью...

Но случилось именно то, что случилось. Отец стиснул мою руку — думая, наверное, что это рука

Севера, — и прохрипел ему: «Позаботься о Кумико». А тот, наверное, сразу всё понял — или не понял даже, некогда было понимать, а копчиком всё просчитал и шепнул мне: «Исчезни. Спрячься так, чтобы не смогли найти...»

И я исчезла. Ни о чём не спрашивая, не задержавшись ни на миг, только коснулась уже мёртвого отца — и исчезла.

Это как в тайге: если кто-то тебе приказывает — значит, он знает, что делает. И ты подчиняешься без тени сомнения. Тогда есть шанс выжить.

Через три минуты меня не было на площади, через десять — в городе. Ещё через час я видела всех, а меня — никто. Я забралась в расселину между Столбами, там почти у самой вершины есть маленькая ниша — только-только уместиться. Сверху её прикрывают колючие кусты, названия которых я не помню. Но если надрезать корень этого кустарника, из него начинает капать сладковатый слегка вяжущий сок...

Там я только и разобралась по-настоящему с конвертами.

На третью ночь я спустилась по ходам (если честно, то чудом; там и подниматься-то трудно, а уж спускаться...) и пошла на север. На северном берегу есть несколько вонючих полей, орошаемых из городской канализации, на них выращивают ячмень для пива и бренди. Крестьяне живут на хуторах. Сначала меня чуть не порвали собаки. Потом я утнала маленькую лодку.

И полетела туда, где мне велел спрятаться Север.

Следы от пальцев — повыше запястья, там, где отец схватил меня и крепко сжал руку, — остались до сих пор. Все думают, что я сделала памятное тату, но на самом деле я не делала ничего.

Просто смотрела на них.

69

За нами следили — издали, не приближаясь: один потрёпанный пикап и один дирижабль наподобие патрульно-пожарного, но раскрашенный под грузовичок. Думаю, один из них принадлежал властям, другой — серым. Кому какой — судить не берусь.

Если бы меня не окружали со всех сторон земляки, то мне, скорее всего, уже задавали бы неприятные вопросы, на которые трудно не ответить.

А так — я в подробностях рассказывал то, что наверняка знают все во Вселенной, но вот почему-то прилетают сюда, к нам, чтобы своими ушами и глазами убедиться: могущественная до чрезвычайности и гигантская (уже более сорока планет в составе, и расширению пока не видно предела) Конфедерация покоится в буквальном смысле слова — на дерьме.

Цветы, как это прекрасно известно, прорастают только из тех семян, которые прошли через кишечник дракона, и растут лишь на почве, обильно удобренной драконьим дерьмом. То есть под ска-

лами, на которых драконы просиживают, лениво поворачивая вправо-влево костяные бошки с затянутыми морщинистыми перепонками глазами да выкусывая из подмышек каменных блох, три четверти своей не такой уж коротенькой (далеко за пятьдесят местных или за сто тридцать с хвостиком земных лет) жизни. В общем, если дракона не тревожить, то он наваливает в одну точку около четырёхсот тонн бесценного гуано. Цветы вырастают, распускаются, потом те цветки, которые были оставлены на развод, дают плоды — этакие яйца почти двухметровой высоты и с полметра в самой широкой части. Когда плоды созревают, от них начинает пахнуть очень сильно и очень для драконов притягательно (хотя человеку лучше созревших плодов не нюхать, потом полжизни будет казаться, что этой дрянью провоняло всё, а особенно еда). В одну прекрасную ночь яйца лопаются, и из них на большую высоту — иной раз на километр и выше — вырываются настоящие ракеты (на настоящем двухкомпонентном топливе: пергидроле и муравьином спирте), которые там, на высоте, со страшным грохотом взрываются, разбрасывая миллионы семян Цветов — и облака такой характерной ярко светящейся, сияющей, переливающейся всеми цветами пыли, от которой драконы заводятся, полностью теряют разум и начинают трахаться прямо в воздухе, заглатывая при этом, разумеется, те самые семена, которые, чтобы прорасти, должны пройти через их кишечник...

Если учесть, ребята, что созревшие плоды Цветов как две капли воды похожи на яйца драконов,

★

только раз в десять побольше размером, а семена — те просто копируют собой парочку драконов, склепившихся в воздухе и медленно опускающихся, кружась (только семена совсем маленькие, поместятся на ногте большого пальца) — как не задуматься о том, что у Автора всего этого было буйное болезненное воображение и весьма непростое детство?

И ещё эта пыльца...

Цветы — хищники. Их ловчий орган — это рой пыльцы, которая вылетает из кувшиноподобных цветков (обычно по ночам, а днём — когда на небе нет солнца) и жрёт на своём пути всё белковое, что не успевает исчезнуть, при этом не делая разницы между местной фауной и земной. Рои могут объединяться в один гигантский или рассыпаться в сотни маленьких — в зависимости от добычи, на которую они нацелились. Чем больше по объёму рой, тем он умнее и хитрее, тем сложнее от него уйти или спрятаться.

(Один эмигрант, с которым я общался (он и на Земле был историком и сейчас преподаёт историю в Ясновском университете), рассказывал, что похожие рои, только искусственные, созданные с охранными-военными-хрен-знает-какими-ещё целями, лет сто назад погубили несколько колоний, в том числе на Марсе — а это буквально в двух шагах от Земли, в той же планетной системе. Что интересно, простые земляки, которые прилетают к нам потуриститесь, об этом ничего не слышали...)

Я сам видел, своими глазами, как несколько роёв расправились с двумя солдатами в полном об-

лачении — в те годы на вооружении армии стояли не «ящеры», как сейчас, а «центурионы», устройства потяжелее, с меньшим количеством функций, но более защищённые, с противоминной бронёй. Так вот, роям понадобилось полчаса, чтобы найти какие-то микроскопические щели в защите и выжрать всё изнутри.

А парни не могли даже застрелиться...

Этого я, разумеется, озвучивать не стал, но про грюнсанд, про отважных контрабандистов и про не менее отважных пограничников несколько задорных баек выдал, чем увядшее было внимание взбудрил.

И тогда я рассказал им про драконов. Какие это вонючие, мерзкие, злые и злопамятные твари. Что, если бы не их роль в поддержании величия Конфедерации, мы бы их за неделю... под корень... ну, где-нибудь в заповеднике сохранили бы с десяток, и хватит...

Про Кумико и дракончика тоже рассказал.

Мне сейчас надо было про Кумико хоть как-нибудь, хоть так вот рассказать кому-нибудь, потому что сердце просто лопнуть было готово, такая тревога меня переполняла. Я боялся, что начну делать глупости.

ГАГАРИН

О том, как я топил печаль в ячменном бренди, я рассказывать не буду, потому что, во-первых, плохо этот процесс запомнил, а во-вторых, такое поведение не красит мужчину. Но, думаю, предки

меня поняли и, надеюсь, простили (Игнат заступился, чего уж там...), потому что именно моё дурное поведение в конечном итоге и привело к тому, что я напал на нужный след.

Впрочем, будем последовательны.

Я приходил в «Зелёный дракон» как на работу, брал либо ячменный со льдом, либо «Болт» — смесь всё того же ячменного с соком крыжовника и полынью, — и сидел либо у стойки, либо за столиком у столба в центре зала — короче, там, где легче всего было услышать новостей. Мне удавалось притворяться или совсем остекленевшим, или пребывающим в шаге от этого блаженного состояния — при этом я всё слышал, всё понимал и даже на месте пытался анализировать. Если бы не конкретная цель — выяснить, кто стоит за убийством дяди Игната, — я рванул бы по следу как минимум трёх преступлений. Во-первых, это было открытое насильственное вытеснение мелких фермеров с их ферм... хотя и во-вторых, и в-третьих — то же самое. Кто-то зачем-то собирал под свою руку небольшие островки между Ноатуном — большим островом, на котором стоит Ньёрдбург, и Майским — он почти весь за Стеной, только мыс из-за неё торчит, на котором теперь карантин и пограничный пост. Из-за близости Стены островки эти остались почти без драконов, фермы прогорали, но вы же знаете фермеров, они будут держаться за своё зубами и когтями — так что выковыривали их оттуда немалыми деньгами, подкреплёнными ещё большими угрозами.

А потом я услышал, что кто-то то ли уже купил,

то ли всё-таки только покупает Котур — один из трёх больших островов, принадлежавших Снегилям. Имущество «преступника» бургомистрат почти сразу выставил на продажу — однако я был уверен на все двести процентов, что никто даже не посмотрит в ту сторону. Всё-таки народ у нас не такой глупый, чтобы покупать имущество только что умершего, «тёплый пиджачок ещё остыть не успел». Кому нужны лишние неприятности с предками?

Но вот оказалось — кому-то нужны...

70

Что сказать? Цветы не подвели. Драконы — тоже. Туристы были улажены по полной программе.

(Я рассчитал дорогу так: три часа в одну сторону, потом любуемся драконами, потом два часа — пикник, потом все укладываются спать в пикапе на разложенных сиденьях (жестковато, но очень романтично) — и мы на малой скорости плывём обратно и приплываем в отель на рассвете или сразу после. Здесь я даю группе привести себя в порядок, кормлю их завтраком, потом везу на маленький рыночек за чертой города, пусть чего-нибудь приобретут с пользой для наших фермеров и ремесленников, — потом прощальный обед, потом я усаживаю всех на омни и отправляю в сторону Ньёрдбурга-порта, где их встретит уже знакомая им Изя.

Элементарно, не правда ли?)

Пикничок тоже задался. Главное, что нас посетила компания друкков и устроила небольшой весёлый шабаш. Друкки чрезвычайно симпатичны, дружелюбны, умны и изобретательны. При этом они не выпрашивают еду и не надоедают, а просто веселят вас, потому что им самим это нравится. Например, то, как вы чешете им мягкие пузики. Они будут валяться на спине, болтать в воздухе коротенькими лапками и хихикать. Землюки от этого приходят в восторг и изумление — и сожалеют только, что друкки не пушистые, а замшевые, и что их нельзя забрать с собой. Изя говорит, что видела однажды друкка, который жонглировал тремя камушками. Я ей верю. Друкки могут. Я знаю несколько семей, в которых друкки, просто пришедшие из леса, поселялись, жили годами и возились с детьми. Нет, это чрезвычайно милый зверь, ни на кого не похожий и, как говорит всё та же Изя, посланный нам в утешение.

Но всё хорошее почему-то кончается быстро.

Началось с того, что ещё во время пикника меня отозвал пилот нашего пикапа и сказал, что ему не понравился цвет лун на восходе и что погода может выкинуть фокус. Я прокрутил в памяти, что там за цвет был, и согласился с ним — слегка удивившись тому, что не уделил этой примете должного внимания; впрочем, я сейчас по любой проблеме мог проскочить мимо смысла, голова была занята понятно чем. Таким образом, приятный для всех вариант с медленным обратным плаванием пришлось забыть... Второе плохое известие исхо-

дило опять же от пилота, когда мы уже всем налюбовались, налагомились, наразвлекались — и легли на обратный курс: забастовал один из двух наших реакторов. Разбирать его в воздухе (да ещё ночью) было трудно и опасно, а набор стандартных методов диагностики и лечения (типа «выключил-продул-включил») результата не дал. То есть для нормального полёта одного реактора нам хватит, но если разыграется непогода — то...

Я хорошо представлял себе, что это такое — оказаться в непогоду над тайгой без резерва мощности.

По самым общим соображениям, на Эстебане не должно быть резких погодных изменений. Ось планеты расположена почти под прямым углом к плоскости орбиты, тайга представляет собой мощный тепловой аккумулятор, не подверженный всяким там течениям и перемешиваниям — в отличие, например, от земного океана. Так что воздушные потоки у нас стабильны и достаточно незамысловаты. Непогода, как известно, бушует в другом полушарии — там, где бурлит наш собственный мёртвый океан, он же Ядовитое море, и где практически не бывает людей, людям там просто нечего делать.

Когда-то я прожил там полтора года...

Потом расскажу. Когда-нибудь. Может быть.

Да, так вот, хотя погодных аномалий у нас быть не должно, временами они случаются. Тепловая машина атмосферных течений даёт какой-то сбой. А у нас нет ни опыта предсказывать погоду, ни воз-

★ можностей собирать сведения о ней. Землюкам же на наши удобства попросту плевать.

Так что ураганы подкрадываются внезапно.

Хотя и редко. На моей памяти их было всего три.

Но нам сейчас опасен был даже не ураган, не шторм — просто сильный дождь при умеренном холодном ветре мог погубить пикап, уронить его вниз, и что тогда?..

Я был ответствен за этих людей. А как я вообще отношусь к землякам, это моё частное дело, не так ли?

Пикап был стандартным «Д-три-двести», вы их видите каждый день и просто не обращаете внимания, до того они примелькались. Их выпускают до сих пор, внося по ходу дела какие-то изменения, но не меняя концепции. Совершенство уже достигнуто...

Я велел Эрику, так звали пилота, двигать на полной тяге к Трём Столбам, а сам перепоясался инструментальным поясом, страховочным поясом, сунул в карман фонарик — и полез за борт.

Реакторы, если помните, у этой модели расположены в кормовой части гондолы, сразу за водяным баком. Заблокировался правый реактор, что для меня было не очень удобно: когда снимаешь заднюю крышку, правую — рабочую — руку вглубь этой дуры засунуть можно, только изобразив собой какую-то очень странную фигуру. Этакий гуттаперчевый мальчик. Я довольно долго искал хоть сколько-нибудь приемлемую позу для ра-

боты, а когда нашёл (двумя ногами держишься за посадочную лыжу и висишь всем весом на страховочном тросике) — почувствовал, что нас начинает побалтывать.

Вообще-то, летя на аэростате, всякие воздушные течения ощущаешь не сразу, поскольку сама эта объёмная махина легко смещается вместе с воздухом. Пишут, на парусниках древности можно было при попутном ветре идти по палубе, держа в руке горящую свечу. На наших аэростатах просто нельзя зажигать огонь, а так — было бы то же самое. Это, конечно, в тех случаях, когда баллон просто дрейфует по ветру...

Сейчас мы шли на полной тяге двух моторов со скоростью относительно воздуха девяносто километров в час. Определиться со скоростью относительно поверхности было трудно, луч прожектора просто не пробивал дымку над тайгой. Справа вдали виднелись огни маяка на островке Майский, слева и впереди сияла Башня; основание её то размывалось, то снова становилось отчётливым.

Я откинул крышку реактора и заглянул внутрь. Горела лампочка автоблокировки. Я просунул в приборный отсек руку, пощёлкал тумблерами — на случай, если барахлит дистанционка. Реактор после каждого включения послушно стартовал — и тут же со щелчком блокировался.

Простой метод не сработал.

Я отщёлкнул панель управления, аккуратно вынул её из отсека, проверил шлейфы. Настроив глаз, просмотрел места пайки. Провода были целы.

Проверил, как закреплены стержни. Если датчик обнаружит утечку газов в приборный отсек, то это главный повод для автоблокировки.

Но стержни сидели как влитые.

Тогда я закрыл подачу воды, слил из объёма реактора ту воду, которая там уже была, и стал отвинчивать болты, удерживающие на месте крышку объёма реактора. Объём — это то место, где вода омывает стержни и разлагается на газы.

Болтов было шесть.

Я дошёл до последнего из них, когда совсем рядом — так мне показалось — сверкнула первая молния.

Не знаю, каким чудом мне удалось сберечь глаз. Наверное, предчувствие. Я зажмурился за долю секунды до вспышки. Но даже сквозь веки меня проняло.

Пришлось сильно снижать чувствительность и работать при свете фонаря. Я держал его в зубах.

Потом хлынул дождь. Пронзительно холодный дождь — наверное, с кристалликами льда.

Когда вот так внезапно падает температура, баллон начинает выталкивать вверх — до тех пор, пока температура газа внутри него не сравняется с температурой воздуха. Это хорошо. С другой стороны, водяная плёнка на поверхности баллона, на такелаже, на гондоле хоть и тонкая, а весит несколько сот килограммов. Это, ясное дело, плохо. Ещё хуже, когда она замерзает — а такое развитие событий не исключено и в нашем случае...

В объёме реактора была не вода, а жидкий сту-

день, воняющий мокрой кожей. Кто-то сэкономил — заправился из открытого озера.

Я выгреб гадость, протёр стержни, промыл несколько раз объём чистой водой из бака. Я знал, что вода чистая, Эрик заливал её при мне. Поставил на место крышку объёма, ввинтил болты. Пальцы и лицо ничего не чувствовали. Молнии удалились, но вспыхивали теперь не сзади, а справа и спереди — то есть мешали куда сильнее. Глаза заливало дождём, я, забывшись, потянулся их протереть, зацепил рукавом фонарик, и он улетел вниз. Приборную панель я ставил на ощупь. Или наугад. Но, в общем, как-то поставил.

Щёлкнул тумблером. Ничего не произошло. Тогда я вспомнил, что не открыл шаровой кран. Пришлось снова снимать панель. И снова ставить.

Ещё раз тумблер.

Реактор посомневался, поворчал — и запустился. Я захлопнул приборный отсек.

Надо было выбирать, как-то выбирать, а тело не слушалось. Мышцы икр и бёдер дёргались сами по себе, часто и невпопад. Это была не дрожь, а что-то вроде судорог. Я понял, что промёрз гораздо сильнее, чем мог себе представить. Ледяной дождь продолжал хлестать по мне, унося последние капли тепла, и тугая струя от пропеллера помогала ему.

Потом я догадался, что меня переваливают через борт...

Кумико

Он сказал мне: «Спрячься так, чтоб не смогли найти», — и это было одно-единственное место на планете, и туда я понеслась со всей мощью новенького движка «Вёлунд». Я всегда летала на автожирах (последние годы только на «Махмади»), а не на вертолётах, автожиры мне нравились своей суровой прямоотой и примитивностью; но сейчас мне страшно не хватало скорости, казалось, что я стою на месте, и погоня вот-вот, завывая винтами, обрушится сверху. Я снизилась насколько могла и тянула над самыми верхушками деревьев; землюки наверняка меня видели, мы уже привыкли жить под чужими взглядами, но сейчас от землюков мне опасность не угрожала, а угрожала от кого-то из своих, сильных и наглых, и всегда безнаказанных. Я не знала, кто они такие, они были как невидимки, как смертоносные тени.

Их боялся даже Север. Может быть, он этого и не знал, но я иногда чувствовала и понимала его лучше, чем он сам себя. Даже издалека. Даже не встречаясь взглядом...

На всякий случай я описала широкую петлю над тайгой. Никто за мной не летел. Тогда я нырнула в широкий колодец, открывшийся в кронах. Посадка была довольно жёсткая, но «Махмади» выдержал бы и не такое. Я мгновенно разделась и бросилась в траву, как следует вывалялась в голубоватых пряных перьях, надо было срочно отбить запахи страха и настороженности, этим от меня

разило, наверное, на всю округу. И только потом я встала и осмотрелась.

Да, я попала туда, куда хотела. Вот этот туннель в сплошных деревьях — старая мощёная дорога, единственный её уцелевший кусок, а здесь, где я стою и озираюсь по сторонам, была широкая площадь... Тогда я сложила лопасти автожира и откатила верную машинку поглубже под кроны. Развесила на ветках одежду — и пошла к Замку.

Естественно, я ни на что не рассчитывала. Ни на какие встречи.

Я ошиблась.

71

Ну, что сказать? Эрик нас спас. Хладнокровия ему было не занимать.

Нас отнесло далеко к югу, на Пятый пост. Это частью каменная, частью стальная (и в этой части очень ржавая) башня, построенная вскоре после Высадки для давно забытых целей. Она стояла совсем заброшенная, пока после последней войны и произошедшего затем расширения Стены не пришлось изменять трассу парома «Ньёрдбург — Ясный». Раньше трос был брошен напрямую, теперь для него пришлось искать ещё одну точку крепления. Заодно за Пятый пост зацепили трос, брошенный к Плато Роксоланы, но туда регулярные паромы не ходили — заселение Плато шло медленно, и мало кто знал, что там вообще происходит.

Пока я валялся в отключке, Эрик связался по телеграфу с Ньёрдбургом и дал им знать, что с на-

ми произошло. Там распорядились: переждать непогоду.

Ну, это Эрик сообразил бы и без них. Главное — он предупредил турфирму. Теперь они скорректируют дальнейший график группы.

Вместе с нами на Пятом застряли грузовой «Грифон» с молодой картошкой, кукурузой и чаем (голодная смерть нам не грозила, даже если дождь затянется на много лет) и две небольшие местные фермы, так что в общей сложности в тесноватых помещениях пересадочной станции собралось девятнадцать человек. Потолки промокали, ветер пролетал навывлет сквозь щели, временами даже посвистывая...

Вы, может быть, упрекнёте меня, что я почти ничего не рассказываю о туристах. Я бы и хотел... Но, во-первых, мне про них почти нечего сказать, они ведь для нас *никакие*. Конечно, можно описать их подобно тому, как описывают экзотических зверьков. Но тут включается «во-вторых»: существует такая профессиональная этика гидов — не обнародовать подробности жизни тех, кто тебе доверился. Так что, увы, праздных баек о туристах не будет. Только то, что непосредственно касается событий.

Хотя было немало забавного. Да.

Я пришёл в себя — а вернее, проснулся — от жары. Я лежал на мягком, под мягким и тёплым и рядом с мягким и горячим. Ну, понятно: подо мной был толстенный матрас, на мне — несколько одеял

из шерсти лам, а рядом — несколько неожиданно — спящая Мирабелла.

Мне надо было встать, срочно, я попытался сделать это максимально аккуратно, обнаружил, что вне постели достаточно холодно, что я голый, как в тайге, и что бельё моё лежит рядом, сухое и, кажется, даже выглаженное. Под бельём обнаружился пилотский свитер с кожаными накладками и кожаные штаны — не мои, но вполне подходящие по размеру.

Я стремительно оделся и босиком понёсся искать туалет. Я, конечно, помнил, как расположены помещения на Пятом, — просто ещё не знал, что мы именно на Пятом...

В коридорах и на лестницах под ногами похрустывал лёд.

Когда я вернулся, Мирабелла уже не спала. Она сидела в кровати, натянув на себя одеяла. Красноватая «вечная лампочка» пристально отражалась в её глазах.

— Север, — сказала она хриловато. — Вы в порядке?

— Уже да, — сказал я.

— Эрик сказал, что это вы нас спасли.

— Не только вас. Себя тоже.

— Всё равно. Спасибо вам... — и кашлянула. — В общем, спасибо. Хотите обратно? — Мирабелла приподняла край одеяла.

— Не уверен, — сказал я.

— Я не предлагаю вам себя, — она наклонила голову. — Просто вы были очень слабы...

Я прислушался к себе. В общем, я бы не отказался поваляться ещё. Мышцы казались — да, наверное, и были — распухшими, тугими; боль ещё можно было терпеть...

— Да, лучше так... — я снял верхнюю одежду и залез в горячую толщу постели. — Думаю, я ещё усну...

— Хотите? — она сунула руку под кровать и достала фляжку.

— Это что?

— Какая-то травяная настойка. Эрик сказал, что вас надо этим напоить...

Я попробовал. Некоторые травы угадывались. Наверняка семейный рецепт. У нас сколько семей, столько рецептов.

— Спасибо, — я передал фляжку Мирабелле. Она тоже глотнула. Снова покашляла. — Вы простыли?

— Забавно, — сказала она, — но, наверное, да. Я читала. Горячка, чахотка. Никогда не думала, что такое ещё бывает.

— У нас всё бывает, — сказал я.

— Да... — она помолчала. — Север, можно с вами говорить откровенно? — шёпотом.

— Откровенно... — повторил я. — Наверное, можно.

— Вы же были... как бы сказать... против Земли?

— Был. Но у нас многие были против.

— Да-да, конечно... Понимаете, я... Я хочу остаться.

Я скосил глаза и посмотрел на неё.

— Тут, у нас? Вы хоть приблизительно...

— Приблизительно, — сказала она. — Конечно, приблизительно. Но... разве...

— Будет чудовищно тяжело, — сказал я.

И почувствовал, как она пожала плечами.

Несколько минут мы лежали молча.

— Почему? — спросил я.

— Словами — трудно, — сказала она. — Я не знаю, что вы знаете... ну, о Земле...

— Довольно много, — сказал я. — Среди моих друзей есть иммигранты.

Я не стал говорить, чем занимался во время войны. Я этого не говорил даже Кумико.

— Тогда вы понимаете, что там мы — изгой. Я ненавижу импланты... и Настя тоже, и Петти. А без имплантов быть землянином — нереально, ты практически никто, для тебя нет службы, нет дела... и, наконец, тебя просто перестают замечать. Можешь жить себе, простенько, низенько и бессмысленно жить. А это... не по мне. Не хочу так. Не хочу.

Забавно. Как и все, с кем я общался раньше, она недоговаривала. Такое ощущение, что людям без имплантов просто с самого детства запрещено думать *об этом*. Нет, иногда можно на короткое время вывести их на эту невыносимую мысль, заставить умножить два на два, даже произнести вслух запретное слово. Но им от этого становится физически плохо, и стыдно, и как-то ещё... в общем, не хотел бы я заставлять Мирабеллу что-то подобное сейчас чувствовать...

Я дотянулся до лампы и несколько раз встряхнул её. Светящаяся взвесь пошла волнами, свет на

★ секунду стал совсем ярким, потом снова потускнел. Лампу пора было подкормить, но я не знал, где сахар. Ладно, пусть светит так. Потом хозяева подкормят.

...А ведь всё очень просто: подавляющее большинство земляюков имеют импланты, позволяющие им частично распространять свою личность по другим интеллектам, естественным и искусственным, соответственно предоставляя себя для использования другими. Так они обретают практическое всеведение и некое подобие бессмертия. Вот и всё.

Типическая «причина номер два» для эмиграции. Первая — это неизлечимая аллергия к нанотехносфере Земли. Такие люди просто не могут жить нигде, кроме Эстебана и ещё двух или трёх маленьких религиозных колоний. Но в основном они стремятся попасть именно на Эстебан. Здесь давным-давно нет нано, и здесь по определению не бывает аллергий, и у нас абсолютная веротерпимость. А причина номер два — неизлечимое же отвращение ко всяким там инородным предметам, вживляемым глубоко в тело. Это примерно как страх высоты. Или ужас перед насекомыми. Какой-то процент людей таким фобиям подвержен, и ничего нельзя с этим поделать, а радикально перестраивать психику законы запрещают.

Есть и причины номер три, четыре, пять, десять... вплоть до выжигающего здравый смысл чувства вины честных землян за действия своего правительства по отношению к несчастным нам. Но

эти страдальцы обычно на Эстебанае задерживаются ненадолго...

— А вы решили бежать — ещё там? — я показал глазами вверх. — Или уже здесь?

— Там, — сказала она. — Давно. Решила, что при первом удобном случае...

— Тогда я разъясню две вещи, хорошо? Во-первых, на Эстебанае практически нет социальных программ. Обязательно надо работать, зарабатывать на жизнь. Иногда работать приходится очень много... Во-вторых, вы сразу вступаете в конфликт с законом, поскольку действуете в обход оккупационной администрации, а они такого не любят. Значит, вам придётся контактировать с криминалом — хотя бы для того, чтобы убрать из тела идент, получить липовые документы... ну и так далее. И вы попадёте к ним в кабалу. Все услуги придётся отрабатывать...

— Э-э... А как?

— Не знаю. Вряд ли проституцией, если вы об этом подумали. Этот рынок занят китайцами... Нет, честно, не знаю. Может быть, отправят собирать незрелую пыльцу. Может быть, задействуют в контрабанде — вас-то Стена должна пропускать...

— Но если идент убрать...

— Всё равно пропускает. Проверено. Пока не попадёте — можете проходить свободно... Чем вы занимались на Земле?

— Я была смотрителем заповедника. Разводила крокодилов. Увы, оказалось, что биботы справля-

ются с этой работой лучше... Но если я попадусь с контрабандой, то меня?..

— Три года общественных работ, — сказал я. — Обычно на фермах. Зато потом... Подождите. Крокодилы же откладывают яйца?

— Да. В песок или в ил. Потом...

— Тогда вы наверняка сможете работать с драконами. Нет?

— Не знаю... А что?

— Может получится интересный вариант... У нас есть такая элитная профессия — драконщик. Даже не профессия, а искусство. Видите ли, драконы — очень трусливые твари, и если их ненароком спугнуть, они бросают отложенные яйца и улетают, так что приходится собирать такие яйца в инкубаторы и потом выхаживать детёнышей. Про роль драконов я вроде бы уже говорил...

— Вы думаете, я бы смогла?..

— Не знаю. Но это хоть какая-то зацепка, верно? Эх, был у меня хороший приятель-драконщик...

— Умер?

— Не знаю. Пропал без вести в позапрошлом году... Впрочем, это не самое главное, не этот, так другой. Слушайте...

И я рассказал ей про банзу. Да, мне часто говорят, что я идеализирую банзу, что-де это давно те же серые, только в профиль. Или что банза ничего не решает, слабаки они и так далее. И это правда, но это только часть правды, и я сейчас попробую объяснить... Банза — образование очень давнее. С традициями такими, что нашим кланам и не снились. Если описать банзу формально, то это такая добровольная сеть взаимовыручки. Причём не

только между соседями — это у нас настолько естественно, что даже не обсуждается. Самый простейший пример: завелась у вас вещь, которая вам не нужна, торговать ею на рынке у вас времени нет, а просто выбросить жалко. Сообщаете по сети, и обязательно где-то находится человек, который второй год именно эту вещь разыскивает по всей планете. Раньше, когда связь была нормальная, всё это делалось моментально... Разумеется, банза занимается не только товарообменом. Проблемы с детьми, со стариками, найти врача, лекарства, уговорить хорошего шамана — с этим в банзу. С подростками: опасные игры, дурные компании — и здесь банза поможет, иногда исподволь, так, что никто не заметит, иногда жёстко. Но поможет. Проблемы с синими или серыми... Тут бывают коллизии: скажем, какой-нибудь шериф и по совместительству хабан (ну, это такой довольно высокий чин в иерархии банзы) занимается, скажем, соседскими разборками: кто-то у кого-то межевой знак перенёс, или драконов напугал, или что-то ещё; и вот как шерифу ему надо найти виновного и примерно наказать, стряся ещё и штраф в пользу администрации, а как хабану — всё загладить и привести к примирению. И он обычно приводит к примирению, получая (в облике шерифа) втык от начальства. То же касается и серых...

Банза, что характерно, никогда ничего не навязывает. Тебе что-то предложили, о чём-то попросили — и ты со спокойной душой можешь отказаться. И даже не обязательно, что если потом сам обратишься с просьбой — тебе откажут. Могут от-

казать, да. Но могут и помочь. Там уже нюансы будут решать.

Ты можешь пользоваться банзой, не входя в неё, это не возбраняется. Большинство населения так и делают. Но если ты активен, если то, о чём тебя попросят, выполняешь весело и охотно — к тебе начнут присматриваться. И, может быть, пригласят — и тогда ты станешь зеркалом, это низшая ступень в иерархии, ты собираешь просьбы от людей, передаёшь их наверх, серву; и организуешь людей на какие-то действия, которые спускает тебе серв. В общем, служба твоя в основном почтальонная, с толстой сумкой на ремне.

Став зеркалом, ты сразу обнаруживаешь, что проблемы твои решаются значительно быстрее и проще, чем раньше. И здесь главное — не увлечься, соблюсти баланс: если ты жадничаешь, то скоро вылетаешь из системы, как мелкая фракция из сепаратора. И наоборот: если ты просишь для себя мало, а отдаёшь много, то моментально сам становишься сервом, гардой, хабаном, квотером...

Выше я не поднялся. Потом началась война.

Землюки были уверены, что банза — одна из организаций сопротивления. Они почти разгромили её.

Через несколько лет после войны мне предлагали вернуться на квотерский пост. Банза восстанавливалась...

Я отказался. По многим причинам.

Прежде всего потому, что перестал любить людей. Мне не хотелось ничего для них делать. Со временем это постепенно проходило, но до конца так и не прошло...

Лампа снова померкла, и вдруг на меня накатила сон — наверное, сработали травы: ушла боль, и что-то расслабилось внутри. Я ещё сказал пару связных фраз, потом извинился, пробормотал, мол, договорим позже, и провалился, было именно ощущение падения куда-то вниз, к подножию всего. Я увидел Кумико и понял, что всё будет хорошо.

Проснулся я в одиночестве. Было светло. Ещё не солнечно, но уже светло.

Люсьен

Люсьен? Хорошо, пусть пока будет Люсьен. Не совсем моё имя, но я им буду пользоваться, пока рассказываю эту часть истории. Иначе вообще всё запутается. В общем, так: зовите меня Люсьен.

У меня не сохранилось никаких записей (в отличие от Гагарина), мне просто в голову не могло такое прийти: что-то записывать, — и у меня нет такой феноменальной памяти, как у Севера. Я точно знаю, что многие события в голове у меня перемешались. Никто бы не смог предвидеть, что всё пойдёт так стремительно, с такими поворотами и нырками...

Да.

Это как собирать яйца. Долго-долго ползёшь-карабкаешься на вершину, продираешься через колючки — и вот оно, кожистое и ребристое, хватаешь... и тут папаша (обычно именно папаша, мамаша гораздо глупее) выныривает на полном размахе крыльев из-за обрыва, он уже видит тебя, он

уже весь на тебя нацелился, и надо успеть сунуть яйцо в мешок на пузе, подскочить к обрыву и, дождавшись момента, когда родитель коснётся лапами камня и начнёт складывать крылья, чтобы догнать тебя всухопутную и распустить когтями вдоль, как овцу (видели ведь наверняка овец, не уберёгшихся от дракона?), — прыгнуть с обрыва плашмя, раскинуть руки и ноги, поймать собой поток, отрулить от скальной стены — а она рядом, метрах в трёх, в пяти, — и раскрыть парашют так, чтобы оказалось и не поздно, и не рано. Неизвестно, что хуже.

Между деревьев он тебя уже не достанет...

Но потом ты помнишь только множество деталей. По отдельности. Не вкупе. Не целой картиной. Просто — великолепная россыпь.

Меня вдруг охватила уверенность, что именно в Трёх Столбах (или в окрестностях) я по-настоящему нападую на след отца. Вовсе не потому, что здесь у него некоторое время была школа — это не значило ничего, он постоянно летал и в Синьюнь, и в Дальний, и в Браунсхофф — везде его очень ценили. Нет, я не знаю, почему мне так казалось, — но, с другой стороны, дракончики, у которых нет чувства предстоящего (или само чувство есть, но нет безусловного доверия этому чувству) — такие дракончики живут быстро и умирают интересной поучительной смертью.

В тот день, первый день моего пребывания в славном городе Три Столба — мы как раз тогда столкнулись с Севером, просто на улице, на углу, — мне крупно повезло: в архиве нашлись ко-

пии документов, согласно которым отец заключил договор с богатым помещиком Игнатом Снегирём на проведение каких-то «научных изысканий» на землях поместья — и получил под эти изыскания немалую сумму. Это произошло примерно за месяц до того дня, когда отец отправил мне последнее письмо... Какое совпадение: Игнат Снегирь находился под стражей, как раз на завтра был назначен суд — но мне казалось, что его неминуемо оправдают, поскольку обвинения были какими-то чересчур нарочитыми, а значит, вздорными.

И тогда я смогу с ним поговорить...

Всё произошло на моих глазах, об этом уже рассказывал Север, не стану повторяться. Но это был удар. Кто-то неотвратимо и последовательно устранял всех, кто мог рассказать мне о последних днях отца, может быть, показать его могилу...

Ну, именно так мне тогда казалось. Каждый человек от самого рождения видит и знает, что мир вращается только вокруг него, и именно его проблемы определяют ход истории.

А когда он понимает, что всё не так, то мир просто рушится, просто перестаёт существовать как разумная система.

Это и случилось со мной немного погодя...

Возвращались мы при хорошем попутном ветре вдоль троса, соединяющего порт Ньёрдбурга и Пятый пост. Трос — он только называется так, на са-

мом деле это пустотелый рукав диаметром примерно в метр, очень лёгкий — свободно парит в воздухе — и чертовски прочный, из этих же волокон сделана Башня и весь космический лифт. Кроме того, трос светится рубиново-красным, или невыносимо-розовым, или мерзко-зелёным светом, что делает его видимым и в темноте, и ясным днём. Раньше пространство внутри рукавов тоже использовалось: там очень быстро летали сигарообразные пеналы с почтой или даже с пассажирами, — но и это, как вы понимаете, нам запретили...

Сейчас, когда облака закрывали небо, а плотная дымка — таигу и горизонт, трос был самым лучшим ориентиром.

Кумико

— Здравствуй, Старший, — и я опустилась на колени. — Старший, ты ещё помнишь меня?..

Он помнил. И стоя, только что обкладывавшая меня справа и слева, села на хвосты. Волки переглаживались, обменивались короткими замечаниями, хихикали.

Старший подошёл, наклонил голову. Он был очень стар, левый глаз почти не открывался из-за уродливого шрама, и этот же шрам вздёргивал ему верхнюю губу. Я обняла его за шею, за могучую железную шею, и впервые за много-много дней заплакала.

73

В общем, дорога не сулила сюрпризов. Она действительно оказалась скучной и однообразной — чему я был несказанно рад.

Гагарин

Я проверил свой планшет. Пока никаких сообщений о заключении сделки на Котур не поступало, так что время у меня оставалось. Время — и...

И почти ничего больше.

На моих счетах лежало семьсот марок родных и четыреста с чем-то «оккупационных» (то есть тех, которыми с нами рассчитываются земляки), и вместе это получится чуть меньше тысячи. Есть квартира в Ньёрдбурге, и под неё можно взять ещё тысячи две, а если сильно повезёт, то и две с половиной... Это всё. Я пользовался редакционным вертолётком, содержимое моего сейфа сторело (рискнул бы я продать кое-что из накопившегося там? — боюсь, что да), земли у меня не было, денежных друзей — тоже. И у меня не было пиратской карты, где отмечены зарытые клады...

Бургомистрат выставил Котур за пять тысяч родных. И какой-то мерзавец, как стало слышно, готов был заплатить эти пять тысяч. Ещё не заплатил, но уже отметился. И чтобы перебить сделку, мне нужно иметь как минимум шесть...

Если бы я знал, кого ограбить, я бы ограбил.

Но, может быть, и у того наглеца, который собирался покупать Котур, нет на руках всей суммы? Иначе непонятно, с чего он тянет время?

Ждёт, что пройдёт пять дней и бургомистрат начнёт снижать цену? Может быть, может быть...

Но я всё равно не представлял, где взять деньги. Причём у меня было сильнейшее чувство, что проблема имеет очевидное и примитивно простое решение, я просто не могу его разглядеть. Это приводило в бешенство.

Люсьен

Нас довольно долго продержали сначала на площади, потом оставшихся — в приёмной шерифа. Меня как лицо наиболее подозрительное оставили до утра, отправив запрос в Фэньхундао; утром, надо полагать, пришёл ответ.

— А почему в таком виде? — спросил шериф. Он был небрит и отёчен.

— Как бы это... Чтоб не узнали. Я путешествую инкогнито.

Сомнения шерифа не удивляли — хотя лицо на фотографиях было настоящим, опознать меня только по документам сейчас хрен бы кто смог.

— Ну-ну, — сказал шериф и отпустил мою помятое инкогнито с миром.

У выхода мне попало на глаза казённое объявление: имущество умершего во время суда, а следовательно, остающегося под подозрением и обвинением Игната Снегиря подверглось частичному секвестру и выставляется на торги в следующем порядке... — дальше следовало перечисление и даты.

— Не советую, — сказал сзади шериф.

— Почему? Ведь это так дешево...

— Слишком велико обременение, — он ухмыльнулся. — Долги прямые, долги косвенные...

— И наверняка уже есть *доверенный* покупатель... — мне не нравилась его ухмылка.

— Пока никто не объявлялся, — он ухмыльнулся ещё гнуснее. — Почти наверняка — покупать придёт тот, кто заказал хозяина. Подождёт, пока всякие случайные люди отвалятся от сделки, — и

выложит денежки... Так что, если хотите попрыгать на углях, милости прошу — всего каких-то пять тонн бумажных обрезков.

— Подробности узнать — в магистратуре?

— Да... — кажется, он растерялся.

— Это через площадь?

— Нет, соседнее высокое крыльцо.

— А через площадь — это что?

— Это банк и телеграф...

— Понятно, шериф. Спасибо.

Зачем мне Котур? Не надо мне никакого Котура... Подозреваю, однако, что это был единственный способ хоть что-то стронуть с места.

В коридоре магистратуры пахло иначе, чем у шерифа. Похоже, здесь жгли ароматные палочки. Ненавижу...

Какая-то дверь распахнулась так резко, что чуть не впечаталась мне в лоб. Толстая тётка выпятилась в коридор и развернулась ко мне. В руках она держала большую картонную коробку, в которой что-то побрякивало.

— Эт-то ещё что? — спросила она.

— Где?

— Что вы тут делаете?

— Я по объявлению.

— По какому такому объявлению?

— Я — хочу — приобрести — выставленный — на — открытые — торги — остров — Котур.

Надеюсь, это прозвучало достаточно весомо.

— Эх... кх! — она кашлянула — кажется, от пы-

ли. — Мальчик, а ты вообще понимаешь, что ты собираешься сделать?

— Да. Я выгляжу значительно моложе, чем есть на самом деле, — и это, конечно, была ложь — но достаточно невинная ложь.

— Феттер! — крикнула она, обернувшись и направляя голос вглубь кабинета. — Тут к тебе, разберись, слышишь?

Со мною уже столько раз пытались разобраться...

— Вас интересует что?

— Меня интересуют остров Котур, скалы Клумба, Чудная и Страсть, гора Шальная. Примерно в такой последовательности.

— Деньги — есть? — лениво, через губу.

— Наличные — вот, пять тысяч триста семьдесят марок. На любую другую сумму я могу выписать чек...

— Чеки не принимаются, вы знаете.

— Я могу получить наличные по чеку сам, но это потребует нескольких дней. Почему отменили платежи через планшет? Сделки оформлять можно, а оплачивать нельзя?

— Не наша компетенция. Итак, у вас есть наличные на покупку острова и скалы Чудная. Можете внести деньги сразу...

— Я хочу предварительно осмотреть мои будущие владения.

— Что там осматривать... Залог — семьсот марок за остров, сто — за скалу. Через пять дней вы или отказываетесь и тогда получаете обратно залог минус штраф десять процентов, или доплачи-

ваете до полной стоимости и вступаете во владение. Если вы не объявитесь через пять дней, сделка считается расторгнутой, штраф изымается в пользу города, остаток средств ложится в банк под обратный депозит... знаете, что это такое?

— Нет.

— Проценты с вклада снимаются. Минус двенадцать в год. Так что вам выгоднее всего — поторопиться с решением. Ну так как?

— Годится...

Они были скупщики краденого и даже не скрывали этого.

Мы сходили в банк, оформили простейшие бумаги, у меня взяли восемьсот марок, выдали расписку...

— Предпочитаете отправиться сегодня?

— Прямо сейчас.

— Шериф Рекс вас сопровождает.

— Зачем?

— Так велит закон. Шериф Рекс чтит закон. И дух его, и букву.

Ну-ну...

Мы вылетели всё-таки на двух вертолётах. Удалось отговориться тем, что я, может быть, на Котуре заночую.

Моторы уже грелись, когда мне показалось, что правую щёку чуть-чуть припекает. Озираться в поисках «источника тепла» не хотелось — но он очень удачно отразился в зеркале заднего вида. Странного вида парень медленно шёл по краю вертолётной стоянки, делая вид, что просто ждёт,

когда мы освободим стартовый круг. У него был необычный цвет волос: половина головы белая, половина — чёрная. Весь он казался помятым, как после недельной пьянки, — и светло-серый костюмчик из дешёвого полотна, и лицо. Только глаза из-под тяжёлых век — обжигали, и он ничего не мог с этим сделать...

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

74

Я не люблю бывать в Ньёрдбурге. По разным причинам. Во-первых, этот город как-то особенно некрасив. Я не понимаю, почему при наших просторах надо было делать его таким тесным. Во-вторых, все его улицы ведут куда-то не туда. Мне приходится напрягаться, чтобы выдерживать верное направление, — и это при моих-то способностях, природных и не очень. В-третьих, в нём полно лишнего, а чего-то такого, что необходимо мне в данный момент, никогда не сыщешь.

Наконец, с Ньёрдбургом у меня связаны едва ли не самые тяжёлые воспоминания. Вот здесь поганка-память никогда не отказывает...

Но это мои воспоминания. Исключительно мои. Я не хочу ими делиться.

Я повёл туристов в «Весёлого дружка», один из уютных непритязательных кабачков, где просто вкусно и обильно кормят, и ничего больше, никаких культурных программ. Дружки — они такие

любители поесть... Шёл мелкий-мелкий холодный дождик, водяная пыль, с полосатого навеса капало: где-то разошлись швы. Кабачок был не то чтобы полон совсем, но оживлён, многие нъёрдбургцы заходят сюда чаще, чем в другие кабачки. Я не знаю, почему так. Наверное, им тоже нравится, когда вкусно кормят. Ну, и поят. Может быть, к вечеру начнутся песни...

Мои уже так походили на местных, что к ним пару раз подходили за огоньком. Здесь правило «Nicht Feuer, Nicht Rauch, Nicht Schrei!» не действовало, хотя вообще-то кабачок был достаточно близок и к порту со всеми его газохранилищами, и к обрыву — правда, без тех трусливых драконов, которых можно испугать внезапным криком или плохим исполнением арии Ричарда. Обрыв сейчас украшали драконы деревянные, держащие в пастьях чугунную цепь-ограду.

Мирабелле я дал пару «банзайских» адресов и несколько ценных советов; заодно я предупредил друзей, что к ним идёт странный человечек. Уже вечером она исчезнет с острова, проведёт несколько недель в подземельях — пока не заживёт рана на месте извлечённого идента, — и отправится подалее от Башни, на запад или на юг, и там затеряется в толпе...

Это я так думал тогда.

Изя запаздывала уже на два с лишним часа. Мы не возмущались, поскольку обед задался: в моих подопечных наконец-то распознали туристов, но поскольку распознали не сразу, а чуть ли не к кон-

цу обеда, это всех почему-то сильно обрадовало и настроило на шуточный тон; прорезалось наконец легендарное эстебанское гостеприимство, кабатчик Браун как раз кстати откупорил бочонок двойного небесного (если кто не знает: свежесваренный «копчёный» эль в открытых бочонках поднимают на специальном баллоне высоко в небо, где вода начинает замерзать и собираться на поверхности рыхлой корочкой, её снимают шумовкой до тех пор, пока в бочонках не остаётся половина от исходного объёма; тогда баллон возвращается) — и веселье покатило, беспричинное, а потому самое ценное. Мрачен был только я, но старался этого не показывать. К элю подали медный тазик шкварок...

...Наши высадились тогда в порту, пробравшись по паромным тросам, по внутренней их части, двенадцать человек из Дальнего и двадцать четыре из Ясного, весь путь они провели в пеналах для почты, и я видел со своего поста, как они выгружались, затёкшие, неуклюжие, натягивали имитацию солдатских бронекостюмов «Центурион», очень похожие пластиковые поделки, не защищающие ни от чего, но защиты и не требовалось, нужно было просто на три минуты совместить картинку, выдаваемую системой слежения, с тем, что можно увидеть невооружённым глазом, систему слежения мы уже захватили, теперь требовалось подогнать к ней действительность, вот так же сыпал мельчайший дождь, и вокруг фонарей висели круглые неясные радуги...

Кумико

...И тогда я поняла, что Старший хотел мне сказать. Он хотел сказать, что скучал обо мне так же, как и я о нём, но оставаться мне здесь нельзя: здешнее чудовищное поле Цветов вот-вот созреет до начала охоты, может быть, это произойдёт уже этой ночью, — и тогда всем в округе грозит смерть, даже Волкам, даже огромным Каменным буйволам — всем, всем... Я не знала, как, откуда, почему могло образоваться такое поле, в этом мог бы разобраться Север, или отец, или кто-то из китайских плантаторов, но не я. Сколько здесь Цветов? Многие тысячи. И не под скалами, а на пологом склоне...

Нужно было искать другое место, чтобы скрыться. Потому что здесь, даже если меня не сожрёт пыльца, то найдут люди. Понадобится очень много людей, чтобы за одну ночь успеть прихватить такую массу Цветов.

Взлететь на простом автожире с места невозможно — нужен разбег. Но мой «Махмади» умел немножко больше, чем *простой* автожир. Можно было на короткое время превратить его в вертолёт — правда, жутко неэкономичный: вместо пропеллера мотор начинал вращать турбину компрессора, и сжатый воздух (плюс, разумеется, добавочный водород) подавался к концам лопастей на маленькие примитивные реактивные двигатели. Получалось что-то вроде «огненного колеса», китайцы любят показывать такие на крестьянских ярмарках. Реактор, конечно, для этого приходится форсировать, воды уходит огромное количество...

Но ничего другого мне не оставалось.

Мы попрощались со Старшим, и я улетела. Правда, потом, когда уже вырубила реактивную тягу и пошла на нормальном режиме — пропеллер и ротор, — я вернулась и сделала круг. Старший уводил семью на северо-запад, к самым страшным бездонным болотам... я надеюсь, он знал, что делал...

Мой же путь лежал на юг и даже чуть-чуть на восток — к необитаемой скале Чудная. Главное, чтобы меня не заметили по дороге; на самой скале мне есть где укрыться.

Что сказать: я долетела непонятно как, проложив себе путь почти наугад, по наитию, по чутью — сквозь густой ледяной туман. А через пять минут после того, как я села, с неба обрушился ливень и град. Некоторые градины были с кулак. Я разминулась с неминуемой смертью.

75

Изя пришла. Она была как мёртвая.

Прошлой ночью в Ключах двенадцать подростков — кто-то из Дальнего, кто-то из Ньёрдбурга, кто-то неопознанный — пробрались в замаскированный ангар. Я, например, и не подозревал, что там есть такой. В ангаре стояли три маленьких орбитальных катера. Один из катеров пацаны угнали. Вылет запрещённой к использованию машины тут же зафиксировали землюки, примчались и похватили всех, кто был в тот момент на острове. На-

верное, тем самым они спасли от расправы восьмерых мальчишек-угонщиков, которые улететь не сумели и попали в лапы к охране ангара.

Но имена тех, кто улетел, стали известны и землякам, и синим — а значит, и серым, а ведь именно серым наверняка принадлежал этот ангар и эти катера... Так вот: среди улетевших был старший Изин сын, Юрка. И — трое Подколодных.

Теперь их ищут все.

— Север... — жалобно.

— Помолчи, а?

Это был какой-то обвал. Из-под мира выбило подпорки, и он весь рушился на меня.

Люсьен

Мы прибыли на Котур ближе к вечеру. Это был остров в форме наконечника стрелы, размерами двенадцать километров на три, частью покрытый густой тёмно-зелёной растительностью, частью каменистый. Дом — старинный, двухэтажный, с огромной верандой и плоской крышей, — и хозяйственные постройки располагались почти на самом «острие наконечника»; чуть подальше над бездной нависали два длинных решётчатых пирса, даже на мой не слишком просвещённый взгляд страшно древние, наверняка проржавевшие насквозь и для использования по назначению не пригодные. Памятник эпохи... Больше никаких построек видно не было. Шериф летел впереди, я за ним, немного правее и выше. Когда мы подлетали к Стене, он поднял руку, предостерегая. Но Стену

трудно не заметить — хотя бы потому, что когда приближаешься к ней, все волосы встают дыбом...

Стена отрезала от острова примерно пятую часть, «хвостовик». Мне показалось, что зелень по ту сторону Стены гораздо светлее и пышнее.

Мы облетели остров и вернулись к дому. Шериф показал пальцем вниз. Посадочная площадка была маловата... впрочем, ерунда.

Сели по очереди: сначала я, потом он.

— Ну, вот, — сказал шериф, подходя ко мне; как всех после долгих перелётов, его слегка покачивало. — Владение на месте, согласны?

— Более чем.

— Давайте быстренько осмотрим дом, и я полечу обратно.

— Хотите глоточек рому?

Он посмотрел на меня подозрительно — возможно, заподозрил, что это род взятки. Или что я хочу его отравить. Потом хмыкнул:

— А давайте. Пока никто не видит...

Мы хлопнули с ним по хорошему глотку и вошли в дом.

Что сказать? Сами стены сохранились отменно, как и у всех домов, построенных во времена «грюнсанд-бума». Сейчас так уже не строят, секрет утрачен... Но внутри всё, что можно было оторвать и утащить, было оторвано и утащено. Фермеры — люди хозяйственные...

Под ногами хрустели осколки облицовочной плитки. В окнах не осталось ни одного стекла.

— Чтобы всё поднять, понадобятся немалые деньги, — сказал шериф.

У меня вырвался нервный смешок.

— Может быть, всё-таки обратно? — предложил шериф.

Обратно? Глупо.

— Летите. Я вернусь завтра. Скажите бургомистру, что товар мне понравился.

С первого же мгновения, как мы ступили на землю острова, меня не покидало ощущение, что за нами следят. Но пока шериф был рядом, этот чужой взгляд как будто прятался, шурился, скользил по касательной. А когда вертолёт шерифа взмыл над площадкой, наклонился и ушёл за дом — взгляд этот упёрся мне меж лопаток. Сразу захотелось почесаться...

До захода солнца оставалось ещё часа два, и надо было использовать их правильно, чётко, не транжиря. Но почему-то ноги не хотели никуда идти... может быть, из-за того, что вдруг стало понятно: поиск окончен. Всё, что я могу найти, я найду здесь.

Не знаю, откуда взялось это понимание.

Взялось. Бессмысленно разбираться в истоках предчувствий.

Но, повторюсь, дракончик, у которого нет чувства предстоящего, живёт быстро, интересно — и напрасно.

С собой у меня были спальный мешок, немного еды и питья, мачете, пара метательных ножей, хороший бинокль и китайское духовое ружьё, стре-

ляющее тонкими стальными стрелками шагов на сто. Что ж, по острову следовало «ходить опасно»...

Но где у нас, скажите, можно ходить расслабленно?

Чувствовалось, что меня *ведут?* по крайней мере? двое. Причём ведут не очень уверенно, не зная до конца, что со мной делать: то ли пристрелить к духовой матери и сбросить с обрыва, то ли оставить в покое и посмотреть, что я буду делать. Поскольку попыток пристрелить пока не было, оставалось сделать вывод: возобладало здоровое любопытство.

У меня, разумеется, не было никакого плана обследования острова, обычные поиски наугад: идёшь — и *ногами* пытаешься понять, что тут делал тот, кого ты ищешь. Что делал мой отец на этом заброшенном, бесплодном, бессмысленном острове? Что? Какие «научные изыскания» можно проводить среди россыпи камней в человеческий рост, на земле, обильно поросшей серой колючкой?

Тем не менее... прошёл, я думаю, час. Ноги куда-то шли. Передо мной вдруг открылась пологая впадина — возможно, когда дожди, здесь скапливается вода. Камни тут скорее не торчали, а лежали, и промежутки между ними были замыты песком. В поперечнике впадина была метров сто...

Глаз заметил, а тело мгновенно среагировало: чёрная точка в небе — пригнуться — развернуться — спиной к скале...

Арбалетная стрела ударила в камень, высекла искру. Отскочила куда-то в траву, в щель меж камнями.

Паника — очень неприятная штука. Особенно когда не отдаёшь себе отчёта в том, что ты паникуешь. Можно наделать страшных ошибок...

Я, хвала предкам, сумел понять, что паникую. И что никак не могу от паники избавиться. Она оказалась многослойной, я сбрасывал очередную пелену с сознания, с глаз — только для того, чтобы понять: вот она, следующая.

И единственное правильное решение, которое можно в таком состоянии принять, — это не принимать никаких решений, не делать никаких выводов, и вообще...

Впрочем, я старался не подавать вида, что охвачен паникой, держал лицо и спину, успокоил, как мог, Изю (не смог; понятно, что словами тут ничего не сделать, да и не мастер я говорить слова), распрощался с подопечными, подмигнул едва заметно Мирабелле (ей с утра были даны инструкции, и кто надо получил нужную записочку, в таких делах мы ни телеграфу, ни телефону не доверяем; чтобы больше не возвращаться к Мирабелле, скажу, что у неё всё сложилось хорошо, но вовсе не так, как мы предполагали... но всё равно хорошо, лучше, чем у многих других) — и отправился на городскую станцию омнибусов.

Так или иначе, мне нужно было вернуться в Три Столба. Мне необходимо было вернуться в Три Столба, потому что где-то там таился вход в лабиринт, которым мне следовало пройти.

Омни оказался переполнен, мне дали плетёную табуреточку, и я всю дорогу просидел, привалившись спиной к переборке пилотского отсека. Четверо сидевших на последних рядах мне сильно не нравились, я ожидал каких-то сложностей в пути, но ничего не случилось.

Уже смеркалось, когда мы причалили к пирсу...

Гагарин

Да, я наделал глупостей. Ну и что? Кто из вас не делал глупостей в отчаянном положении? С другой стороны, вспоминая всё, что было, я и сейчас не нахожу умного выхода. Можно было ничего не делать — это если бы я был полным дерьмом. Можно было делать глупости. И всё. Третьего не дано.

Не так. Можно было сделать пару умных ходов, зная значительно больше того, что я тогда знал. Но это, по-моему, даже бессмысленно обсуждать. Некорректная постановка проблемы.

Ну и ещё. Свойство характера, та самая ранняя психотравма (событий которой я совсем не помню — а только знаю по рассказам взрослых), но которая тем не менее диктует мне моё поведение. То есть при опасности замереть, отвернуться, притвориться, что тебя тут нет, выждать — потом метнуться куда-то и снова замереть. Я не могу переключаться с режима на режим, как Север, — это ему ничего не стоит вдруг начать *струиться*, делая практически одно движение, неторопливое, но быстрое, непрерывное, но очень сложное, — и не то чтобы рассчитывать ходы на сто вперёд, а ви-

деть всё происходящее как бы немного сверху. Беда в том, что он не умеет об этом рассказывать сам — и не позволяет мне. А я бы рассказал...

Но он не хочет. Он хочет, чтобы я рассказывал только о себе. Сухо: был там, делал то, подумал так.

Ну и ладно, я не гордый. Вернее, гордый, но не в этом смысле.

(И ещё одна обязательная деталь. Мы все тогда, после убийства Игната, как-то утратили повседневный счёт времени — и потом, сводя концы, раз за разом убеждались, что у кого-то время еле ползло, а у кого-то несло скачками. Так вот, просто для справки: с момента убийства и до того, как все до единого планшеты на Эстебанае включились, чтобы принять экстренное общепланетное сообщение, прошло одиннадцать суток и четыре с половиной часа. Я это говорю заранее, чтобы не напрягать ни вас, ни других рассказчиков точной датировкой событий. Мы будем рассказывать, как это всё нам запомнилось, а вы держите в памяти: одиннадцать суток и четыре с половиной часа. Всего-навсего.)

Журналисты всегда всё узнают. Хотя личность приобретателя Котура была, как по закону положено, засекречена, мне тем не менее его показали, когда он садился в щегольской «Нубис» — двухместку цвета полированной стали. «Нубис» — вертолёт дорогой, но, как говорится в таких случаях, своих денег он стоит. Парень был невысокий и худой, при ходьбе сутулился и припадал на левую

ногу. Лица я толком не рассмотрел, но волосы — выцветшие, прямые, почти до плеч — были неплохой приметой. Ну и — шёлковые тёмно-синие, почти чёрные, штаны, такого же цвета, но более светлого оттенка верхняя рубаша, золотистый шейный платок...

Ещё и пижон.

Его сопровождал шериф. Они взлетели один за другим и взяли курс на юг. Стервятники полетели делить добычу.

С помощью телеграфа я смог заложить свою квартиру за две тысячи двести и взять в банке ссуду на месяц — полторы тысячи. Кроме того, наш бухгалтер поверил мне на слово и перевёл мне сюда по служебному тарифу тысячу марок в счёт тех, что лежали у меня дома (а вернее, в полиции, но об этом я узнал позже; впрочем, к тому времени это уже не имело значения). Таким образом, завтра я должен был получить на руки четыре тысячи шестьсот шестьдесят и немножко мелочи. Значит, если уговорить пижона отказаться от покупки, то при следующем шаге скидки я буду в состоянии оплатить весь пакет, а даже и без скидки — сам Котур!

Я был как в угаре, я даже не думал, что буду делать после того, как останусь без денег и с землёй, которая ничего не даёт...

Лишь одну вещь я знал точно: я вступаю во владение и сразу же завещаю земли Кумико. У меня будет единственный наследник. Причём к ней не

перейдут мои долги, поскольку мы не родственники!

Есть у нас такой способ отмывания собственности. Кровью.

Вечером шериф вернулся. Пижон не объявился. Зато на город обрушился дождь.

А после полуночи ударил град.

С раннего утра было объявлено чрезвычайное положение: все, кто мог вылететь на поиски жертв стихии, вставали под знамёна, получали инструктаж, сухой паёк, военного образца стержни — и вперёд, только вперёд!..

Я сделал вылетов то ли шесть, то ли семь — обшаривал сектор к северу и северо-востоку от Столбов, нашёл одну разбившуюся ферму в тайге (повесил в том месте шар-буй и сбросил аварийный пакет; людей спасли) и вторую — на скалах, там никого в живых не осталось. Поиски велись до глубокой темноты. Возвращаясь из последнего вылета, я чуть не врезался в пикап, у него не горел левый бортовой огонь. Но обошлось.

Город бурлил, что и понятно в таких случаях, спасённых разместили кого в пустующих складах, кого просто на квартирах. Всего, как говорили, подобрали человек двести. Наверняка не меньше осталось ночевать в тайге...

Ноги меня не держали, я едва сумел добраться до «Зелёного дракона». Здесь было дымно и шумно. Я даже не надеялся найти место за столиками, протиснулся к стойке, заказал *настоящий* глинт-

вейн. В глиняной кружке. Сделал пару глотков — в глазах немного прояснилось. Повернулся, чтобы чуть поудобнее опереться о стойку...

Рядом со мной, глядя куда-то в пространство, стоял тот самый пижон с бокалом ячменного бренди в руке. У него были очень бледные и очень тонкие пальцы с обломанными ногтями. И вообще он уже не выглядел пижоном: лицо оцарапано, под глазом глубокий запёкшийся порез, рубаха — будто он весь день рыскал по кустам...

И ещё он был бледный, хотя и загорелый — такая вот странность.

Я почему-то решил, что сейчас — самый момент поговорить с ним за жизнь.

— Э-э... — сказал я. — Здравствуйте. Меня зовут Гагарин...

Он неохотно оторвался от созерцания бесконечности.

— Да? Странное имя. Впрочем, чего только не бывает... Люсьен.

— Очень приятно. Э-э... Люсьен, сегодня был трудный день... Можно, я буду невежлив?

— Попробуйте.

— Я знаю, что вы покупаете бывшие владения Снегиря.

— Да ну? И что?

— Я прошу вас отказаться от этой покупки.

— Чего ради?

— Ну... По многим причинам. Во-первых, сама эта распродажа...

— Я всё знаю. Да, она на грани законности. И совершенно бессовестна. Но ведь вас не это волнует?

— Нет, не это. Но я...

— Ладно, Гагарин. Не будем встряхивать этот и без того грязный воздух. Моё конечное слово — «нет».

— Вы даже не выслушали...

— Потому что всё равно вы не сумеете меня переубедить. Может быть... — он вдруг усмехнулся, у него глубоко треснула губа и выступила кровь, — может быть, вчера ещё нашлись бы доводы. Сегодня — нет. Я пообещал... одному человеку.

— Жаль, — сказал я. Взболтал в кружке глинтвейн и выплеснул ему в лицо.

Он отступил на шаг и побледнел ещё сильнее. Стал голубовато-серым, как перепонка крыла дракончика.

Но голос остался ровным.

— Куда мне прислать секундантов?

— Без секундантов, — сказал я. — Морталь.

— Тогда я выбираю оружие.

— Разумеется.

— На вертолётах. Остров Котур. Около Стены. Я почувствовал холодок в спине.

— Хорошо. Завтра в полдень.

— Нет, — сказал он. — Летим сейчас. Начнём ровно в полночь. У вас есть незаконченные дела?

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

Люсьен

Мне кажется, они не имели цели непременно меня убить. Во всяком случае, им вовсе не хотелось рисковать собой, чтобы исполнить — что?

Свой долг? Чей-то приказ? Мы несколько часов, до сумерек, опасно и медленно кружили вблизи иссохшего озера, скрывались за камнями, пытались тихо, ползком зайти друг другу в тыл. Пару раз мне удалось сделать прицельные выстрелы — правда, издалека; да и времени, чтобы прицелиться как следует, не было. Но, наверное, кого-то моя пуля — вернее, тонкий оперённый дротик — зацепила: мне потом попались следы крови на песке. Но куда делись мои противники... куда-то делись. Не знаю. Во всяком случае, больше никто не стрелял. Но и остров они не покидали. Наверное, ушли в пещеры. Если есть сухое озеро, то должны быть и пещеры.

(Гидрология нашей планеты очень сложная. В университете мне этим просто просверлили дыру в темечке. «Гидрология нашей планеты очень сложная». Есть такая древняя китайская пытка (кстати, о гидрологии): капать водой на темечко. «Гидрология нашей планеты очень сложная...» — так началась буквально каждая лекция. По гидрологии, естественно.

Но продержаться мне удалось больше года. Потом даже появилось какое-то извращённое удовольствие от бесконечной зубрёжки — и чтения, чтения, чтения, чтения.

Потом пропал отец, и университет пришлось бросить. С облегчением ли? Уже и не знаю...)

Если они — думаю, их было двое — ушли в пещеры, то мне не стоило оставаться на острове. Ночью у них могут появиться новые козыри. Напри-

мер, приручённые дружки. Добродушнейшие ночные существа, в темноте видят, как мы днём. Найдут меня и поднимут весёлый гвалт...

Надо было сматываться — вот что я хочу сказать. Проявить благоразумие и сматываться. Но уже не было сил лететь обратно в Столбы. И даже в Ньёрдбург не было сил лететь, хотя он немного ближе.

Организм сам, меня не спрашивая, доплёлся до вертолёта, забрался в него, запустил моторы. Потом поднял машину и повёл вдоль Стены на восток — там была скала Чудная. Ещё одно моё потенциальное владение.

В воздухе мне стало лучше. Вернее, в воздухе мне стало ясно, до чего же мне было хреново на земле. Это началась реакция на стресс, на... на бой, на схватку, духи побери, меня хотели убить...

Болела голова. Не просто болела, а — болела. До тошноты, до пламени в глазах. Это у меня после последнего неудачного прыжка — парашют перехлестнуло стропой, в последний момент удалось её отсечь, но посадка оказалась чересчур жёсткой, и прыгать мне до сих пор нельзя — а когда будет можно, никто не знает.

Может быть, никогда.

В какой-то момент Стена и Башня — основные мои ориентиры — пропали из виду, и это показалось нелепым и досадным, чья-то дурная шутка, и всё. Потом до меня как-то дошло, что я лечу в тумане. Потом ударил дождь, и надо было продержаться в воздухе и не опуститься слишком низко, высьтомер безбожно врал. Потом внизу оказалась земля, дымный луч нижней фары нарисовал продол-

говатое пятно, земля приблизилась, нет, это была вода, сплошная вода, из которой торчали какие-то стебли, по ней лупили быстрые тяжёлые капли и неслись круглые волны, вздымаемые винтом, вертолёт плюхнулся в эту воду и погрузился по брюхо, и тут же заглохли моторы, доносился только рокот шестерней редуктора, надо было дожидаться, пока остановится винт, и всё слышнее становились звуки дождя и ветра, почти бури, не знаю, куда меня занесло, ничего не было видно за пределами светового пятна от посадочных фар. Наконец можно стало перебраться через борт кабины — воды под ногами оказалось не так уж много, даже не до колен. Теперь... фонарь... ружьё — зарядить...

Голову сжимало с висков так, что казалось: она принимает форму топора. Туповатый ещё, но вполне себе топор.

Колун.

Под ногами скоро захлюпало — там была уже не сплошная вода, а напитанный ею мох. Стали попадаться деревья. Не знаю, сколько прошло времени. Час или три. Могло быть уже и утро — под такими тучами всё равно будет темно.

Потом оказалось, что я стою перед воротами дома. Вернее, не перед воротами, а перед проёмом ворот. Стена — чуть пониже человеческого роста — сложена была из плоских, грубо отёсанных каменных блоков, их делают из местного слоистого камня, почти белого и шершавого на ощупь; он очень лёгкий и удобный для обработки, но дома из него не строят — в таких домах всегда влажно, он натягивает воду и из почвы, и из воздуха.

Гидрология нашей планеты очень сложная...

Иногда мне кажется, что голова моя — особенно когда она болит — вот-вот лопнет от ненужных сведений. А иногда — просто хочется выть...

За стеной был неширокий двор, справа от проёма — маленький круглый бассейн из такого же камня, слева — поленница, дальше какой-то навес, кухня, наверное... дорожку к дому когда-то вымостили булыжниками; между ними проросла трава... Сам дом, бревенчатый, чёрный от времени и дождя, смотрел на меня двумя пустыми окнами — и третьим глазом слухового чердачного окна. Дверь была приоткрыта...

Оставалось шага три до крыльца, когда в спину мне упёрлось что-то невысказанно острое, и сорванный голос произнёс:

— Руки за голову. На колени. Теперь — мордой вниз...

Прикосновение раскалённого лба к мокрому холодному булыжнику оказалось невыносимым. Невыносимо-пронзительным. Мир вспыхнул и погас.

Кумико

Я заволокла его под тент, там было сравнительно сухо, перевернула на спину. Зажгла фитильную лампу. Лицо поначалу показалось мне смутно знакомым, но, как я ни напрягала память, вспомнить, где его видела, не могла — и в конце концов решила, что это и не важно. Север всё время говорит, что на самом деле мы никогда ничего не забываем

и в нужный момент вспоминаем всё, что нужно; а если не вспомнили, то либо не хотели, либо... либо что-то ещё.

Мы ведь не всегда себя до конца понимаем, правда?

Мне, например, сейчас просто хотелось всё забыть. Вообще всё. Утром взять и проснуться без памяти.

На всякий случай я связала пленнику руки — не за спиной, а впереди. Вряд ли он был бы опасен для меня и со свободными руками, но не хотелось вводить бедолагу в соблазн.

Потом я пошла к «Махмади». В грузовом ящике я всегда хранила НЗ — то, что положено было иметь в обязательном порядке плюс довольно много сверх положенного. В частности, две литровые фляги хорошего выдержанного рома. Ещё там было немного консервов, крупы, несколько ножей, сигнальные ракеты, топор и пила — в общем, то, что может понадобиться, если застрянешь вдруг на необитаемом острове. В тайге это не спасёт, но зато там нет и заботы об еде и питье...

Островов, если честно, я всегда опасалась больше. Хотя и к выживанию на островах Север готовил меня отменно.

Ладно, признаваться — так признаваться: я боялась драконов. Не рационально, не так, как положено не то чтобы бояться, но разумно опасаться этих тварей, — нет, просто я знала, что при встрече с драконом могу не выдержать и потерять над собой контроль.

И, может быть, даже убить его.

Пленник среагировал уже на запах рома: я видела, как его глаза дрогнули и задвигались под веками. А после пары глотков он даже попытался есть.

Я помогла ему, подсунула под спину чурбак, села напротив, держа заряженный арбалет в руке. И — сама отхлебнула из фляжки.

Хороший, однако, ром, двадцать четыре года выдержки...

Мне вдруг подумалось, что цена этой фляжки вполне сравнима с ценой остального моего имущества. Это было почти смешно.

— Легче? — спросила я.

Он кивнул.

— Ты кто? И откуда взялся на мою голову?

— Люсь... — он закашлялся. — Люсьен. Ак-кам. Меня зовут Люсьен Ак-кам. Это... скала Чудная?

Оп-па! Так вот почему мне показалось знакомым лицо!..

— Сын нашего драконщика?

— Почему вашего? Он был свой собственный драконщик.

— Последний год он работал на нас. Вернее, на отца.

Тут он заметил, что руки у него связаны.

— О, духи. А это ещё зачем?

— Мешает?

— Ну, если тебе так спокойнее... Ты — дочка Снегиря?

— Да, я — дочка Снегиря. И сама — Снегирь. И это действительно скала Чудная. Ты что, меня искал?

— Нет... — он снова закашлялся. Я ждала. — Я и не знал, что ты здесь. Мне нужна была именно эта скала.

— Зачем?

— Ну... Я её... как бы это сказать... покупаю.

— А-а, — сказала я. — И на хрена она тебе? Тут ничего нет. Драконы улетели...

— Я знаю, — сказал он. — Дело в том... В общем, я ищу своего отца. По всей вероятности, он пропал на Котуре. А скалу я покупаю в придачу — ну, как бы для отвода глаз...

— А ничего, если я тут пока поживу? — спросила я.

— У тебя аспирин есть? — спросил он. — Дашь аспирину — и живи, сколько хочешь.

— У меня есть аспирин, — я встала. — Только...

— Что?

— Ничего, — и повернулась, чтобы идти.

— На Котуре меня хотели убить, — бросил он мне в спину. Я не остановилась. Ничего нового он мне не сказал.

Когда я ввалился в «Зелёного дракона», там стоял нездоровый гам. Как-то сразу стало понятно, что пирога с улитками мне сегодня не съесть. И действительно, увидев меня, бармен знаком показал, что ему необходимо со мной поговорить, я зашёл в тупичок возле стойки, он тут же возник рядом и очень коротко и чётко объяснил мне, что тут про-

изошло пять минут назад. Я поблагодарил его и бросился искать Гагарина.

Если бы этот оболтус держал свой вертолёт на стоянке, как подобает солидному человеку, я бы успел его перехватить — и тогда не вся история близкого мне человечества, но очень многое пошло бы по-другому. Но вертолёт стоял, как потом выяснилось, во дворе дома, где Гагарин снимал спальный чулан...

В общем, я увидел только, как жёлтое поджарое брюшко его «КМК» с цифрой «6» проскользнуло наискось над улицей — и скрылось из виду.

Если бы я держал Собаку на стоянке, я бы нашёл Гагарина в небе и догнал. Но, улетаая с туристами, я не придумал ничего лучше, чем сдать её на хранение в почтовый ангар — это было хоть какой-то гарантией, что в машину не заберутся с хорошими целями. Учитывая, что под сиденьем спрятан «подарочек» от Денисова...

Но взять её я смогу не раньше утра.

О, духи!..

Оставалось надеяться на одно: что всё обойдётся.

Я стоял посреди улицы и бил себя кулаком в открытую ладонь (чтобы не бить по лбу, наверное), когда услышал за спиной неуверенное:

— Север?

Я оглянулся. Ко мне торопилась, чуть припрыгивая, Маша Прилепская, давняя моя коллега по «Гуманитарному», ныне закрытому за ненадобность учебному заведению в Ньёрдбурге; это было моё первое стабильное место работы после войны

и дальнейших приключений тела. Маша вела историю Конфедерации. Тогда ей было лет двадцать пять...

— Марья!.. — мне захотелось её обнять. Почему-то. У нас с ней не было никаких отношений, разве что непринуждённость. С нею рядом было легко. — Неужели ты?

— О! Узнал! Меня ещё можно узнать?

— Спрашиваешь! Ты тут живёшь, что ли?

— Да. Представь себе. А ты?

— Я — нет. Я в Дальнем. Приезжал сюда на суд...

— Ах, вот оно что... Слушай, а сейчас что ты делаешь? Вот прямо сейчас?

Я пожал плечами:

— Хотел поймать одного молодого идиота. Но не успел. Так что... боюсь, неотложные дела у меня кончились.

— Пойдём ко мне? Посмотришь, как я живу. Честное слово, я так обрадовалась... даже не знаю, с чего. Просто.

— Пойдём, — сказал я.

— Ты голодный?

— Ты даже не представляешь, как...

Марья жила с мужем и тремя пацанами-погодками в достаточно просторной, но жутко захламлённой квартире на третьем этаже большого дома на окраине. Это был дом «с выносом», в виде перевёрнутой пирамиды — второй этаж выступал над первым, а третий — над вторым. На плоской крыше был разбит садик, туда мы и поднялись чуть

позже, после знакомств и обменов приветствиями. Муж Марьи, пожилой (заметно старше меня) кореец (по имени тем не менее Виктор), намекнул, что неплохо бы *поесть* — и сам занялся готовкой. Жаровня стояла тут же...

Нашим объяснять ничего не надо, для незестбанцев же замечу, что кулинария у нас является чем-то вроде национальной идеи. Искусства у нас в основном прикладные, великой литературы как-то не замечено — опять же за исключением мемуаров, — театр существует только в крупных городах, а всё, что связано с техникой, для нас недоступно. Но на одежде и тем более на кулинарии народ оттягивается. Тем более что в одном котле под плотно закрытой крышкой у нас долго томились три кухни с богатейшими традициями: китайская, русская и немецкая. Что получилось... думаю, можно даже не описывать. Можно просто представить.

Причём, как это всегда бывает, существенные ограничения по ассортименту исходных продуктов (например, мясо у нас — практически только баранина и козлятина, очень мало свинины — и лишь последние двадцать лет крестьяне понемногу стали разводить птицу, в основном страусов) привели к изощрённейшим методам обработки и изобретению каких-то немислимых сочетаний мяса, фруктов, овощей, кореньев, трав, орехов, круп, ягод, пряностей — и, конечно же, грибов. Грибы — и завезённые в разные времена с Земли, и местные (непостижимым для биологов образом оказавшиеся идеально приспособленными для питания людей — в отличие, как ни смешно, от зем-

ных грибов, которые просто вкусны, но не слишком питательны), — входят едва ли не во все блюда, а жидкий грибной соус стоит на каждом столе рядом с солью.

Виктор решил выделиться: он обошёлся без грибов. Ягнятина, нарезанная не очень толстыми ломтями, отжатая в терпком белом вине и поджаренная над раскалёнными углями так, что образовались хрустящие корочки, а внутри ломтя мясо истекало соком, была подана с орехово-лимонным соусом, можжевельными ягодами «Фудзи» и тёртым мягким сыром с травами. Гарниром был молодой папоротник, приготовленный на пару и приправленный ароматным соевым уксусом, и столовая несладкая дыня. Запивали мы эти изыски домашним вином из красных слив...

Естественно, под разговоры.

Нет смысла пересказывать всё, о чём у нас текла беседа. О многом. Марья за те два года, что мы проработали бок о бок, наверняка узнала обо мне больше, чем я сам хотел бы кому бы то ни было рассказать, — поскольку была чутка и наблюдательна, а я ещё не совсем оправился от войны, поражения и послевоенных скитаний. Но при этом она была ещё и тактична настолько, что почти не выдавала этого своего тайного знания. А я, в свою очередь, когда понял, что она обо мне многое знает, сделал вид, что ничего не понял. А она наверняка поняла, что я понял, и тоже не подала виду. Это была такая увлекательная игра, прервавшаяся внезапно...

Потом расскажу.

Но вот сейчас мы оба как бы забыли, что притворялись простачками, и говорили откровенно. Мне нужен был союзник, ей — тоже. Не ей одной, конечно, — всей её семье. И что меня немного обрадовало, помощь моя нужна была не сию минуту, а в перспективе, хотя и довольно близкой.

Я рассказал, что мог (в общем, почти всё, не упомянув лишь того, где может скрываться Кумико), о деле Снегиря, о моих догадках и планах дальнейших действий. И о том, чем мне могут помочь Виктор и Марья. И их ребятишки.

Марья же вывалила на меня ещё одну странную проблему.

Как многие горожане, они владели на паях — на семь семейств — довольно большой плантацией на юго-западе, вблизи от большого острова Глаузер. Плантация опиралась на несколько скал и скалистых островков, очень любимых драконами. И вот эти драконы начали один за другим умирать. По совершенно непонятным причинам. Из почти полусотни вскоре остался десяток. Не так давно один из совладельцев обнаружил на скалах отравленные тушки ягнят, до которых драконы большие охотники (не в смысле добыть, а в смысле пожрать). Поняв, что дело не просто нечисто, а чрезвычайно нечисто (и рассудительно остерёгшись, поскольку тому, кто убил дракона, человека замочить — как плюнуть), он сделал вид, что ничего не заметил, поделился информацией только с Виктором и Марьей — и продолжил наблюдение, желая выявить гада и уж тогда потолковать с ним на языке ножа. Гада он не выловил, но вроде бы как рас-

смотрел — это оказался один из пайщиков, сталевар с Глаузера. Потолковать с ним не удалось, потому что на следующий день этот сталевар в буквальном смысле слова сторел на работе, — а ещё через день оставшимся пайщикам предложили продать плантацию за смешную цену... Кто предложил? Посредническая фирма из Фэньхундао, концов не найти. Было также намёками доведено до сведения, что пусть берут деньги, пока предлагают, поскольку после того, как сдохнут все драконы, скалы эти не будут стоить вообще ничего.

Что самое странное — или страшное? — так это то, что подобные случаи происходят на юге уже второй год, мы просто не слышали. Кто-то за бесценок скупает скалы и острова, травя перед этим драконов...

Возможно, так серые пытаются ограничить производство пыли и вздуть на неё цену. Или взять Конфедерацию за горло, дать почувствовать ей, насколько она зависима от нашей маленькой планеты. И тем самым вытребовать что-то большое, важное.

Но Конфедерации, похоже, на всё это плевать, поскольку на сигналы она не реагирует — ну, абсолютно.

Мы обсосали этот вопрос с разных сторон и так ни к чему и не пришли. А я заодно вспомнил, что именно мы с Марьей в своё время посчитали, что произойдёт, если Земля вдруг перестанет покупать наш продукт.

Через два месяца у нас начнётся энергетиче-

ский голод, а через полгода, когда все запасы стержней иссякнут — рухнет вся транспортная система. Мы опрокинемся в каменный век...

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

Люсьен

Что ж, в конце концов мы с Кумико нашли общий язык. Мы не были ни врагами, ни соперниками. Ей страстно хотелось во что бы то ни стало сохранить в целостности отцовское имение — не из корысти, а чести, достоинства ради, — мне же имущество это было не нужно совсем, разве что на время расследования. Я думаю, она это поняла почти сразу... а у меня в ответ созрело решение если не подарить — вряд ли она примет такой подарок, — то продать в какую-нибудь сумасшедшую рассрочку то, что досталось мне вчера, и если удастся — то, что достанется в ближайшее время. Что я теряю? Немного денег... зато приобрету такое покровительство предков, какому позавидуют и настоящие шаманы...

Путь домой я не помню. Просто не помню.

Шериф выслушал рассказ про мою схватку с неизвестными, покачал головой и сказал, что ничего не может сделать, земли формально всё ещё ничейные, а значит, нормы закона о собственности на них не распространяются. Возможно, злоумышленники вообще не имели в виду ничего плохого...

Не оставалось ничего иного, как согласиться.

Оформление бумаг заняло почти шесть часов. Только потом мне удалось немного поспать.

Как всегда после приступа, голова была тупая и тяжёлая. Сон не освежил, наоборот, вогнал в уныние. Как обычно, что-то снилось — трусливое, глупое и подлое, — но забылось сразу же по пробуждении. Только пальцы ещё дрожали какое-то время...

Мелочь, которая меня чуть не привела в ярость: одежда и бельё, накануне отданные в стирку, не высохли — из-за ливня и сырости. Пришлось после ванны натягивать на себя всё грязное, заскорузлое от пота, да ещё блуза порвана в двух местах... Но что делать, пришлось идти так — благо, сегодня в баре было не протолкнуться от усталых парней, и никто не обращал внимания на мелочи.

Ячменного у них уже не было, на такой наплыв посетителей бар оказался не рассчитан, мне налили ржаного сразу на четыре пальца и отодвинули в сторону: не мешай. И мне ничего не оставалось, как хлебать маленькими глотками абсолютно безвкусное (как всегда после приступов) пойло, прислушиваться к разговорам за спиной — и думать, во что же это я влезаю, если все сигналы тревоги во мне светятся, все сирены воют и все сторожа вопят: не ходи туда, там грабли!..

Потом рядом оказался смутно знакомый парень. Очень запоминающейся внешности — половина головы тёмная, половина светлая, — и то ли он мне этой головой кого-то напоминал, то ли кто-то про него рассказывал...

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Гагарин.

— Странное имя... впрочем, чего только не бывает... — не знаю, то ли подумалось, то ли сказалось вслух. — Люсьен.

— Очень приятно. Слушайте, сегодня был трудный день... Можно, я буду невежлив?

Замечательно. А почему не сразу ножом?

— Попробуйте.

— Я знаю, что вы покупаете бывшие владения Снегиря...

Это называется тайна сделки. Интересно, об этом знает больше половины города или меньше? Наверное, всё-таки больше. Окружающие старательно делали вид, что не прислушиваются.

— Да ну? И что?

— Я прошу вас отказаться от этой покупки.

— Почему?

— По многим причинам. Во-первых, сама эта распродажа...

— Я всё знаю. Да, она на грани законности. И совершенно бессовестна. Но ведь вас не это волнует?

— Нет, не это. Но я...

— Ладно, Гагарин. Не будем сотрясать воздух. Моё конечное слово — «нет».

— Вы даже не выслушали...

Кажется, он был расстроен. И, кажется, не тем, что из рук уплывает выгодная сделка. Такие глаза бывают только у человека, идущего на всё что угодно по зову чести. Или любви, подумалось мне. Кумико ничего не говорила о своих воздыхателях — но трудно представить себе, чтобы их у неё не оказалось. Может быть, в других обстоятельст-

вах мне бы хватило такта посочувствовать парню... но не сегодня. После приступа развивается беспощадность.

— Потому что всё равно вы не сумеете меня переубедить. Может быть, вчера ещё нашлись бы доводы. Сегодня — нет. Я обещал... одному человеку.

— Жаль, — сказал он. Взболтал в кружке глинтвейн и выплеснул мне в лицо.

Глинтвейн был тёплый и липкий. Ломтик лимона прилип к щеке и пополз вниз.

Дурак. Боже мой, какой дурак. Как он всё осложнил...

— Куда мне прислать секундантов? — голос не подвёл.

— Без секундантов, — сказал он. — Морталь.

— Тогда я выбираю оружие.

— Разумеется.

— На вертолётах. Остров Котур. Около Стены.

Он поблел. Наверное, ждал чего-то попроще.

— Хорошо. Завтра в полдень.

Завтра в полдень мне надо внести последний платёж и получить все бумаги. Именно в полдень, не позже.

— Нет. — Думаю, у меня получилось усмехнуться. — Летим сейчас. Начнём ровно в полночь. У вас есть незаконченные дела?

Мне выделили диван в маленькой уютной гостиной комнате. Стены были завешаны вышитыми китайскими коврами, в углу, чуть слышно пощёлкивая анкером, висели старинные бамбуковые часы

с длинным маятником. Было чуть-чуть за полночь. Спать хотелось чудовищно. Я уже не так молод, чтобы без следа переносить всяческие воздушные приключения...

Я всё-таки просмотрел планшет. В свете того, что рассказали Марья и Виктор, следовало бы поновому взглянуть на текущие сообщения Кадастрового департамента и Нотариата, но это я сегодня не потяну. Поэтому я лишь бегло пролистал бюллетени за два последних дня, настраивая себя на то, чтобы прокрутить их во сне — и, может быть, что-то понять. Иногда такой фокус у меня получается.

А потом мне пришла в голову очень простая, в сущности, мысль. Поскольку планшеты — это единственное средство связи, которое нам земляки от щедрот и доброты оставили, то не является ли вся эта возня вокруг небольших плантаций, островков и скал лишь средством передавать через всепланетную сеть какие-то шифрованные сообщения, к землевладению отношения не имеющие?

Раньше связь через планшеты была универсальной. Ретранслятор на Башне и пара стационарных спутников обеспечивали нас и переговорами, и видеокартинками, и любой деловой информацией, и ещё много чем. Ну и, естественно, можно было подать сигнал бедствия; впрочем, эта функция — хоть и в урезанном виде — сохранилась и сейчас, ведь каждый раз, запуская планшет, мы подаём в КД сигнал: «Я жив». Если сигнал не подаётся пять дней, КД сообщает об этом шерифу, если тридцать — владелец планшета считается условно умершим, и наследники вступают в свои права. «Оживший» — а таких немало — может

восстановить свои права, но через суд. Незадолго до последней войны передача информации через планшеты стала цензурироваться, а после войны связь как таковую практически отключили, оставив только односторонний сброс потребителям кадастровой и юридической информации; мы же с планшетов имели возможность связаться опять же только с Нотариатом и КД, чтобы оформить те или иные сделки — и назначить наследников. Владение собственностью на Эстебана — это своего рода спорт, азартный и зачастую опасный. Многие в Кодексе осталось ещё со времён первопоселения: так, например, можно приобрести никому не принадлежащую землю простейшим способом — воткнув в неё лопату и сообщив об этом в КД. А чтобы обезопасить себя от тех, кто немного опоздал воткнуть лопату, а потому хотел бы воткнуть в тебя нож, тут же пишется и отправляется в Нотариат список наследников — из тех соображений, что злодеям придётся по очереди перерезать и их всех, — что непременно займёт какое-то время.

Конечно, сейчас это, во-первых, дань традициям, а не рациональное деяние, имеющее практический смысл, а во-вторых, есть такое поверье, что назначить своих наследников — это вступить в мистическую связь со своими умершими предками.

А с предками у нас отношения серьёзные. И не очень простые. Ну, вы в курсе...

Семь лет назад я просидел полтора месяца в библиотеке КД, изучая (и запоминая, разумеется) журналы приобретений и продаж — от текущих лет и буквально до начала времён. Некоторые истории были весьма причудливы...

Так вот, если серые настроились на что-то большое и протяжённое и во времени, и в пространстве, то им нужна быстрая связь. А именно — через планшеты, поскольку другой нет и быть не может. То есть те или иные сделки, цепочки и комбинации сделок, списки наследников могут быть на самом деле зашифрованными сообщениями. Понятно, да? И если так, то не надо искать смысл в самих сделках, они-то могут быть самыми дикими...

Не могу сказать, что сон с меня слетел. Хрен. Я лишь заставил себя ещё раз повторить всё, что мне пришло в голову, и сложил планшет.

Почти сложил.

В последних строчках последнего бюллетеня Нотариата я увидел своё имя.

Гагарин назначал меня наследником его движимого имущества и денежных средств в размере четырёх тысяч шестисот шестидесяти марок, которые мне надлежит получить на почте...

Бред. У него не могло быть таких денег. Если он, конечно...

Я не стал додумывать. Не нужно ничего додумывать, пока есть, у кого спросить.

Потом я уснул, поставив внутренний будильник на семь утра.

Гагарин

Дуэль на вертолётах почти всегда заканчивается смертью или увечьями обоих дуэлянтов — за исключением тех случаев, когда один из пилотов на порядок сильнее другого. В теории всё просто: к

шасси привязывается пятиметровый тросик с гирей, и надо этим тросиком запутать ротор противника или просто сломать лопасти. Реально — сделать это чрезвычайно трудно, особенно ночью... особенно рядом со Стеной...

А я ведь не такой уж сильный лётчик. Не было ни времени, ни денег учиться пилотажу — просто мотался туда-сюда. По горизонтали — сколько угодно. И ещё лучше — прямо.

Ладно, не будем прибедняться. Не будем себя жалеть. В конце концов, я сам всё затеял.

Меня немного успокаивало то, что Люсьен, похоже, хватил лишнего: по пути на Котур я несколько раз видел, как его вертолёт начинает вилять хвостом, покачиваться и рыскать. Один раз, когда он резко пошёл на снижение, я даже подумал, что дуэль не состоится. Но он выровнялся, поднялся повыше — и дальше шёл нормально.

У меня же вдруг наступило такое остекленение, я сделался бесчувственным сам и, полагаю, холодным, гладким, скользким и бесчувственным же — весь окружающий мир. Такова моя реакция на опасность, Север когда-то вытащил всё это из меня, заставил потрогать, разглядеть, понять — и научил использовать. В результате я всегда в опасных ситуациях чудовищно спокоен и даже, говорят, чуточку медлителен.

Мне не нравилось только то, что это боевое состояние началось так рано. На самую схватку могло и не хватить...

Летел я вслед за Люсьеном, ориентируясь на

его бортовые огни. Делал я это почти автоматически, сам же разрабатывал тактику боя.

«Нубис», на котором летал Люсьен, делал мой «КМК» по всем параметрам, кроме горизонтальной манёвренности. Просто «КМК» почти в три раза легче, и потому резко погасить скорость и тут же дать полный назад (ну, или снова разогнаться, или рвануть в сторону) он может чуть побыстрее, чем почти полутонный «Нубис». Но у того и моторы помощнее, и управление попроработаннее... В общем, мне нужно было не дать ему сразу меня зажать сверху — а самому заманивать его поближе к Стене...

Да, и ещё: у меня очень хорошее ночное зрение. Если он меня не ослепит сразу фарами, это тоже будет моё — пусть и незначительное — преимущество. Чтобы это преимущество не растерять, я не снимал чёрные очки. Дело в том, что вблизи Стены освещение крайне обманчивое, я бы даже сказал, предательское, и нужно долго вглядываться в предмет, чтобы понять, насколько он далеко от тебя — или близко.

Наверное, поэтому драконы и не живут там, где проходит Стена.

Мы прилетели на Котур, сели неподалёку от тёмного заброшенного дома. Молча проверили боевые тросики друг у друга — чтобы не были по длине больше, чем положено, — а потом и у себя — чтобы противник не прицепил их намертво, иначе ты одолеешь врага, но и самого тебя затянет в ротор и порубит лопастями на мелкие части.

Дул довольно сильный ветер, с чистого неба сыпал мелкий редкий дождь. Над травой стелился обильный пар, съедающий ноги до колен. При свете фар казалось, что идёшь в холодном огне.

Мы закончили осмотр, разошлись по машинам, взлетели. Люсьен показал рукой — «ты направо, я налево». Возражать не было смысла.

Видимость была только вверх. Башня отсюда и сейчас, в зеленоватой тьме, казалась совсем близкой, яркой, чёткой. Лишь основание её расплывалось в дымке. И очень ярко светилось Кольцо. Луна же была всего одна, Пепита, и в таигу сегодня лучше не попадать...

Вдруг из темноты на меня прыгнула Стена.

В ясную погоду Стена почти прозрачна. Когда же на неё попадают даже мелкие водяные капли, она начинает светиться. Каждая капля, ударяясь, высекает точечную голубую вспышку. А потом эти капли скользят вниз, сливаются, получается такая водяная плёнка, в которой свет дрожит и преломляется. На это красиво смотреть...

Вообще землянки делают много красивых вещей. Но сами они при этом редкие сволочи.

...Итак, я ушёл вдоль Стены направо, заложил вираж, развернулся. Где этот гад?

Нет гада.

Я коротко посветил вниз, земля показалась тут же — то есть за пределы острова я не выскочил. Хорошо.

Стена мерцала совсем рядом, исполинская плоская светящаяся панель. Когда летишь рядом и смотришь вдоль неё, кажется, что свет очень яр-

кий. Туман, налетающий на Стену и клубящийся, и растекающийся подобно тому, как клубится и растекается в комнате дым очага, — тоже светится этим нервным голубоватым светом. Свет омывает тебя... и здесь, вблизи Стены, почти исчезает звук. Поле как-то воздействует на воздух, ухудшается прохождение колебаний. Первые разы, когда я летал поблизости от Стены (по-моему, сразу после школы), это меня здорово напугало: непонятно было, работает ли мотор. И в порядке ли ты сам.

Но теперь у меня есть моё остекление. Ничего не чувствуя, я летел вперёд, держась от Стены метрах, может быть, в ста — и понемногу набирая высоту.

«Нубис» вынырнул из прозрачного светящегося тумана совсем рядом со мной, и я понял, что его окраска — под полированный металл — в этих условиях служит прекрасной маскировкой. Наверное, Люсьен это знал и потому настоял на ночном бое. Но и меня он, похоже, всё-таки не заметил — проскочил на встречных курсах несколько дальше от Стены и метров на пять ниже меня.

И тут же резко пошёл вверх.

Мне было не тягаться с ним на вертикальных скоростях, я развернулся на пятке и боком сдвинулся к Стене почти вплотную; казалось, от неё идёт потрескивание. Если оказаться ещё ближе, по ушам даст тяжёлым инфразвуковым рыком, вчистую срывающим крышу. Если Люсьен атакует меня, я увернусь, а он проскочит чуть дальше... ну, будем считать, что кому-то не повезло.

Но он это знал, он знал...

«Нубис» свалился на меня почти вертикально сверху; лишь каким-то шестым чувством я его почувял, резко задрал нос и буквально отпрыгнул назад, а потом тут же качнул машину вперёд, одновременно разворачивая её на триста шестьдесят — чтобы увидеть и вцепиться. Но не увидел, он буквально растворился в сиянии внизу, и только тут я сообразил, что так и летаю в тёмных очках.

Я их сорвал. Всё полыхнуло вокруг меня. На краю поля зрения возник и пропал светящийся круг — «Нубис» снова набирал высоту. Я сдвинулся к Стене — пока не зашумело в ушах — и спустился вниз. Немного, метров на пятьдесят. Рассчитывая на то, что Люсьен этого не заметит.

Он атаковал меня — и промахнулся, теперь я ушёл не назад, а вбок. Уже не теряя его из виду.

Я опустил ещё немного и встал хвостом к Стене, пританцовывая вправо-влево. Он опять зашёл сверху, помедлил — видимо, почувствовал, что я обрёл уверенность, а следовательно, он эту уверенность утратил. Не всю, конечно. Часть. Но что-то ко мне перетекло — это уж точно.

Я ждал, и он ждал, потом двинулся на меня широким разворотом, наращивая скорость в снижении, в последний момент чуть поджал машину вниз, и я, надо сказать, чудом увернулся от удара, даже не совсем увернулся, лопасти мои скользнули по гире, потом я видел отметины. Но в тот момент я не ощутил даже толчка, только услышал звук — короткий гулкий свист.

И всё повторилось: я занял позицию спиной к Стене, он произвёл разворот и снова приготовил-

ся ударить сверху. Я надеялся, что ему не придёт в голову посмотреть на приборы или направить на землю луч фары.

Потому что до земли было метров двадцать...

Люсьен

Не надо было вестись на провокацию, не надо было отвечать на вызов... но как? Не представляю...

А теперь — всё было плохо.

Мне удалось пару раз очень плотно промазать по нему — в надежде, что испугается, занервничает, сдастся. В конце концов, из-за чего дерёмся? Непонятно, глупо, по-детски. Но этот идиот намёков не понимал.

Меня вдруг захлестнуло... не то чтобы яростью, но вот тем гнусным раздражением, в состоянии которого творятся стыдные вещи. Хотелось закричать: «Да сдохни ты, гнида, надоел, не могу больше!..»

Впрочем, что кричать: всё равно не слышно, рядом со Стеной воздух делается как войлок. И лежишь как во сне. Наверное, поэтому дуэли обычно и устраиваются здесь... чтобы — как во сне...

Гагарин снова был внизу, припёртый к Стене, насторожённый, готовый к броску.

Ну, на — лови...

Гагарин

Я каким-то спинным, копчиковым чутьём понял, что это будет последний заход: или он разобьётся, или я, или оба вместе... или разлетимся

каждый в свою сторону и постараемся забыть обо всём.

И тут...

В общем, я слишком отпятился, потому что в ушах зашумело — это был ещё не сам рёв, но предвестие сокрушительного рёва, и у меня вдруг ослабли руки, плечи, я на грани паники толкнул вперёд и вправо ручку и подал до упора правую педаль, уходя под пикирующий «Нубис»...

Я забыл, что земля совсем близко. Просто забыл. Оказывается, инфразвукового рёва я боялся куда больше, чем Люсьена с его мощной машиной. Это я понял только тогда, в единый миг — и страх, о котором я и не подозревал, что он есть во мне, — он вдруг сковал меня... и уже ничего нельзя было изменить.

Само падение получилось как раз совсем не страшным: я врезался в густые переплетённые ветви ложного стланца, над головой хлопнуло — это отстрелились лопасти ротора — кабина (какая кабина! Вся кабина — это кресло, приборный щиток и прозрачный козырёк от ветра) несколько раз кувыркнулась, подпрыгивая, и замерла. Как ни смешно, но я ничего себе не сломал. Только руки никак не хотели слушаться, и я довольно долго проковырялся с пряжками ремней.

Из пробитого бака текла вода. Я плеснул в лицо, распрямился. Ничего не болело, но ощущение было такое, будто я провёл суток трое, не меньше, привязанным к креслу. Мышцы закаменели, суставы забыли, что должны гнуться.

В кармане спинки кресла был аварийный запас:

тяжёлый универсальный нож, топор, фонарь. Я выволок всё и куда-то пошёл. Кроны смыкались над самой головой, но подпрыгнуть, чтобы узнать направление, я не мог никак. Здесь, под кронами, даже не было ветра.

В зарослях ложного стланца можно скрываться годами, и тебя не найдут. Нет, земляки, конечно, найдут, у них уйма всяких приборов, а наши — что серые, что синие — никак. Я точно знаю: Север вот так вот скрывался очень долго. Сначала в тайге, потом на островах. Кому-то во время войны он, похоже, отчаянно насолил, и его долго пытались найти и убить.

Я пошёл наугад. Вернее, я пошёл в ту сторону, где мне мерещился небольшой уклон. Все более или менее обширные острова имеют чуть проседающую середину и чуть выступающие края. Поэтому на многих существуют озёрца или болотца. Если вы спросите меня, какого духа я вообще куда-то пошёл, я не отвечу. Потому что не знаю. Вернее, прекрасно знаю, что в случае катастрофы, аварии лучше всего сидеть на месте, много больше шансов, что найдут. Но я зачем-то пошёл. По направлению к центру острова. Из расчёта, что там более каменистая почва и стланец не сплошной, а значит, можно увидеть Башню, сориентироваться... Где-то так.

Я шёл, и кто-то мне в голове занудливо прокручивал теорию образования наших островов: что-де раньше это были именно острова, окружённые водой, океаном, весь Эстебан был покрыт океаном, а потом случилась какая-то катастрофа, и

почти всю открытую воду с планеты выбросило в космос, теперь она образует Кольцо, на которое мы так любим смотреть по ночам и которое даёт нам так много рассеянного света и тем самым смягчает климат и всё такое. Кое-кто из университетских считает, что без Кольца жизнь на Эстебано была бы просто невыносима, так что, возможно, над планетой нашей поработали какие-то космические инженеры, поработали и смылись, и никто не знает, куда. А другие говорят, что мимо нас прошла маленькая, но очень массивная блуждающая звезда, она-то и сдёрнула с планеты большую часть воды и атмосферы... Я должен честно признаться, что мне всё равно. Как любит говорить сестрёнка: пнём по сове или совой по пню...

Но я шёл и тщательно — и как-то очень громко, на повышенных тонах — обо всём этом думал, и не мог остановиться.

И вдруг почувствовал запах дыма.

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Док Моруальд, во времена далёкие наставлявший нас в грубых и жестоких тонкостях военно-полевой медицины (если вам это что-то скажет, то медицины уровня Первой Крымской войны), был специалистом очень широкого профиля; уже в мирное время я консультировался у него, всё, что он говорил, запомнил — и даже многое понял. Например, он разъяснил феномен моей бессонницы,

мне ведь казалось, что я сплю в лучшем случае часа по полтора в сутки, а остальное время лежу, тупо пялясь в потолок. Ничего подобного, док моментально доказал (простейшими способами), что сплю я часа по четыре, а то и по пять — просто мне навязчиво снится один и тот же сон: что я лежу, весь вымотанный и обессилевший, и тупо пялюсь в потолок. И когда я это понял и сразу поверил, то тут же стал и высыпаться, и почувствовал себя лучше, и силы откуда-то пришли...

Потом эта дрянь вообще рассосалась. Сегодня вот — вернулась. Но я уже всё понял: я именно видел во сне, что не сплю. Ну, научился я некоторым вещам: скажем, обращать внимание на то, что детали некоторые обстановки, или вида за окном, или чего-то ещё — не соответствуют тому, что я запомнил, ложась; а запоминать всё это выработалась такая давняя, долговременная и полезная привычка. Так что я вполне осознанно смотрел сон, в котором не спал, а просто лежал то с закрытыми, то с открытыми глазами, подходил к окну, потом вообще вышел на балкон... В этом сне я ещё несколько раз прокачал всё, что мне было известно по нескольким переплетающимся делам, разложил свои действия на те, которые следовало проинформировать немедленно, и те, которые можно отложить, прикинул маршруты поездок, прикинул опять же, кому можно дать поручения или кого можно нанять, чтобы отработали тот или иной черновой материал... в общем, сделал то, на что в состоянии нормального бодрствования у меня никогда не хватает полной и этакой размашистой без-

рассудной решимости. Как только возникают несколько взаимозависимых дел, которые можно делать либо в таком порядке, либо в таком, либо вообще в обратном — у меня срабатывает «буриданов комплекс», и я не то чтобы впадаю в ступор, но вдруг теряюсь, перестаю понимать критерии, выбираю последовательность действий судорожно и наугад — и поэтому довольно часто ошибаюсь... и как всё тот же док Моруальд объяснил мне когда-то, вся моя неколебимая уверенность в себе — это всего лишь непреодолимое стремление преодолеть непреодолимый же «страх совершить ошибку», паралипофобию или авлептифобию...

Столько слов.

А можно было написать: «Я проснулся и отчётливо понял, что именно мне нужно сделать сейчас, а что — отложить на завтра...»

Но это было бы не совсем верно. Если для простоты — то да. Но мне почему-то хочется точности. Которой никогда не добиться...

Гагарин

На запах дыма у меня всё-таки что-то сработало внутри, и я хотя бы перестал ломать сухие ветки, а то ломился, как каменный буйвол во время гона, прокладывая собой широкую просеку... Организм стонал, что надо отдышаться, что надо содрать с глаз, со лба какую-то почти прозрачную, но очень мешающую плёнку. Я поскрёб ногтями лицо — и пошёл, теперь уже неслышно ступая, в сторону

дыма и почти сразу же увидел на изнанках крон жёлтые отблески огня.

И вдруг я оказался там, совсем рядом с костром. Над огнём дымился котелок. В моей руке был зажат топор, а нож я аккуратно, чтобы не разрезать ненароком чего нужного, засунул за голенище ботинка. По ту сторону костра — и поэтому почти невидимый — стоял, покосившись, «Нубис». Рядом с ним возились, невнятно ворча.

Через несколько минут за костром возникли двое серых: бритоголовые, голые по пояс, в характерных кожаных штанах с высокими, под рёбра, поясами. Рассмотреть тату возможности не было, да эти тонкости меня сейчас могли интересовать в десятую очередь...

Один бросил к костру загремевший металлом мешок — и помог другому снять с плеча Люсьена. Они довольно аккуратно опустили моего противника на землю и сели рядом. Один стал помешивать варево, другой потянулся к мешку, раскрыл его, вытащил две какие-то железяки, сцепил их концами, с клацаньем провернул... Это оказалось ружьё. Он прижал его к плечу и прицелился в меня. Я обмер. Потом он направил ствол в небо. Потом положил ружьё себе на колени.

— Слыш, Люх, — сказал он. — А не тот ли это пацан, который вчера тут был? Помнишь, Дига с Киселём рассказывали? Из такой же штуки пулял...

— Это не пацан, — сказал второй.

— А кто?

— Девка.

— Врёшь!

— Хы.

— Так, может, это... пока никого нет?

— Мало тебе девок в доке? Неизвестно ещё, кто она. Потом не отмажемся.

— Так давай посмотрим.

— Сам смотри. А то лучше не тронь. Не зря она тут крутится. Вони не оберёшься. Сейчас вон каша поспеет.

— Вони бояться... ну, ты меня понял. Гороху не есть...

Серый положил ружьё на землю, перевернулся на четвереньки, обошёл на четвереньках кашевара и присел над Люсьеном. Или, это что получается, — Люсьеной?.. Он был раза в три больше неё. Протянул лапу, стал расстёгивать и сдирать верхнюю рубаху. Потом перевернул Люсьену лицом вниз, задрал полу рубахи до головы и склонился, вглядываясь в знаки. Поза его выражала повышенный интерес.

— Ну? — не оборачиваясь, спросил кашевар.

Не дождавшись ответа, обернулся.

Я вроде бы не отрывал взгляда от сцены, но ничего не смог увидеть. Люсьена как лежала, так и лежала, а серый так и продолжал над ней нависать, опираясь на руку и во что-то всматриваясь. Потом он сделал странное движение, как будто хотел опорной рукой оттолкнуться от земли и ею же что-то схватить, но у него ничего не получилось, он только стал медленно заваливаться на бок, лёг, громко всхлипнул — и засучил ногами.

Кашевар вскочил. В руках у него были мачете и

пылающая головня. Поскольку последние несколько минут он смотрел в костёр, то был сейчас практически слеп. Выставив перед собой оружие, он всем корпусом разворачивался вправо-влево, чтобы вслепую отразить удар.

Ко мне он стоял почти спиной.

Наверное, Люсьена всё-таки шевельнулась. Не выдержала.

— Ты, ссука... — он шагнул к ней и опустил головню.

Я плохо метаю топоры. То есть я ими всегда попадаю в цель, но далеко не всегда — лезвием. Вот и сейчас топор мой ударил серого в затылок, но не вонзился, а отлетел. Впрочем, сам удар был хорош — серый сунулся на колени, обхватил голову...

В два прыжка я оказался рядом, ткнул его ножом под лопатку, отскочил. Серый лёг рядом со вторым, лёг валетом, головой к ногам напарника. Сначала он изогнулся, пытаясь достать застрявший под лопаткой нож, потом мелко задёргался — и вытянулся.

Я стоял, весь вдруг опустевший, не зная, что дальше делать, когда в горло толкнулся снизу мерзкий сладковатый комок, я еле успел отвернуться — меня вырвало в самый костёр. Потом ещё и ещё — до горечи.

— На, глотни, — сказал кто-то.

Я глотнул. Большой глоток. Наверное, неочищенного ячменного спирта.

— Спасибо... — прокашлялся.

— Тебе спасибо.

Это был Люсьен. Тьфу... это была Люсьена.

Даже странно, что её можно было так долго принимать за парня...

80

— Куда теперь? — спросила Марья. Она встала даже раньше меня — приготовить завтрак.

— Сначала в суд. Потом мне надо будет найти одного человека, — сказал я. — Потом надо будет с ним встретиться. Сколько эти поиски и встречи займут времени — не представляю. Может, день, может, неделю. Ты же пока делай то, что я советовал...

А посоветовал я Марье немедленно — вот прямо сегодня — собрать пайщиков, всем кооперативом войти в новую правительственную программу по разведению овец — благо, размеры острова позволяют держать там приличную отару, — и под предлогом создания «животноводческой инфраструктуры» заложить в серьёзном банке саму плантацию. Так, во-первых, будет зафиксирована нынешняя стоимость плантации, во-вторых, злоумышленникам в случае чего придётся иметь дело с агентами банка, а эти люди не чета простым кооператорам. Я буду рядом по юридической части — и постараюсь не допустить, чтобы Марью и её товарищей облапошил теперь уже банк. То есть какие-то издержки могут случиться, но до потери всей собственности дело не дойдёт. Вряд ли и серые станут в такой ситуации упираться — скорее всего, пойдут искать добычу попроще...

Насильственно уложив в себя плотный — уж Марья расстаралась — завтрак (не было уверенности, что смогу заправиться в течение дня; обычно же я по утрам почти не ем; но и голод, даже самый короткий, по понятным причинам переношу плохо), я отправился на почту — как на службу, будь она неладна, такая служба...

ГАГАРИН

Не могу сказать, что прежняя жизнь меня чем-то не устраивала. Я сам её сделал такой, какой она была, а значит, должен радоваться. Я и радовался. Но вот пришёл момент, когда надо всё менять, выстраивать заново — и не могу сказать, что я при этом испытывал грусть, сожаление или что-то подобное. Нет, всё внутри было как отшибленное или замороженное. Хотя боевое моё остекление прошло (самым позорным образом, уж извините), и по старому опыту можно было ожидать длительной прострации. Не-а. Я был собран и деловит.

То же самое можно сказать и о Лю. Как будто ей уже десять раз приходилось замечать за собой...

Исходили мы из того, что скрыть от серых наше нахождение этой ночью на Котуре не удастся — слишком много свидетелей ссоры, вызова, треньбрень. Мой «КМК» разломанный — найдут, думаю, в первый же день. Так что если мы даже до утра наладим «Нубис» и улетим, то отыщут нас скоро — и, в общем, везде. Нужна серьёзная фора. Нужно направить серых по ложному следу.

И заставить поверить, что нас уже нет. То есть совсем нет.

★

Дирижаблик-купе — новенький «Вирзинг-400» — был припаркован у обрыва и прикрыт сверху маскировочной сеткой, и нашли мы его лишь потому, что туда вела протоптанная дорожка. Я подогнал его к месту схватки, прижал к земле и долго ждал, пока Лю не прихватит швартовочный конец к подходящему дереву. Хорошо, что ветер почти стих...

Того бандита, которого убил я, мы забросили в гондолу, предварительно вынув из раны мой нож и аккуратно воткнув туда его собственный. Нож серого был той же классической формы, только с дорогой резной рукояткой. Мало шансов, что этот труп найдут, но если найдут, то пусть поломают голову. Мне же был просто нужен мой собственный нож. Без ножа, понимаете ли, трудновато...

Второго убитого мы оставили на месте, только потоптались вокруг, поломали кусты, опрокинули котелок в костёр — да ещё Лю сняла трусы и отбросила их немного в сторону, создав этакий завершающий общую картину мазок. Я же вернулся в гондолу, стравил часть гелия из баллона постоянного объёма, оборвал провода, ведущие от пульта управления к клапанам и насосам, и настроил реактор на максимальную подачу водорода в эластичные объёмы — передний и задний. То есть уже минут через десять дирижабль начнёт подниматься, набирать высоту — и не прекратит этого делать, поскольку клапаны не сработают, а отключить реактор будет некому. На высоте от холода эластик лопнет, и дирижабль где-нибудь упадёт. В десятках или сотнях километров отсюда. Скорее

всего, в тайге. Происшествие будет выглядеть достаточно естественно — и в меру загадочно...

Всё. Я запустил винты, выставил рули на пологий подъём — и спрыгнул как раз вовремя, потому что деревце начало трещать корнями. Лю взмахнула ножом. Дирижабль буквально рванулся вперёд и вверх; он летел сейчас почти точно на восток — как раз туда, где вчера прошёл шторм и где подобных бедолаг упокоилось немало...

— Ну, что дальше? — спросил я как-то слишком бодро. — Пойдём чинить твоё помело?

— Не уверена, — сказала Лю. — На вот, посмотри, что я нашла...

Бумага. Я развернул. И без фонаря было видно, что это карта Котура. Большая, подробная, нарисованная от руки. С тремя крестиками. Нормальная пиратская карта. Как раз то, чего мне так не доставало всё это время!..

Но мы не подрались. Не знаю, почему. Более того, Лю как-то сумела, причём буквально в пяти словах, убедить меня, что надо пока вообще не трогать вертолёт — и скрываться на острове. Я не помню, как это у неё получилось, и сколько мы потом этот момент ни вспоминали, так и не вспомнили деталей. И ещё более: она не могла сказать, отчего приняла именно это решение. Решение, похоже, принялось само. Посредством Лю. Я сейчас подозреваю, что на самом деле Лю была попросту не в состоянии покинуть этот остров, который так искала и на который так рвалась, и её изощёрённый ум подсказал ей веские аргументы, чтобы остаться.

А может, и у неё был тот же шок, что и у меня.

В таком состоянии иногда принимаешь настолько гениальные решения, что и не знаешь потом, что о себе думать.

Колотить меня начало уже под утро, когда показалось: мы ползаем, как два червячка под огромной лупой. Но тут обнаружился вход в пещеры...

В пещере начало колотить и Лю.

81

Я зашёл в «Дракон». Там мне сказали, что не вернулись ни Гагарин, ни Люсьен...

Отношения серых и синих на Эстебане мифологизированы до крайности. Сейчас я попробую с этими мифами разобраться.

Миф первый: вся жизнь на планете регулируется серыми.

Моё мнение: они даже сами так не думают. Но старательно убеждают в этом всех. Потому что это — тоже способ оказывать влияние. Может быть, самый действенный.

Миф второй: население ненавидит и презирает синих.

Моё мнение: оно больше притворяется. Это такая безопасная фронда. А вообще-то население активно «стучит», что лично меня никак не радует.

Миф третий: серые и синие представляют собой замкнутые системы, перейти из одной в другую невозможно.

Миф четвёртый, противоположный: серые и си-

ние — в сущности, одно и то же, а их противостояние — просто видимость.

Моё мнение: истина где-то между. Я знаю и посиневших серых, и полинявших синих. Если ты соблюл некий неписанный кодекс поведения, если ты «честный вор» или «честный поц», то при определённом стечении обстоятельств можешь перейти из одной страты в другую. Вот только эти критерии «честности» лично для меня непостижимы. Там нюансы какие-то — настолько тонкие, что я их своим грубым глазом рассмотреть не могу. А главное — я не вижу ни малейшей практической ценности в некоторых пунктах этих кодексов. Похоже, что это вроде мини-ритуалов: не носить чёрное и белое, не наступать на трещины в облицовке тротуаров, не говорить слова «последний» — и так далее.

Миф пятый: от серых не скрыться, и они не прощают обид.

Моё мнение: так думают только самые тупые и самые запуганные обыватели. Скрыться можно, а обиды серые если и не прощают, то забывают о них очень скоро. Делать им больше нечего — по долгу обижаться.

Миф шестой: серые всегда щедро благодарят за помощь.

Моё мнение: брехня. Серые обычно скупы до скаредности. Зато единичные случаи проявления ими щедрости помнятся потом десятилетиями.

Миф седьмой: серые справедливы.

Моё мнение: тогда, когда им это выгодно.

Миф восьмой: серый серому глаза не выключет.

★

Моё мнение: так думают только те, кто не различает оттенков серого. Неосторожный серый может стать чужим просто мгновенно, сам не успеет понять, что он уже чужой и почему ему вдруг так плохо.

Миф девятый: серые составляли костяк сопротивления во время последней войны.

Моё мнение: нет. После войны многие из наших ушли в серые, это верно, но вот пока стреляли, молодёжь к нам из кланов уходила неохотно — да и не отпускали их. Я знаю, что пришлось преодолеть, скажем, Армену. И ещё: если снабжение операции зависело от серых, то чаще всего операция проваливалась. А когда мы уже почти захватили Ньёрдбург и остров Майский просто сам валился нам в руки — а с ним и единственный тогда действующий (остальные запечатали наглухо) проход за Стену, то есть мы брали земляков за самое нежное место, — тогда, я уверен, нас просто предали. Именно Ньёрдбургский клан. Доказать я этого не могу, но и не сомневаюсь ни минуты.

Миф десятый: на Эстебане невозможно прожить, не подставляясь под серых или под синих.

Моё мнение: наверное, пять шестых населения Эстебана ни разу в жизни не сталкивается ни с теми, ни с другими. Ну, может быть, с синими — там, выправить бумаги, разобрать мелкий спор соседей, — с этими почаще. Что серые, что синие концентрируются поближе к Стене, особенно к шлюзам, их интересуют большие приёмные пункты сырца, порты, просто крупные города. С удалени-

ем от Стены их численность падает с квадратом расстояния.

Миф одиннадцатый... Или хватит?

Всё это к чему? К тому, что аксиом нет. Нет у нас аксиом, и хоть ты тресни.

Притом, что убить могут за неверно сказанное слово.

...Я сидел на почте, отправлял телеграммы, получал телеграммы, пытался дозвониться, а в голову лезло, и лезло, и лезло.

Наконец пришёл нужный ответ. Я встал (ещё даже не начав проклинать судьбу), расплатился и вышел. Вернее, почти вышел. Телеграфист окликнул меня:

— Господин стряпчий! Тут вас депеша дожидается! Ещё с той недели!

Я разорвал казённую пломбу, развернул депешу. Это была электрофототелеграмма, присланная мне судебным департаментом города Цаньян. Им в том числе я накануне суда высылал запрос о моих якобы свидетелях защиты, братьях Денисовых. Департамент прислал уведомление, что очень похожий на одного из свидетелей, бывший налоговый полицейский Денис-бахчи Сифу, был три дня назад (за три дня до получения запроса... это получается... получается...) ранен в стычке с неустановленными преступниками и увезён ими в неизвестном направлении. Лицо на портрете — как всегда при электрофотокопировании, портрет был невы-

сокого качества, на стенку не повесить — принадлежало, несомненно, Петру Денисову, заматеревшему, постаревшему, но спутать его с кем-то другим было трудно. На левом виске Петра угадывалась татуировка: хвост и задняя лапа ящерицы Стерлинга...

82

Судебное разбирательство по моей кассации на секвестр имущества Снегиря заняло двадцать минут. Суд принял соломоново решение: секвестрация замораживалась, все уже заключённые сделки признавались условно-действительными, но никакой новой активности по реализации описанного имущества производиться не должно до тех пор, пока не будет завершено повторное расширенное расследование дела в свете вновь вскрывшихся фактов (убийство подсудимого во время судебного заседания — «вновь вскрывшийся факт»; я аплодирую). Кумико переходила в разряд условно-владельцев: то есть она могла пользоваться нераспроданным имуществом, но не имела права им распоряжаться. Следующее рассмотрение дела по существу назначено на такое-то... в общем, через три с лишним месяца.

Уж за три-то месяца я добуду доказательства непричастности...

Ага.

Я забежал ещё раз к Марье, оставил ей доверенность на получение моей корреспонденции и объяснил, куда всё это переслать, если я не свяжусь с

ней в ближайшие три дня, после чего отправился вызывать Собаку. Как ни странно, это заняло совсем мало времени, искать и ждать никого не пришлось, а когда я спросил кладовщика, в чём дело, он посмотрел на меня подозрительно. Именно в этот момент у меня пока ещё смутно сформулировалось определение той неуютности и напряжённости, которая возникла между мной и миром и которую я смутно ощущал, но всё время списывал на какие-то временные обстоятельства. Так вот: все вокруг что-то знали, один я ничего не знал...

Итак, я вылетел из Трёх Столбов в одиннадцать десять. Путь до Котура занял час сорок пять. Подлетая к острову на довольно большой высоте, я издалека увидел три дирижабля, приткнутых к берегу неподалёку от Стены. Значит, если эти обормоты целы, их найдут. Если же не целы...

Неторопливо я описал пологую дугу над островом и ушёл вдоль Стены на юго-восток.

Я разглядел и разбитый вертолёт Гагарина, и в лучшем состоянии, но тоже пострадавший — Люсьена. Около обоих были люди, причём около Люсьенова стояли несколько человек, они о чём-то беседовали, показывая руками в разных направлениях; несколько же других, вооружённых арбалетами, явно прочёсывали каменистую пустошь между теми и обитаемой частью острова. Зрелище настроило меня на сдержанно-оптимистический лад — раз ищут, значит, есть кого искать и, значит, ещё не нашли...

Взятой с собой воды должно было хватить до самого Ясного, но сделать посадку придётся, чтобы вручную перелить воду из канистр в бак. Сто раз я

★
собирался заказать лёгкие дополнительные баки — и всё время откладывал.

А вот теперь — либо делать полуторачасовой крюк, чтобы долететь до Пятого и там спокойно заправиться, либо лететь напрямик, сначала полого огибая Стену, потом по прямой — но садиться где-нибудь в тайге, потому что до Коробка на одной заправке не дотянуть. Я никак не мог решить, что хуже.

Минут через пять понял, что лечу вдоль Стены.

Может, мне просто захотелось посмотреть на свою заброшенную ферму...

★ ТЕТРАДЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Кумико

Прошли сутки после бури, и никто не объявился. Потом... потом я перестала кого-то ждать. Заставила себя — перестать ждать. Потому что это невыносимо.

Казалось, что раз за разом проходит один и тот же день.

Над Котуром творилось что-то невероятное, в течение дня я насчитала шесть штук дирижаблей и с десятков вертолётов. То есть годовую норму по перемешиванию воздуха над островом люди выполнили. Вряд ли это Люсьена с такой помпой во владения...

Я не тянула её за язык, она предложила сама: после того, как шум уляжется, я снова как бы выкуплю у неё то, что она приобретёт, с огромной

рассрочкой. Ей ведь нужно одно — понять, что произошло с её отцом, найти могилу, или тело, или хотя бы какие-то следы, и похоронить по-человечески. Иначе просто не будет покоя.

Да уж...

А ко мне отец пришёл в первую же ночь — ещё там, внизу, в Замке. Мы говорили о чём-то лёгком и весёлом, потом он встрепал мне волосы и ушёл, махнув рукой на пороге, наружу, в яркий солнечный день, а я — осталась маленькой девочкой в огромной и почти пустой комнате без окон, но с картинами на стенах, стояла, держась за прутья кровати, и улыбалась до ушей.

Я просто знаю — Север всё сделал как надо.

Он всегда всё делает как надо, хотя он дурак, духи, какой он всё-таки дурак...

Я когда-то дала себе слово — сжать зубы и молчать, не смей жалеть себя, но делать здесь было совершенно нечего, я сидела в комнате без окон, рисовала на стенах...

Я никогда не скажу тебе этого, но ты знай: кроме тебя, мне больше не для кого жить. Ты велел спрятаться, и я спряталась. Я даже дождусь тебя, раз обещала.

Но если ты снова исчезнешь, я не знаю, что будет потом.

Я сел на Холме Скелетов, перелил воду из канистр в баки и улетел ещё до того, как два роя, блуждавших у подножия холма, меня учуяли. Рои пас-

лись здесь всегда, не соблюдая сезонности, это вообще была довольно странная местность: драконы в этих местах не жили, поскольку жить им было негде: ни скал, ни островов, — но любили над этими местами летать, парить, — так что Цветы росли не компактными плантациями, а россыпями по всей окрестной тайге. Собирать пыльцу тут исключительно опасно — но, говорят, тем не менее собирают.

Холм Скелетов называется так потому, что на нём довольно много лет назад сел на вынужденную катер землюков. В катере было одиннадцать человек, все в боекостюмах. Я не знаю, почему за ними прилетели только через два часа...

Землюки-спасатели несколько суток пытались управиться с пыльцой, отогнать её от выеденных уже доспехов, всё вокруг сожгли на километр, потеряли ещё нескольких своих. Настоящие скелеты вывезли, но скорлупа боекостюмов так и осталась разбросанной по склонам, да и пустой катер тоже стоит, весь обросший мхом, — вон он.

Я уже говорил, что всякие технические штучки пыльца атакует ещё более охотно, чем живую плоть? Кажется, говорил. И очень многое она способна вывести из строя, особенно то, что миниатюрно и связано с электричеством. Когда-то землюки пытались использовать тут, внизу, боевых роботов. Получилось смешно.

Минут через двадцать я пролетел под воздушным посёлком. С тех пор, как я был здесь последний раз, посёлок существенно вырос — теперь в нём было шаров двадцать пять, в том числе и боль-

шие, двух-и трёхъярусные. Видно было, что люди богатеют.

А потом меня привлёк какой-то проблеск внизу, между деревьев. Я присмотрелся...

Понимаете, я редко летал здесь. Я почти никогда не летал низко, а почему летел низко сейчас, и сам не знаю. И чтоб лететь в это время суток — так, что солнце светило почти прямо в лицо... не помню такого. Просто вот всё взяло и совпало.

В общем, там, внизу, протекала речка. Я потом проверил по карте — не отмечено тут никаких речек. Но не в этом дело, карты у нас ещё те. А в том, что текла она от Стены, и текла бодренько, причём не ручеёк, а вполне такая речушка — метра четыре шириной. В чём дело, спросите вы? Да в том, что собраться из рассеянных струй она никак не могла, поскольку до Стены чуть больше километра. То есть образовалась она по ту сторону Стены и каким-то хитрым способом под ней протекла...

Собственно, теперь становилось абсолютно понятно, как возник и чем живёт тут этот воздушный посёлок. Всё так просто.

А шерифы-то и не догадываются...

Вторая половина пути ничего неожиданного не содержала. Ферма моя как стояла, так и стояла, никому не нужная, но вроде бы целая, не разорённая. Впрочем, с воздуха не видно, а садиться и терять время просто так мне не хотелось. Собака донесла меня до Ясного, хоть и на последних каплях, а донесла. Я посадил её на территории лесопилки, похлопал по баку — и пошёл искать Ригдзина.

Было начало восьмого.

Это наверху следы долго не держатся. А в пещерах сразу ясно, ходят здесь или не ходят, а если ходят, то как много и как часто. Так вот, в этой пещере разве что на арбе не ездили, а всё остальное было. Даже овец гнали. Правда, довольно давно.

Овцы. В пещере. Зачем? Не представляю...

Но до того, как набрести на след овец, мы нашли жилое помещение, и это было очень кстати, потому что в верхних пещерах, понимаете ли, много холоднее, чем на открытом воздухе. В нижних ярусах — если туда попадёшь, конечно, — можно согреться, да и то как когда; в верхних всегда прохладно и сыро.

Так вот, в этом жилом помещении было парадоксально тепло и сухо. Попали мы туда случайно: из широкого коридора, уходящего вниз, вдруг открылся отнорочек, в который любопытный Гагарин и заглянул. Отнорочек резко поворачивал вверх, там были вырублены ступеньки, Гагарин по ним поднялся и радостно — хотя и шёпотом — позвал меня.

Ход этот вёл на середину небольшой круглой, со сводчатым потолком, пещерки. В ней отчётливо ощущалось движение воздуха, причём воздух был тёплый, с едва уловимым запахом не то грозового озона, не то разломленного кремня. Под стенами стояли три солдатские складные кровати и складной же столик, заваленный книгами и туго набитыми папками. В папках были чертежи — чего именно, ни я, ни Гагарин не поняли. Ещё рядом со столом стоял зелёный стальной ящик, запёртый, и,

что в нём, мы так и не узнали. Но что-то очень тяжёлое, ящик даже не удалось оторвать от пола.

В общем, из полезных вещей мы оттуда прихватили два одеяла, а из полезных знаний — знание о тёплой струе воздуха и ещё о чуть осязаемой вибрации, её можно было почувствовать, если тылом кисти коснуться одной из стен...

Ну, а самое главное чуть не ускользнуло от наших глаз: уже на выходе Гагарин случайно осветил на противоположную стену — и увидел нарисованную прямо на стене карту. Целый час до этого мы её не замечали.

Ничем мы не занимались, не распаляйтесь. Мы оба были тупые, как деревянные. Потом — да. Но не тогда.

В общем, Гагарин держал фонарь, я срисовывала карту на оборот какого-то чертежа, воздух чуть слышно шелестел, а потом откуда-то из глубины по камню, через подошвы, донёлся рёв. Он был далёкий, невнятный, глухой, но в коленках вдруг стало мягко и щекотно.

Ригдзин с тех пор, как я его видел последний раз, ещё больше сморщился и скрючился, а вот жена, Маруся, стала ещё более объёмной и статной. Дочери их, унаследовавшие от отца чёрные волосы и раскосые лукавые глаза, а от матери рост и манеру поводить плечами, прятались на своей половине и только изредка как бы по делам выглядывали, пробегали на кухню или в садик, чем-то

шуршали. Всего дочерей было восемь, но старшая уже вышла замуж и жила где-то на юге в воздушном замке; младшая, Элька, этой осенью пойдёт в школу.

То ли для маскировки, то ли для дополнительного заработка Ригдзин вкалывал на лесопилке точильщиком и разводчиком. Здесь же, почти на территории, он и проживал. Среди смолистых запахов и звона ленточных пил.

Вообще-то он был одним из тех спецов, которые ставили нам импланты. После войны у некоторых из нас, оставшихся в живых, возникли с имплантами проблемы, так что секретный доктор Ригдзин не жаловался на отсутствие постоянной клиентуры...

Армен был его, если можно так выразиться, самым постоянным клиентом. Разумеется, из тех, с кем я поддерживал связь; про остальных не знаю. Вот и сейчас он проходил у Ригдзина курс массажа и точечного прижигания — без малейшей надежды на реальный успех, а так, чтобы продлить существование. На сегодня процедуры кончились, Армен улетел туда, где остановился, то есть в «Счастливую вдову Нэ». Этакое комплексное заведение: гостиница, бордель и казино. Армен владел им вскладчину с зятем бургомистра и двумя помощниками шерифов.

Можно было, конечно, и мне полететь, там неподалёку есть посадочная площадка, да и много ли Собаке надо? Но я решил идти пешком, налетался сегодня до онемения в конечностях, надо размять ноги, а лишних полчаса уже ничего не решают, да

и девчонки Ригдзина как раз собирались в лавочку, вот и пойдём вместе. И потом: если чувствуешь, что опаздываешь, — замедли шаг...

Ясный — самый большой город в нашем полушарии. Он стоит почти на экваторе, но всё-таки немного севернее, поэтому я и говорю: в нашем. На Юге, по крайней мере, три города много крупнее его. Это Лянхай, Путэнь и Орлин. Я был только в Лянхае, меньшем из них, и скажу одно: впечатляет. Не только размерами.

Население Ясного пёстро и обильно, а сам город, хоть и велик в целом, расчленён на девять обособленных частей и потому не производит впечатления огромной человеческой кучи. Жилые кварталы разделены либо густыми парками и садами, либо глубокими оврагами, через которые перекинуто множество мостов. В обширном треугольном устье одного из оврагов, за-над обрывом, висит постоянный воздушный посёлок — Жёлтый. Почему Жёлтый, не знает никто. Возможно, когда-то давно все шары в нём были жёлтыми. Или потому, что его населяли в основном китайцы. Или почему-то ещё.

В Жёлтом и находилась «Счастливая вдова Нэ». А также множество лавок, лавочек, павильончиков, тату-кабинок, кабачков и прочих культурных заведений. Жизнь там не замирала ни на минуту ни днём, ни тем более ночью.

Компанию мне по прогулке составили две средние дочери Ригдзина, Аня и Настя; отец отрядил их в «Умай-ана», магазинчик, где продавали всяче-

ские шаманские и врачебные прилады, ему надо было пополнить запас своих снадобий. Весело чиркая о пустяках, мы спустились с невысокого плато, где стояла лесопилка, на террасу, сразу попав в плотную городскую застройку. Когда я первый раз побывал в Ясном (мне было четырнадцать лет, я закончил восьмилетку и на лето устроился стюардом на паром), меня просто в самое сердце поразили здешние дома, похожие на увеличенные куриные клетки, то есть вместо передней стены — лианная или деревянная решётка, причём у многих домов чисто символическая, между прутьями ограждения можно свободно пробраться. Всё это оплетено хмелем, или плющом, или какими-то другими вьюнами, часто цветущими. И по этим зелёным плетёным фасадам — множество плетёных же лестниц...

А ещё в Ясном принято почему-то носить обувь или на деревянных подошвах, или на кожаных, но с подковками. И весёлый цокот множества молоточков по туфовым или деревянным — здесь они называются «пнёвыми» — тротуарам и мостовым... нет, к этому тоже можно привыкнуть, но...

В общем, я никогда не застревал в Ясном надолго.

Квартал на предмостьях к Жёлтому, через который мы сейчас шли, назывался Перечным — тут в основном жили торговцы пряностями, кореньями и приправами. Тут же они и торговали, кто в лавочках на первых этажах, а кто с одноногих расписанных лотков. Запахи стояли умопомрачительные, продавцы потрясали в воздухе мешочками, связками, пучками, снопами трав, сушёных и свежих,

хвалили товар, зазывали внутрь, поскольку всё, что снаружи, — это так, мелочь, самое ценное припрятано...

Я пополнил свой небольшой запас табака. Здесь он всегда свежий и непосредственно с ферм. Для меня трубочка — это как для гадателя карты или для шамана бубен, то есть инструмент, помогающий сосредоточиться. Ну, или погасить эмоции.

Трубочку тоже надо бы обновить, эта уже почти выгорела... В другой раз.

До заката оставался ещё примерно час, когда мы с девочками подошли к подвесному мосту.

Как почти всё в Ясном, мост был деревянный, связанный из коротких аккуратных звеньев с решётчатыми боковыми стенками и матерчатым верхом; доски настила уложены были с расчётливо оставленными щелями, ровно такими, чтобы не проваливалась нога. От ветра и солнца дерево окостенело, рельефно выступали прожилки и сучки. Соприкасаясь, пеналы издавали даже не стук, а глухой звон.

Всё это сооружение, более километра длиной, подвешено было под несколькими сетчатыми шарами. Двое служителей при входе брали плату и следили, чтобы пешеходы распределялись по длине моста более или менее равномерно...

Гагарин

Когда я понял, что старые заслуженные часы мои взяли и остановились, меня охватила не то чтобы паника... но что-то очень похожее. Наверное, это стало последней песчинкой в балласте:

★ выпадение из времени. Потеря самого себя, всей своей прежней жизни, дома, работы, родных — от этого сознание долго и упорно защищается, потому что потери эти слишком чудовищны и не воспринимаются, не проходят сквозь фильтр, что ли. А остановившиеся часы — вот они.

Символ всех прочих потерь...

Хорошо, что Лю это поняла. Или почувствовала. Говорят, у дракончиков чудовищная интуиция, иначе им просто не выжить. Так что она, может быть, и удивилась этому моему погружению в глубокое горе — а может быть, и нет. Если честно, я так и не понял, что она сделала. У неё просто немного изменился голос, и всё — но уже через несколько минут я... не знаю, как это правильно назвать: раскрылся, распался... распахнулся...

Нет, всё не то.

Ладно, что теперь скрывать: я ревел. Я, может быть, даже выл. Я исповедовался ей, я каялся, я на коленях стоял, хотел, чтобы она судила меня — и в конце концов оправдала. Я объявил себя виноватым во всём: в своей тупости, приведшей к смерти Игната, в нерешительности, приведшей к смерти Игната, в страхе за свою шкуру, приведшей к смерти Игната... Я мог, мог рискнуть собой, чтоб спасти его, — и не спас, а вот теперь мы сами выставлены за границы жизни, и уже ничего не изменить. Я был достоин самого худшего на свете, самого страшного. Но я всё равно хотел, чтобы она меня оправдала.

А она сказала только: ну, пойдём. Надо идти.

Она не оправдала. Она простила.

Итак, мы заглянули в «Умай-ана», девчонки забрали заказ и поскакали обратно, я почему-то задержался. Здесь хорошо пахло, здесь продавали красивые вещи. Ничего из этого мне было не нужно, да и денег почти не осталось (на звонки, телеграммы и прочее я тратился не считая, и вдруг оказалось, что дно кошелька — вот оно), просто не хотелось уходить. Сначала я подумал, что устал, что мне не хочется встречаться с Арменом и его друзьями, но потом понял, что причина другая.

Шаманы — настоящие, а не те, которые работают на потеху туристам, — все свои инструменты готовят сами. То есть шаман сам подбирает нужное дерево, сам добывает живого зверя, сам находит кости зверя мёртвого. Ну а мастера, которые им в работе помогают (и поверьте мне, я знаю, что говорю: собрать *правильный* бубен ничуть не легче, чем сделать, например, автожир) — чтобы поддерживать мастерство, да и для заработка, потому что какие с шаманов деньги? — эти мастера делают неодушевлённые макеты бубнов, гадательных сфер, курительных трубок, пернатых сапог, маньяков, ульбраков, костяных и стеклянных ножей для снятия пелены, каменных пузырьков для переноски пленённых духов, наборы игл и щёточек для нанесения судьбы на тело... ну и многого прочего; всё это идёт в продажу и раскупается в основном как украшения, которые можно повесить на стену. Сюда же добавьте и панно, копирующие подлинную нательную роспись знаменитых шаманов. Вот на одно такое я и смотрел, пока не догадался, что

интересует меня не столько рисунок, сколько то, на чём он выполнен.

А выполнен он был на коже молодого дракончика, содранный со спины. Вот наметившийся хребтовый гребень, вот — основания крыльев...

И висел ценник — тридцать пять марок.

Я подозревал продавца, здоровенного негра-хасида, даже по этой жаре щеголявшего в настоящем суконном чёрном лапсердаке и в здоровенном чёрном же стетсоне, надвинутом на лоб; пейсы его, толщиной в руку, не свисали, как им положено, а загибались, топорщились вперёд и в стороны подобно бивням мамонта, — и спросил, настоящая ли кожа, и если да, то почему так дёшево. Он возмутился и сказал, что кожа, разумеется, настоящая, а дёшево... ну, во-первых, не так уж и дёшево, а во-вторых, да, цены на драконью кожу таки понизились последнее время, даже упали...

И что, есть другие изделия?

Оказалось, есть. Шаманские колпаки, рукавицы, витые шнуры для маньяков...

Я сказал негру «спасибо» и двинулся в сторону «Счастливой вдовы». Было о чём подумать.

Трёхъярусная «Вдова» висела на дальнем краю Жёлтого посёлка, соединённая с ним непрозрачным матерчатым рукавом — наверное, для того, чтобы любопытным не было видно, кто пользуется услугами заведения. Хотя арка, от которой начинался рукав, была оформлена очень своеобразно и даже вызывающе...

Но я прошёл через неё, не дрогнув и вовсе не испытал чувства перерождения.

Последний раз я был здесь почти четыре года назад, тогда мне нужно было срочно добыть три тысячи марок на лечение Тины, и я плюнул на запреты и начал играть, в том числе и здесь, Армен сказал: ну, только недолго. Я набрал тогда нужную сумму, Тину подлечили...

Ладно. Это уже настолько в прошлом, что кажется сном.

Нижний холл «Вдовы» был небольшой и круглый, пол — обычная для Ясного деревянная решётка, планки гладкие, провощённые; стены свежераскрашены вертикальными полосами, тёмными и светлыми, и то тёмная, то светлая — заменены узкими длинными зеркалами. Эффект от этого очень хорош: кажется, что ты попал в бесконечное пространство, разделённое не слишком плотными занавесами. Чуть сбоку, мало заметная, ютилась стоечка мадам, а на диванчиках и в креслицах под стенами сидели подруги — шесть штук, все в струящемся и летящем.

(Ещё когда я всерьёз зарабатывал на жизнь, таская повсюду туристов, мне часто приходилось объяснять, что нагота на Эстебане незротична, она у нас ассоциируется с тяжёлой опасной работой, с потом, страхом и — нередко — мучительной смертью. Слушают, понимают, кивают, сочувствуют. Потом опять спрашивают то же самое. Землюки...)

Мадам появилась сзади, с большим бокалом в

руке. Не растерявшись, сделала вид, что принесла его для меня. Я покачал головой.

— Тогда что желает господин?

— Хочу повидать Армена.

— О-о... Господин Лупаро сейчас в игровой комнате, это верхний ярус...

— Я знаю.

— Но он не предупреждал..

— И не должен был.

— В общем, он там. Но захочет ли он вас видеть... и если не захочет, то...

— Спасибо, мадам. Я не могу представить себе ситуацию, чтобы он не захотел меня видеть.

Это я только сказал так. Представить — уже мог.

86

В отличие от нижнего холла, недавно отделанного заново, игровые комнаты наверху оставались всё теми же, что я помнил: затемнённые стены из плотно переплетённых ошкуренных лиан, такой же потолок, с него свисают светильники с коническими непрозрачными абажурами; они подвешены так, что руки игроков освещены, а лица — нет. И ещё похожий светильник над лестницей: каждый входящий освещён, а кроме того, он, попав сюда из светлого помещения, несколько минут должен привыкать к полумраку. Мне в подобных случаях привыкать не требуется, так что пару забавных сценок я уловил: игрок постарше наклонился к уху игрока помоложе, показывал на меня и

шептал, наверное, такие слова: «Видишь вон того? Никогда не садись с ним играть...» — после чего я достаивался любознательного запоминающего взгляда.

Курить здесь, понятное дело, запрещалось, но специальный аппарат под потолком выдувал тонкой струйкой ароматный дым. Из-за этого световые конусы над столами казались единственными плотными и имеющими форму предметами в этом пространстве, всё остальное чуть-чуть размывалось и плыло.

Армена, разумеется, в большой комнате не было, да и что бы ему тут делать? Я постоял у одного столика, у другого, посмотрел на игру. Взял у пробежавшего официанта бокал, сунул ему сложенную особым образом бумажную марку. Через несколько минут он принёс сдачу: две монетки.

Я вернул ему пустой бокал и неторопливо пошёл к портьеру, отгораживающей игровое пространство от низменных учреждений: ссудной кассы и уборной. Ещё там была фальшивая дверь с надписью «Босс» — и другая, совершенно неотличимая от стенных панелей дверь безо всяких ручек и надписей. В неё следовало постучать. Я постучал.

Дверь тут же беззвучно приоткрылась, оттуда высунулась рука и втянула меня вовнутрь. Рука принадлежала громиле по имени Айзенштук. Не знаю, с каких лет он носит это имя, но оно ему очень к лицу. Примерно моего роста, но в два раза тяжелее, плечи и задница одинакового размера, но... В общем, это проблемы его противников. Ли-

цо никогда ничего не выражает, и непонятно, что на нём делают два голубых ясных живых немигающих глаза.

— Привет, — сказал он.

— И тебе привет. Как Нами? Как дети?

— Лучше, чем могло быть, — хмыкнул он. — Иди, босс тебя ждёт.

Айзенштук отодвинул портьеру, я, пригнувшись, вошёл в малую игорную. Здесь, собственно, был только один стол, но именно за этим столом спускали (и иногда приобретали) целые состояния. Сейчас игры не было, знаменитый стол застелен был бумажной скатертью и использовался как простой обеденный. Сидели: сам Армен, его племянник Макбет, женщина лет сорока, которую я раньше никогда не видел, и — бывают же в жизни такие совпадения! — Пауль фон Белофф собственной толстомордой небритой персоной.

— Приветствую всех, — я поклонился.

— Здравствуй, друг! — Армен из-за стола поприветствовал меня бокалом. — Присаживайся, наливай, закусывай. Ты с дороги? Тем более. Мы уже заканчиваем разговор, но ты послушай, послушай, тебе тоже будет интересно.

Фон Белофф скользнул по мне скучным взглядом и чуть заметно подмигнул, а вот женщина, похоже, смешалась.

Я плеснул себе немного фирменного ячменного бренди, взял половинку очищенного персика. Откинулся на спинку кресла. Разговор, безусловно, уже закончился, просто Армен зачем-то показал мне своих собеседников; ну а им — меня.

— Собственно, добавить мне нечего, — сказал фон Белофф. — Думаю, и вам, и нам нужно прокачать эту информацию по своим каналам — и потом сравнить результаты...

— Куда так спешить, любезный? — Макбет слегка приподнял свои тяжёлые черепашии веки. — Есть ещё одна важная тема. Затрагивает. Эти, — он поднял два перста к потолку, — не могут не знать. Но не реагируют никак. Почему?

Женщина и фон Белофф переглянулись.

— Это то, что беспокоит нас больше всего, — сказала женщина. — Больше самого факта подготовки. Это может означать только то, что всё затеяно земляками, проходит под их контролем и приведёт в результате к полной оккупации...

— Хотя куда уж полнее, — сказал Армен, подтянул к губам шланг с мундштуком и сделал затяжку; оказывается, под столом стоял кальян. — Вас понял, и соглашусь с Паулем: медлить нельзя ни минуты. Задействовать всех осведомителей во всех сферах... да. Пф-ф-ф-ф... Так вот, пока обстановка остаётся сложной, наши встречи должны быть более конспиративны, чем эта. Пауль, друг мой, вы не придумаете, как их организовать?

Фон Белофф кивнул.

— Ну, а на сегодня, похоже, всё? Был очень рад вас видеть... Макбет, проводи гостей... и заодно посмотри, что у нас на заднем дворе. Айзен, ты тоже.

— Дядя, а...

— Потом. Я скажу, когда.

И мы остались одни.

— Рад видеть тебя, — сказал я.

— А уж как я рад, ты не представляешь, — сказал Армен; голос у него был невесёлый. — Думал, загнусь.

— Так плохо?

— Угу... — он помолчал. — Док сегодня сказал, что даёт гарантию только на полгода...

— Вот так, да?..

Когда нас готовили к войне, никто не думал, что мы выживем. Мы и сами не думали. То есть это не значит, что мы собирались дружно и весело подохнуть за свободу; мы именно что *не думали*. Как мы будем через дватцать лет... смешно.

— Может, на Землю? — робко предложил я.

Это трудно, но можно. Есть программы, по которым они берут на лечение наших безнадёжных детей и стариков. Или в частном порядке, это стоит очень дорого, страшно даже подумать, насколько дорого, но раз в жизни можно такое позволить?..

Армену — да и не только ему — надо полностью заменить все импланты. Выкинуть наши варварские, которые держатся только на обильной подпитке организма пылью (и вот край: пыльца уже перестаёт помогать), и поставить земные, почти интактные, иммунная система их практически не замечает, землюки их таскают в себе, не заботясь ни о чём.

— Исключено, — он махнул рукой. — Они же

знают, кто я. Ты же не думаешь, что они меня просто подержат в ладошках, вылечат и отпустят обратно?

— А что реально они с тебя могут состричь? — спросил я.

— Этого я и сам не знаю... и боюсь, что могут. Думаешь, почему эти канцелярские крысы прибежали?

— Почему?

— Есть очень много признаков того, что Юг готовится к войне.

— С земляками?

— Ну не с нами же.

— Я бы не удивился.

— Ты и сейчас не удивился. Что-то знаешь?

— М-м... Трудно сказать. Ничего конкретного, хотя есть ощущение, что... что... ну, знаешь, как перед обвалом? Ещё ничего не сдвинулось, а ты уже знаешь: сейчас покатится.

— Но ты бы заподозрил, что готовится именно война?

— Скорее нет. Разве что — большой передел. А война... Не знаю. Скорее нет. С другой стороны, на Юге я не был давно...

— Вот и я в больших сомнениях. А Канцелярия думает иначе. Хотя у них тоже — так, по крайней мере, Пауль утверждает — прямых улик не имеется. Зато прорва косвенных... Несколько богатых домов на Юге вкладывают деньги так, как будто Башня и лифт уже у них в руках. Причём вкладывают реально большие деньги. Вот... И есть информация с Земли... она непроверенная, конечно, но и

независимая, это не от наших канцелярских друзей... — в общем, землюки, наоборот, вынимают деньги из фондов, которые имеют дело с нами. Понимаешь, да?

Я налил себе ещё.

— А мы, как водится, ни сном ни духом, — вздохнул Армен. — Чем объяснишь? Если что-то готовится?..

— Вас вывели за скобки, — сказал я. — И, может быть, в этом есть резон. Вспомни, как вели себя семейства в ту войну.

— Тут не только в этом дело, — сказал Армен. — Смена поколений. Стариков вроде меня буквально вышибают коленом под копчик... хорёк их папа... Я вот вроде бы всё держу в руках, а ведь знаю — до первой помарки.

Животный мир, подумал я. Акела промахнулся. То есть пока ещё не промахнулся, но...

— Ладно, — сказал я. — Про Снегиря ты, конечно, в курсе?

Армен медленно кивнул.

— А чья работа?..

Он покачал головой, потом снова глубоко затаился.

— Знаю только, что южане. Но кто именно, почему, зачем — ни малейшей зацепки.

— Могу кинуть след. Это как-то связано с исчезновением Ак-Кама... помнишь его?

— Помню. Хм. Забавно... Ты уверен?

— На девяносто девять.

— Тогда этот падеж драконов... — Армен полез в карман, достал нож из драконьего когтя и с руко-

яткой из драконьего пальца, — становится понятнее... Вот, гляди, — он поднял нож на уровень глаз, — была ведь когда-то ценность чуть не на вес жизни, а теперь — в каждой лавке... Но ты ведь не за этим пришёл?

— Да нет, не только. Про угон катера знаешь?

— Ну, ещё бы. И, как я догадываюсь, твои пацаны учудили?

— Мои.

— Как же ты так?..

— Отвлёкся. Как раз на Снегиря. Ну, и... Не успел.

— Ну, понятно... Тяжёлое дело, Север.

— Было б лёгкое...

— Ты молчи. Ты слушай...

Армен рассказывал с полчаса. Наверное, ему просто хотелось выговориться. Наконец. Или извиниться за то, что он собирался сделать.

Собственно, ничего такого, о чём бы не догадывался сам, я от Армена не узнал. Сравнительно недавно он достиг вершин могущества в своём секторе теневого бизнеса, и тут же начала уходить из-под ног почва. Подрастающее поколение было на диво многочисленным, зубастым и беспринципным. Оно не желало ждать долго, оно хотело вонзить клыки в ещё живую плоть. И этот факт совпал — или они росли из одного корня и созрели одновременно? — с тем самым всеобщим предчувствием обвала, которое сгущалось давно и вот наконец сгустилось. В общем, Армен попросту не мог «простить» пацанам угон катера — тем более что пацаны засветили перед земляками не пустышку

какую-то, а дело на много миллионов, на эти тайные ангары у племянников Армена были далёкие виды. Это, оказывается, была семейная заначка ещё с войны, о ней действительно никто наверху не знал, и племянники считали, что можно было бы, поработав ещё, наладить свой отдельный канал сообщения с орбитой. Армен, правда, так не считал, но в его руках это был хороший рычаг для манипуляций особо ретивыми. И вот теперь нет ни заначки, ни рычага. В общем, спустить дело на тормозах ему не удастся, а если он только попробует, то подпишет себе приговор: его немедленно «перестанут уважать» — и низведут. Стае нужна кровь, только тогда они согласны повиноваться... Кровь — или деньги. Выкуп. Большой выкуп. Ты понимаешь, Север, что без этого не обойтись?

Сколько?

Много, старина, много... Есть вот какой вариант выкупа. Бургомистрат Трёх Столбов, лисьи дети, выставили на продажу имущество Снегирей. Понятно, что всех, кого надо, предупредили: к распродаже не приближаться на полёт стрелы. Но какая-то явно подставная девочка купила остров Котур и ещё несколько прилежащих скал. Надо выяснить, кто за девочкой стоит, и перекупить хотя бы остров. И тут же подарить его Армену. Это будет считаться выкупом за пацанов. Это — и ещё моя ферма Коробок, всё равно я ею не пользуюсь...

— Хорошо, — сказал я. — Завтра?

— Ара, уж точно не сегодня, — вздохнул Армен. — Макбетик с тобой полетит. Он мальчик ум-

ный, подскажет, что и как. И не уходи сейчас, ладно? Ты ведь не обиделся, нет?

— Не обиделся, — сказал я. — Раз уж всё равно скоро обвал — чего нам теперь обиды строить?

Люсьена

Драконы воняют. Ох, как они воняют вблизи! Воняют падалью (драконы ведь не столько хищники, сколько падальщики, не знали?), воняют скипидаром и воняют жжёной костью. Если же эту смесь разбавить во много миллионов раз — так, чтобы оставался только намёк на запах, — то получатся тончайшие духи.

Этот тончайший аромат я чувствовала всё то время, много часов, что мы шлялись по подземелью, но так ничего и не поняла. Вернее, не так. За десяток секунд до того, как мы выбрались на галерею, опоясывающую большую пещеру, я всё сопоставила: и запах, и далёкий рёв, и овечий помёт...

А потом Гагарин, спускавшийся первым, потянул на себя очередную дверь — и из проёма дохнуло той самой вонью, да ещё горячее, дохнуло так, что Гагарин всхлипнул, зажал себе руками всё лицо, попятился, упал — и не заметил того, что упал. Вместе с вонью потёк ропот, шорох, множественное костяное клацанье, и я шепнула Гагарину: «Тихо!» — я ведь не знала, что дверь выходит на огороженную галерею и мы здесь невидимы и недостижимы.

Потом я легла на пол и медленно-медленно высунула себя за дверь.

За дверью были ещё три каменные ступеньки вниз, а дальше шёл весь в вафельных ромбиках металл — очень старый на вид, серо-чёрный в углублениях и блестящий на выпуклых рёбрах, местами стёртых почти до основания. Эта металлическая дорожка уходила влево и вправо за пределы видимости, огороженная толстой решёткой из ржавых железных полос в три пальца шириной. Над дверью горел фонарь, поэтому того, что по ту сторону решётки, видно не было.

Я выползла вся, распласталась на горячем металле, знаком показала очухавшемуся Гагарину: делай, как я, — и медленно, как бы перетекая, двинулась влево, уходя с освещённого участка. Потом я оглянулась. Гагарин полз в другую сторону.

Что ж, молодец...

Смрад пробивал до темени.

К запаху такой интенсивности нельзя привыкнуть — и нельзя привыкать. Особенно если это драконья вонь, сигнал приближающейся опасности. Поэтому даже не думайте заставить себя не замечать его. Но плохо и другое: позволить ему овладеть вашим вниманием. Потому что тогда — тот же исход, тот же конец. Так что задвиньте смрад куда-нибудь в угол, спрячьте в чулан сознания, и пусть бушует и бесчинствует там.

В конце концов, дракончики нюхают и не такое.

К драконщикам ведь отношение особое и не вполне адекватное. Мало кто понимает, что мы делаем и как. Нам ставят задачу, мы выполняем зада-

чу: добиваемся того, чтобы на этой скале или на той поселилась драконья семейка. А как мы это делаем, знает, наверное, один фермер из ста...

Когда-нибудь я напишу об этом книгу. Не сейчас. Скажу только, что три четверти нашей работы — это способность правильно и умело манипулировать со всяческими дурнопахнущими субстанциями. И только четверть — умение подкрадываться к гнёздам, воровать яйца, выхаживать и выкармливать младенцев... даже не буду говорить, чем. На жаргоне это называется «кисель».

Наконец я доползла до места настолько тёмного, что можно было попытаться рассмотреть, что там, за решёткой, оставаясь при этом относительно невидимой. И, в общем, я примерно догадывалась, что увижу...

И действительно, ничего неожиданного я не увидела. Стойла. Три — для взрослых особей, размещение по парам, и шесть вольерчиков для молодняка.

Судя по тому, как плотно заполнены были эти вольерчики, проблема размножения драконов в неволе была решена...

88

Мы просидели далеко за полночь, прикончив только одну бутылочку ячменного, но Армен пил явно через силу, морщась, ну и мне не хотелось обскакивать его в этом деле. Зато наговорились мы за все прошедшие годы, навспоминались; заодно я упомянул о младших Денисовых и их второй жиз-

ни на Юге, в Цаньяне, и что одного наверняка зовут Денис-бахчи Сифу; если выяснится, что это так и есть, а не какое-то дурацкое совпадение, то станут понятны некоторые загадочные эпизоды последней войны...

— Похоже, не последней, а предыдущей... — проворчал Армен и потянулся за бутылкой.

И мы стали конструировать и измышлять возможные причины, тайные рычажки и пружины, вероятный ход и возможные последствия этой новой войны, о которой нас с ним забыли предупредить и на которую решили не приглашать.

89

Мадам предложила мне одну из подруг, но я отказался, попросил только сделать массаж — и уснул прямо на массажном столе, вдруг обмяк и провалился в чёрную мягкую пропасть; проснулся поздним утром, почти в восемь. Служаночка, испуганная косоглазая девочка с косичками, сказала, что пытается разбудить меня уже в третий раз и вот собралась звать на помощь...

А вот интересно, спал бы я так безмятежно, если бы знал, что это последняя ночь старого мира? Что никогда больше не будет так, как было, а будет совсем иначе?

Наверное, хорошо, что не знал...

90

Позавтракав, мы с Макбетиком и ещё одним младшим клевретом Армена вылетели на двух вертолётах на мою ферму Коробок. До неё было чуть

больше часа по прямой. Я летел и думал, что попал в какую-то дурную петлю непрерывности, мотаюсь туда-обратно, волоча за собой паутинку незавершённых поступков и отложенных проблем. Всегда, когда такое начиналось (и длилось, длилось, длилось...), я ощущал экзистенциальное сиротство, брошенность, полное одиночество среди подобных себе. Как однажды в детстве: наш учитель истории Ярослав Иванович Котур (это по имени какого-то его предка назван остров), вывел нас безлунной ночью в поле показать земное Солнце и другие звёзды, планеты которых входят в Конфедерацию... Он показывал, я смотрел и запоминал, и вдруг ни с того ни с сего меня пробила холодная отчаянная тоска; потом день ото дня мне становилось всё хуже, и я не знаю, до чего дошёл бы, но мать наконец сообразила, что со мной происходит неладное, и сумела всё выпросить и всё понять; она работала разработчиком коммерческих игр на телевидении, у нас ведь было телевидение, представляете? И говорила, что именно эта работа позволяет узнать о любом человеке всё, как бы он ни прятал своё нутро. Вот она и применила профессиональные навыки...

Но пока она за меня не взялась я видел себя именно так: крошечный паучок, тупо и слепо ползающий по бумажной карте и разматывающий за собой липкую нить невыполненных обещаний, несовершённых подвигов и ложных клятв. И всё известно позади него, и ещё больше известно наперёд...

Гагарин

Я жестом показал Лю, чтоб она молчала и стояла, как стоит, и сам вдвинулся поглубже в свою нишу — такие предосторожности, наверное, были ни к чему, драконы визжали и ревели так, что даже их вонь перестала восприниматься как раздражитель; однако на всякий случай мы попрятались, я уголком левого глаза видел галерею, с которой мы так вовремя свернули; один за другим на фоне освещённой решётки там промелькнули три силуэта, ногами я почувствовал содрогание настила; потом, медленнее, прошёл кто-то четвёртый, большой и тяжёлый. Я посмотрел на Лю: она делала мне знаки. Идти обратно? Нет, ни за что. Пойдём туда, в темноту. Лю показывала мне план пещеры, что-то объясняла, я не понимал. Наконец я перебежал в её нишу. Теперь нас теоретически можно было заметить с галереи, но кто будет всматриваться?

Мы, можно сказать, секретничали, крича друг другу в ухо.

Коридор, в который мы свернули, вроде бы вёл в тупик. И если нас тут накроют, отступить будет некуда. С другой стороны, непохоже было, что тут часто ходят...

Словом, мы решили рискнуть.

Сразу за поворотом проход сузился, потом пошёл резко вниз. С каждым шагом драконий рёв слабел. Местами в полу коридора были вырублены ступеньки, в стену вбиты грубые железные скобы. Фонарик свой я выставил на минимальный свет, чтобы глаза не отвыкали от темноты. Здесь я нигде

не увидел вмонтированных источников света, зато на земле попадались пятна жира, а на стенах — помарки копти. Похоже, кто-то зачем-то лазал здесь с факелами...

Коридор свернул ещё раз. Стало почти тихо.

— Осторожно, — сказала Лю.

Наверное, об эту балку было разбито немало лбов — но я не так быстро шёл...

То, что на карте было обозначено как тупик, на самом деле тупиком не было. То есть, может, и было раньше — но не теперь.

Я не очень люблю пещеры, но мне приходилось иметь дело с теми, кто от пещер буквально без ума.

Так что я нахватался.

Ходами и пещерами — часто весьма разветвлёнными — пронизаны многие острова, и есть пещеры, уходящие ниже уровня тайги на сотни метров. Все пещеры промыты потоками воды, хотя многие из них сейчас сравнительно сухие. Впрочем, во всех можно найти ручейки и даже озерца... Не знаю, с чем это связано, но когда-то в пещерах люди пытались обустроиться и жить, на Юге один такой город даже сохранился обитаемым, и его показывают туристам.

Впрочем, я отвлёкся.

Не знаю, что здесь было раньше — судя по сдвинутым и поломанным стеллажам и каким-то помятым коробкам, нечто вроде склада, — но сейчас почти весь объём этого помещения — не маленького, между прочим, — занимала сыпучая порода: пористые камни и мелкий щебень. Гора породы

начиналась чуть ли не из-под ног и уходила к потолку — на все десять, если не больше, метров. А там зияло круглое отверстие — достаточное, чтобы пролезть в него и ничем не зацепиться.

Я рассматривал план и пытался силой мысли прожечь скалу, чтобы узнать, что это может быть за дыра и куда вести, когда Лю вдруг выхватила у меня фонарь и побежала, оскальзываясь на камнях, к тем полузасыпанным стеллажам и груде откровенного хлама под стеной. Я осторожно поковылял следом, ногу было некуда поставить, чтобы не подвернуть...

Лю стояла на коленях, что-то рассматривая.

— Посвети, — и вернула мне фонарь.

— Куда?

— Ну... вот... — она руками очертила круг.

Я отошёл, подрегулировал луч. Лю стала откидывать камни. Потом подняла с пола какую-то охапку — как мне показалось, серой бумаги, из которой делают мешки, и реек. Она держала её так...

Хотел бы я, чтобы меня когда-нибудь вот так же держали.

— Знаешь, что это? — спросила Лю. По голосу я понял, что она дрожит.

— Что?

— Это костюм, чтобы подходить к маленьким дракончикам. Кормить их.

— И?..

— Этот костюм сделал отец.

— И?..

— И он совсем новый.

— Ты уверена?

— В чём?

— Ну... И в том, и в том.

— Дурак, — сказала она ласково.

— Я надеялась, что он жив, — сказала она немного спустя. — Весь этот драконий завод... понятно же, что без дракончика такое хозяйство работать не будет. Но дракончиков не так уж мало... в общем, я боялась надеяться. А теперь...

— Думаешь, его держат где-то взаперти?

— Не знаю, — сказала она. — Может, и не взаперти. В любом случае... — она замолчала.

— Что? — спросил я.

— Думаю.

Она думала, я не перебивал. Я в этой ситуации точно ничего бы не придумал.

А потом над головой раздался звук, как будто что-то очень тяжёлое волокут по неровному железному листу. Я погасил фонарь, и мы сидели в полной темноте, прижавшись друг к другу и вслушиваясь, как звук рывками приближается, замирает где-то над головой, потом начинает удаляться. В дыру ссыпалось несколько камней, и один больно стукнул меня по лодыжке.

91

— Ну, вот... — я сделал приглашающий жест.

Макбет выбрался из своего вертолётa первым; младший клевет замешкался, потом спрыгнул на землю с другой стороны. В руках у него был брезентовый свёрток.

Предусмотрительные ребята, подумал я.

Макбет попрыгал на месте, как бы пробуя грунт под ногами.

— Скала или остров? — спросил он.

— Был остров, — сказал я. — Но уже лет двадцать — скала. Вода как ушла...

— Что, вообще нет воды?

— Скважина. Литров сто в сутки насосать можно. Не больше.

— А то я смотрел кадастровые перечни...

— Там путаница, — согласился я. — Но мы ведь не цену назначаем, верно?

— Верно, — сказал Макбет. И стал осматриваться.

Скала моя (пока ещё моя) представляла собой крайнюю вершину довольно протяжённого хребта Шиманского, имеющего ещё полтора десятка вершин: скал (участков возвышенной суши без источников воды) и островов (с источниками), соединённых узкими, но всё же проходимыми рёбрами, расположенными много выше уровня тайги, а следовательно, вполне безопасными. До того, как передвинули Стену, этот маленький архипелаг был весьма населённым местом — одних драконов в лучшие годы насчитывалось до полутысячи голов. После передвижки Стены за её пределами остался только мой Коробок и краешек — буквально в несколько метров — соседнего острова Юр. Ну и — старая дорога, по которой при случае может проехать колёсная повозка...

— Жилого строения нет? — спросил Макбет.

— Есть, — сказал я. — Землянка. Вон, видна труба.

— Ага... — он что-то отметил в блокноте. — А хозяйственные?

— Тоже подземные. Тот, кто это строил, не хотел лишний раз беспокоить драконов.

— Ну да, понятно... Есть тут какие-то вещи, которые вам надо забрать?

— Нет. Я тут давно не бывал... в общем, нет. Ничего не нужно.

— Составляем документ?

— Угу.

Мы вытащили свои планшеты и вывели типовые бланки договоров дарения и получения дара. Стали заполнять — дата, место, свидетель... даритель, получатель... по поручению которого... мотив деяния — «совпадение интересов»...

Свидетель, он же младший клевет, распаковал свёрток, достал лопату. Скорее оружие, чем инструмент, — начищенная, острая...

Я поставил подпись, приложил палец к сенсору. Макбет сделал то же самое. Клевет подал ему лопатку, и Макбет коротким тычком вогнал её в землю на полштыка.

Сделка была заключена.

— Ну, в ознаменование... — Макбет подмигнул мне, а клевет уже подавал ему серебряную фляжку со стаканчиками. — Передохнём полчаса — и дальше?

— Конечно, — сказал я. — Обязательно надо передохнуть... и не полчаса. Вот прямо здесь.

На краю скалы я когда-то, поворочав камни и

пни, соорудил подобие открытой беседки: стол, четыре кресла, диван... Вид открывался на бескрайний простор тайги, и только тёмной и ясной ночью можно было рассмотреть вдали светящуюся нитку паромного троса.

— А откуда пни? — спросил, озираясь по сторонам, Макбет. — Тут что, были деревья?

— Нет, конечно. Внизу деревья выдёргивали лебёдкой, затаскивали сюда целиком и тут уже разделявали.

— А-а... Ну, за процветание — и беспощадность!

— Ого, — сказал я, пригубив. — Это что мы пьём?

— Бренди, — ухмыльнулся Макбет. — Говорят, с Земли. Говорят, двадцать лет выдержки. И наверняка врут. Всю контрабанду делают где? В Фэньхундао. — Младший клевет беззвучно похлопал в ладоши. — Землюки-то говорят, что на самом деле у них самих уже давно ничего приличного не производят. В смысле...

И тут все три наших планшета издали громкий вибрирующий звук.

ТЕТРАДЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Люсьена

Первый раз лоб в лоб со смертью я встретила одиннадцать лет назад — то есть ровно полжизни. Было это на далёком западном архипелаге Бронте, славном сухими грозами. Место это практически

необитаемое: из-за молний там опасно появляться фермам-аэростатам, а среди сорока с лишним вершин лишь на двух время от времени бывает вода. Когда мы с отцом туда прилетели, всё население состояло из одного полусумасшедшего старика-иммигранта, одержимого проектом устроить здесь электростанцию и осчастливить человечество...

Зачем мы туда прилетели? Смешной вопрос. Конечно же, чтобы красть яйца. Где, по-вашему, дракончики берут яйца для новых гнёзд? Там, где живут бесхозные драконы.

Яйцо крадётся так: ты наряжаешься друкком, мажешь себя специальной гадостью, добываемой из друкков же (да, они симпатичные и безобидные, и их не едят ни люди, ни драконы: для людей они отвратительны на вкус, тина пополам со ржавчиной, а для драконов вообще непонятно что: после смерти друкки не гниют, а как бы высыхают, превращаются в мумии; абсолютно бесполезный зверь, не имеющий естественных врагов, а потому крайне дружелюбный) — и ползёшь на вершину скалы, медленно-медленно, находишь кладку и ждёшь, чтобы дракон, сторожащий яйца, отошёл или хотя бы отвернулся. И тогда надо молниеносно схватить яйцо, сунуть в сумку на животе — и прыгнуть со скалы. И там уже — не забыть раскрыть парашют... и, главное, не поторопиться с раскрытием.

До этого я год тренировалась, здесь похитила восемнадцать яиц — и вот добралась до девятнадцатого. Вы в курсе, что у дракончиков число 19 считается несчастливым? На всякий случай напо-

минаю... Я лежала у кустах метрах в семи от гнезда, яиц там было несколько — по крайней мере, больше трёх. Это хорошо, потому что до трёх драконы считать умеют, а так был шанс уйти тихо, без погони. Сторожил яйца крупный серый самец, он сидел на краю обрыва в классической драконьей позе: свесив хвост вниз и задрав плечи выше костяной головы. Он не собирался отворачиваться, пялился на кладку, и только веки его всё чаще и чаще опускались на глаза. Похоже было, что дядечку вот-вот сморит послеобеденный сон.

Наконец глаза его закрылись — и так и остались закрытыми. Я выждала ещё пару минут, затем медленно на четвереньках двинулась к гнезду, стараясь не шелохнуть ни веточки. Это мне удалось. Яиц действительно было много, пять, я взяла одно, с краю, и собралась положить его в сумку, жадно подумав — а не прихватить ли ещё одно?..

И в этот момент в скалу ударила молния.

Она ударила за моей спиной, поэтому мир на мгновение померк, стал фиолетово-чёрным, и только дракон остался таким, каким был, и даже ещё светлее. Звук я не помню, меня как-то надуло и схлопнуло, я вдруг оказалась стоящей на коленях, совершенно не чувствуя тела и не управляя им, одной рукой я держала яйцо, а другой что-то нашаривала на земле, совершенно не представляю, что.

А потом я поняла, что на мне горит одежда. Не выпуская яйцо, я легла на спину и стала кататься по земле...

И тут дракон, про которого я совсем забыла, взмахнул крыльями. И встал.

Я тоже встала. Я знала, что сейчас он меня убьёт.

Нет, время не то чтобы пошло медленно... такого ощущения у меня не было... тут другое. Я откуда-то знала, что времени, как бы мало его ни оставалось, мне хватит. Я успею всё сделать, причём сделать всё правильно.

Дракон смотрел на меня — вернее, сквозь меня. Если он сейчас шагнёт, то достанет меня башкой, острой и твёрдой верхней челюстью. Или ударит крылом, тем суставом, где торчит шип. Он успеет раньше, чем я добегу до обрыва. Но если я первая брошусь ему навстречу, он чуть-чуть ошалеет от такой наглости, и я успею проскочить у него под крылом...

И попаду как раз под удар хвоста. Хвостом он может рассечь человека пополам.

Нет, надо медленно отступать, продолжая приотворяться друкком...

Дракон шагнул вперёд. А я вдруг поняла, что все мои планы бессмысленны и бесполезны, потому что это не одежда на мне горела. Это горел парашют. И прыгать с обрыва — ещё более верная смерть, чем попасть под хвост или когтистую лапу. Или в пасть. Хотя живое эти твари предпочитают в рот не брать.

Однако что-то странное было с драконом, и я никак не могла уловить суть странности. Он...

Он очень осторожно ставил лапу — будто нащупывал путь.

Его ослепило вспышкой. На время или навсегда — не важно. Он попросту не видел меня сейчас.

Я отступила ещё на пару шагов, обернулась. Справа кусты горели, но мне туда и не нужно: лощинка, по которой я сюда приползла — вон там, слева. Всё ещё сдерживая шаг, я стала прокрадываться туда — и тут дракон закричал. Он закрыл голову крыльями и топтался на месте, крича почти как человек...

Вниз я слетела так, как никогда больше у меня не получалось. Сами знаете: подниматься по скалам куда проще, чем спускаться, если, конечно, без снаряжения. Отец подхватил меня на полпути, он приволок бухту верёвки, и дальше уже было легко и просто.

Страх пришёл только ночью. И потом приходил ещё много раз.

А потом его вышиб следующий страх. А его — следующий...

Что я из этого вынесла? Наверное, то, что если я когда-нибудь и умру, то — не успев испугаться. А это уже чего-то стоит.

И сейчас я, в общем-то, не боялась. Хотя опасность была куда как реальнее...

— Я, кажется, понял, куда ведёт эта штука, — Гагарин махнул рукой вдоль штрека, в который мы попали через ту дыру в потолке склада. — Под Стену. Вот смотри... — он развернул план, осветил. — Мы были вот здесь, а теперь — здесь. Повернули вот так... — он показал, — и получается...

— Да, — сказала я. — Похоже, ты прав.

Похоже, он действительно был прав. В недрах острова творились замечательные дела.

В недрах моего острова. Без моего ведома...

Штрек был идеально прямой, сечением примерно два на два. Не знаю, как правильно называются эти П-образные рамы, которыми удерживается свод, — но они были из толстого бруса, сколочены очень аккуратно и поставлены на равных расстояниях друг от друга. Такое впечатление, что всё тут делалось на века...

— Как ты думаешь, — спросила я, — где они могут держать отца?

— Н-не знаю. Ты хочешь... э-э... его искать?

— Хочу? — я даже усмехнулась. — Конечно, хочу. Только я не такая дура, как тебе, наверное, кажется. Я понимаю, что сейчас мы без шансов... Надо выбраться, надо...

Я замолчала. Гагарин терпеливо ждал.

— У нас ведь и других шансов не будет, правда? — сказал он наконец.

— Ты?.. — я вдруг закашлялась. Потом взяла себя в руки.

— Я подумал, что тот бумажный костюм выбросили отсюда, — сказал он. — А на драконью ферму этот коридор не выводит — чувствуешь, не воняет? Воздух свежий? Так я и... ну... может...

Я обняла его и поцеловала. И он меня, помешкав, приобнял — неловко, почти деревянно.

Буквально шагов через семьдесят мы наткнулись на то, что с таким грохотом волочили по штреку и перепугало нас. Это был сварной железный

ящик в рост человека на сплошных сварных колёсиках. На боку у него была дверца с задвижкой.

Гагарин, естественно, полез смотреть, что там, внутри. А мне вдруг послышались шаги, и я приготовилась стрелять. Но шаги не приближались...

— Смотри, — Гагарин выбрался наружу.

В руках у него были какие-то картонные трубы — одни размером с толстый карандаш, другие — с бутылку.

— Вот оно где всплыло...

— Что это?

— Взрывчатка. В позапрошлом году в Ньёрде студентов-химиков арестовали, слышала?

— Нет. Я...

— Ну, не важно. В общем, похоже, это их изделия. При аресте у ребят нашли несколько килограммов, а химикатов они извели несколько тонн... А что это шумит?

— Понятия не...

Кумико

Я не вела счёт дней...

Нет, я знаю, конечно, сколько я просидела на Чудной, но я это знаю сейчас, когда всё прошло и все всё сравнили и посчитали. А тогда я... даже не знаю. Наверное, это было что-то вроде наказания, которому я сама себя подвергла. Иногда в таких случаях люди перестают мыться, или расчёсывать волосы, или что-то ещё. А я мучила себя безвременьем.

Я не нарочно, правда. Просто нужна была какая-то другая боль.

День начинался, и день кончался, а потом начинался снова. Один и тот же. Событий не было, только менялись картинки на заднике.

И вдруг кончилась вода. Это было так неожиданно...

Скала потому и скала, что на ней нет источников и водоёмов. Можно, конечно, пробить скважину и качать воду из глубины. Можно, как здесь, собирать дождевую. Но это всё не слишком надёжно.

Мне казалось, что воды в бассейне много. Наверное, где-то образовалась трещина...

Хорошо, что я сразу, в первую же ночь, залила баки «Махмади».

Сборы не заняли времени, у меня ведь почти ничего с собой не было. Я просто выкатила автожир из-под навеса, прошла по мощёной дорожке — не очень ровная, решила я, но для взлёта сойдёт, — потом села, пристегнулась, запустила и погоняла двигатель...

И полетела. На восток. Там было ещё одно место, где Север сможет меня найти. Он, а больше никто.

Сначала я собиралась лететь туда напрямик, но потом увидела в небе нескольких драконов. Они были далеко, но я всё равно свернула правее, к Стене. Драконы к Стене не приближаются. Ну, пролечу я над Котуром, кто меня узнает — в воздухе-то? Это было легкомысленно и глупо, но...

Драконы. Я стараюсь с ними не встречаться.

Котур довольно большой остров, самый большой из маленьких, как мы всегда шутили. Над се-

верной его оконечностью, где стоял старый дом, висел тёмно-рубинового цвета (с более светлым брюхом) дирижабль, и откуда-то оттуда же взлетел и ушёл вниз, к тайге, грузовой вертолёт. Я же взяла южнее, там вроде бы никакой активности не наблюдалось...

Ну, конечно. На самом краю обрыва сидели четверо и буквально пялились на меня — двое из них в бинокли. Я сделала вид, что так и надо, даже качнула аппарат вправо-влево.

Стена была от меня совсем недалеко, в полукилометре. Днём, когда свет падает на неё наискосок, она переливается маленькими радугами — как плёнка масла на воде. Я некоторое время пристально смотрела на Стену, точно определяя расстояние, а потом уронила взгляд вниз.

Ровно в тот момент, когда спереди и справа среди кустов и поломанных деревьев сверкнуло жёлтое вертолётное брюхо. Жёлтое с большой синей шестёркой. Ещё какие-то обломки лежали неподалёку, аккуратно собранные в кучку...

Это был вертолёт Гагарина. Его «КМК».

Первым моим порывом было — найти подходящую площадку и сесть. А потом я поняла, что бессмысленно. Тут уже поработал кто-то, и если брат жив, то он либо под стражей, либо... в общем, в такой ситуации я ему помочь не смогу, а повредить — более чем. Это если он жив. Если же нет...

Тогда его, во всяком случае, похоронили.

Ещё и его.

Я вдруг подумала, что это можно проверить по планшету. Я у него всегда стояла первым наслед-

ником, и какое-то время назад он это в очередной раз подтвердил. Когда? В один из этих вращающихся дней... но в какой? — не помню, не восстанавливаю.

Я попыталась выковырнуть планшет из сумки, притороченной сбоку у сиденья, но ничего не получилось, крепёжный ремень прихватил клапан, забраться внутрь сумки оказалось невозможно, рука так не гнулась. Но я долго старалась... наверное, чтобы подальше улететь от страшного места, подальше, ещё немного...

Уже кончился Котур, уже надо было наметать курс, а я всё возилась, главное — вот он, планшет, кончиками пальцев можно коснуться... И вдруг от прикосновения планшет заорал громко-громко, перекрывая мотор и плеск воздуха в лопастях, я отдернула руку, а планшет всё орал и орал. У маяков на случай тумана предусмотрена такая вот сирена: несколько секунд громкого рёва, потом пауза. Так вот, планшет орал очень похоже. Он орал минут пять, потом перестал.

Лететь мне было ещё и лететь, лететь и лететь...

Гагарин

Север внушал нам на своих уроках так: если вдруг какое-то решение вызывает у вас восторг и восхищение собой, притормозите на минуту и подумайте ещё; ибо не исключено, что это восторг смерти. И он подробно объяснял, почему так происходит и какая странная противоречивая животина этот человек; смерть мы воспринимаем как

★

Великое Неизвестное, как самую большую тайну жизни, которую нам — каждому — когда-то предстоит разгадать. И вот предчувствие того, что разгадка близка и осталось только сделать два-три хода... ну и так далее; в общем, вот. Я всё помню, что он нам говорил. Более того, я много раз вспоминал эти вбитые, ввинченные по самый копчик истины — и притормаживал; и это — да — откладывало мою смерть немного на потом.

А вот теперь я этот момент прощёлкал, да и не было вроде бы у меня никаких таких восторгов по отношению к себе, просто, как мне показалось, я что-то стряхнул и почувствовал, что так лучше. Я не знаю, что это было, что так угнетало меня (нет, не угнетало, это неправильное слово; но точнее я сказать не могу; связывало, может быть, прижимало к земле?..). Не только потеря всего на свете; нет, это я осознаю, я могу эту потерю выделить, отграничить, пометить... Нет. Что-то вне этого или сверх этого.

В общем, я принял фатальное решение и начал его исполнять. А Лю мне в этом содействовала по мере всех своих не самых щенячьих сил. Драконицы — они ведь со странностями. Для них тот мирок, в котором они живут, и есть мир в целом, а всё остальное — всего лишь декорация, видимость, мнимость, ненастоящее. Мана, как говорят шаманы. Лю была и драконницей, и происходила от шаманов. Ак-кам — значит «белый шаман». А пресловутое «лезвие Ак-кама» — ритуальный нож, которым шаман обмахивает себя, отделяя свой реальный мир от маны. Отсекая лишние сущности...

Короче говоря, мы сделали наиглупейшее, что можно себе представить: отправились искать Артура Генриховича, решив (думаю, это была такая отмазка перед здравым смыслом), что никуда специально углубляться не будем, вот пошаримся в окрестностях, и — по штреку, до конца, за Стену.

Да, мы решили уходить за Стену. Я не сказал ещё? Говорю.

Конечно, это было не мудрое решение. Но я и сейчас не представляю себе, какое мудрое решение могло найтись в тех обстоятельствах. Всё, что не приводило к немедленной гибели, могло оказаться мудрым.

Могло и не оказаться.

Как кости лягут.

Я положил в сумку шесть больших зарядов и, сколько поместилось, маленьких; отмотал от бухты несколько метров огнепроводного шнура, повесил его на ремень; фитили же, торчащие из зарядов, я существенно укоротил, рассудив, что в нашем положении главное — это бросить и отбежать, а не спрятаться в надёжном укрытии... С другой стороны, и я, и Лю отлично понимали, что если дойдёт до метания взрывпакетов, значит, всё совсем плохо и выжить нам вряд ли удастся.

Она уже рассказывала про отложенный страх смерти? Про дракона и молнию? Тогда я не буду. У меня история не такая интересная... и, поймите меня правильно, она не из тех, которые вообще стоит рассказывать.

Да... В тот час, принимая решения и обсуждая дальнейшие действия, мы абсолютно спокойно и

холодно говорили, что вот можем и умереть, и вообще шансы невелики, но уж какие есть.

Возможно, в темноте подобное говорить как-то легче...

Отойдя буквально на тридцать метров от железного ящика, мы увидели впереди неяркий жёлтый отсвет, лежащий на полу. И тут же запахло едой.

Мы подкрались, стараясь двигаться совершенно бесшумно, поближе к свету. Вскоре стало понятно, что свет выбивается из щелей: правая стена штрека была не каменной, а деревянной, щитовой. Я несколько секунд осознал увиденное, а потом догадался посмотреть вверх. Свода над головой не было. Штрек закончился — вернее, отсюда он начинался. Откуда-то доносился звук капли. Мы вышли снова в естественную пещеру. А то, что я принял за деревянный щит, прикрывающий стену штрека, было стеной небольшого барака с окнами, забитыми тонким листовым железом.

Я повернулся было к Лю, и в этот момент меня ослепило. Распахнулась дверь. Мы её не заметили и остановились именно перед нею. Возник сияющий прямоугольник — и в нём силуэт человека, размытый и изъеденный светом.

— Здравствуйте, — вежливо сказала Лю. Я не видел, но чувствовал локтем, что она направляет ствол своего дротикового ружья прямо в живот этому, распахнувшему дверь. — Скажите, где мы можем найти Артура Ак-кама?

Я видел, как он наклонил голову. Наверное, всматривался.

— Дети, что ли? Ну, заходите. Минут через двадцать...

Он сделал шаг назад, пропуская нас.

Я вошёл первым. Лю, не опуская ружья, за мной.

Пахло очень вкусно. Обалденно вкусно.

— Садитесь вон...

Глаза мои уже начали видеть. Света — всего лишь голая вакуумная лампочка под потолком. Два стола со скамейками, плита, полки с какими-то горшками... И человек, впустивший нас, — невысокий крепыш, то ли лысый, то ли выбритый, в белой поварской куртке.

— Суп будете?

— А... через двадцать минут... будет что? — спросила Лю сдавленным голосом.

— Привезут его. Если к тому времени управятся, конечно.

— Почему — привезут? С ним что-то случилось?

— А вы не знаете, что ли? Обе ноги сломал, не ходит пока... Эй. А вы давно не виделись?

— Да, уже порядочно...

— Эй, — сказал человек в белой куртке. — Эй! Вы ведь?..

И тут он наконец заметил ружьё.

— Скажите отцу, что заходила Люсьена, — сказала Люсьена. — Пусть выздоравливает. Я его найду. Пойдём, Гагарин.

— Сейчас, — сказал я. Достал из сумки малый заряд. Показал его повару (наверное, это был повар; скорее всего, повар). — Знаете, что это? Я прикре-

плю его с той стороны двери. Если попробуете открыть, взорвётся. Ясно?

Он смотрел на меня остановившимися глазами. Круглыми и белыми, как шарики для пинг-понга.

— Ясно? — повторил я.

Он судорожно кивнул.

Мы вышли. Я повозился у двери. Никакой взрывчатки я не закреплял, понятное дело, но куском огнестойкого шнура связал проушины для подвесного замка.

— Бегом, — сказала Лю. По голосу можно было подумать, что она совершенно спокойна.

Но я уже и сам услышал шаги. Много шагов.

Ступая как можно тише, мы на ощупь уходили вглубь штрэка. Не знаю, как далеко мы отделились — казалось, что это бег во сне, только перебираешь ногами, и ничего более...

И вдруг и у меня, и у неё оглушительно заверещали планшеты.

Люсьена

Самое смешное, что нас не засекли. Потому что планшеты в этот момент заверещали и завывали у всех, и наш далёкий голос никто не услышал. Но мы же этого не знали, правда?

Я свой вытащила и отключила мгновенно, а Гагарин никак не мог попасть по нужной кнопке. Тогда он грохнул его о землю и добил ударом топора.

И несколько секунд мы прожили в уверенности, что это наши последние секунды. Но из темноты никто не появлялся, слепя фонарями, — и вдруг

до нас дошло, что это не в ушах шумит, протискиваясь сквозь сжавшиеся сосудики, кровь, а где-то за углом, за поворотом, на лестнице или где-то ещё (невидимые, но почти рядом) сигналият несколько — а то и с десятков — да нет, целая стая — планшетов.

И тогда, взявшись за руки, мы попятились, попятились... и наконец просто повернулись и побежали. Непонятно куда. Куда-то. Где мы никогда не бывали и куда вроде бы не стремились. В изменённую реальность, где и люди — не люди, а так, похожи слегка...

ТЕТРАДЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

92

Похожее чувство я однажды испытывал. Это было года за три до войны. Ко мне тогда уже приглядывались на предмет дальнейшего использования, но я этого ещё не знал. Я многого тогда не знал, но самомнение вполне может заменить знания — до поры...

Я и ещё несколько дурачков, назвав себя «партизанским отрядом «Воля Эстебана»», занялись добычей оружия. Нам удалось путём достаточно хитрой многоходовой комбинации (включавшей девочек, лотерею, грюнсанд, контрабандное спиртное, нелегальные импланты и кое-что ещё) заполучить в закадычные друзья, вечные должники и деловые партнёры двоих сержантов интендантской службы; в тот день я вёл с ними переговоры в ни-

чем не примечательном кабачке «Золотой дождь» на острове Уи неподалёку от Фэньхун-дао; кабачок этот сохранился до сих пор... Сержанты нервничали, хотя и мы с ребятами, и они приложили немало сил, чтобы обезопасить переговоры от прослушивания. Да и беседовали мы на таком условном языке, что никто бы не смог (так нам всем казалось тогда) предъявить какие-то обвинения...

В общем, пока речь шла о простой нелегальной коммерции, ничего и не происходило. А я так выстроил разговор, чтобы наш *настоящий* заказ как бы распадался на части и встраивался в совершенно невинные (с военной точки зрения) проекты. Очень упрощённо говоря, мы заказывали геологические сканеры, бурильные агрегаты и автономные высокоэнергетические комплексы — а через полгода разборочно-сборочных работ у нас были бы мощные термопушки, которые очень неплохо смотрелись бы под брюхом небольших вертолётов...

Видимо, я всё-таки плохо замаскировал наши намерения. Кажется, сержанты просекли, в чём дело. Они переглянулись. И, мне кажется, всё-таки соблазнились сверхъестественной прибылью, которую я им посулил. Или что-то другое на них подействовало...

В общем, они приняли решение.

А дальше — система среагировала.

Да, чтобы было понятно — землякам вообще запрещено покидать пределы Стены без средств защиты. Мотивируется это всяческими инфекциями — ну и прочими опасностями. Так что ребя-

та сидели передо мной в «Сквамах» — самых лёгких из существовавших в то время боекостюмов, на вид и не скажешь, что это броня: обычная военная форма, только в тех местах, где у нормальной одежды бывают швы, на этой пролегало что-то вроде толстых витых шнуров, — ну и воротник был не обычный, а стоячий — и тоже толстый. И вот я первый — и единственный — раз в жизни увидел, как срабатывает земной боекостюм. Из «шнуров» и из воротника выскользнули мелкие многослойные язычки — и в долю секунды оба сержанта оказались покрыты зеленовато-металлической чешуёй; а шлемы сформировались вообще мгновенно, я даже не успел заметить как, — только что ничего не было, и вдруг голова прикрыта прозрачным шаром с такими же зеленоватыми, как чешуя, поперечными рёбрами жёсткости — одно на уровне подбородка, другое — на уровне бровей; и, кажется, затылок тоже прикрывает что-то металлическое, но это я не успел рассмотреть. Следующая секунда — этот чешуйчатый костюм твердеет, и сержанты замирают в тех позах, в которых отверждение их застигло. Я ещё ничего не успел понять, и только ужас в их глазах подсказал мне, что творится вовсе не то, на что мы все рассчитывали...

Потом прозрачные шлемы сделались зеркальными, и на лбу каждого появилась красная надпись: ARRESTED. Я вскочил. Я потерялся, я не знал, что делать. И тут же надпись сменилась на другую: EXECUTED. Чешуя потемнела, и над пле-

чами продолжающих сидеть фигур задрожал воздух.

И я... Я повернулся и ушёл. Мне даже не было страшно, а пусто, совершенно пусто. В один миг исчезло, перестало существовать всё, что мы так долго и тщательно готовили, на что рассчитывали в будущем... да и представления мои о том, каков этот мир и что в нём от чего зависит и почему происходит так, а не иначе, — всё это стгорело ещё быстрее, чем двое только что живых людей, которых система посчитала изменниками...

(Отряд «Воля Эстебана» самораспустился в тот же день: и я, и Армен здраво рассудили, что прежде надо многое выяснить и разузнать, а уж потом действовать. Странно, но никого из нас не преследовали — ни землюки, которые многих саботажников уничтожили накануне войны просто с орбиты, не мороча себе и людям головы соображениями морали и невмешательства, ни синие, которым, по идее, они могли передоверить дела такого мелкого масштаба. А может быть, они и передоверили, да только и среди синих попадались саботажники...)

Вот и сейчас я чувствовал примерно то же самое: всё, на что я рассчитывал, что я учитывал, строя планы и предполагая дальнейшие ходы, чего я опасался в настоящем и будущем... во что верил, в конце концов, всё это утратило силу, ценность, а то и просто потеряло смысл. В один миг все мои

знания — огромные; все мои умения — в чём-то даже уникальные; весь мой бесценный опыт, накопленный за много лет...

Ну, вы меня понимаете. Вы же сами всё помните. Какой это был шок.

94

Макбетик, отдадим ему должное, пришёл в себя быстро. И в отличие от меня мыслил он категориями не перспективными, а сиюминутными.

— Три дня, — раздумчиво повторил он за диктором. — И всего тысяча...

— Да уж, — сказал я. — Задача... Ну что, мы тут закончили? Тогда разлетаемся. Армену скажи, что я его навещу... ну — сразу после.

— Это вряд ли, — сказал Макбет. Потом почти крикнул: — Эдик, нет! Не смей!

Это клевет заходил мне за спину.

— Уймись, дурак, — сказал я, не оборачиваясь. Движением плеч скинул куртку — так, чтобы показались лопатки. Свёл их.

Клевет тихо ойкнул.

— Дядя Север, — сказал Макбет, — я ведь — не для ссоры... Только теперь же, получается, — всё по-другому. И всё, что было, — оно как бы и... нет его. Ведь так?

Он хотел от меня чуть ли не одобрения.

— Ну, не совсем, — сказал я. — Кое-что останется. Память останется.

— Это не в счёт, — сказал он.

— В войну тоже так считали.

— Вот поэтому и проиграли.

— Я тебе потом расскажу, почему проиграли. Но точно не поэтому.

— Вы пока тут поживёте, — жёстко отрезал Макбет. — Дяде Армену я скажу, он разрешит... Мы — уж как-нибудь сами. Без вас. Хватит.

Я решил не возражать.

Они обрубали Собаке обе лопасти и улетели.

Гагарин

Дважды мы счастливо разминулись с теми, кто бежал нам навстречу: они бежали с фонарями, а мы — без. Поэтому мы успевали прижаться к опоре, слиться со стеной. Это как в тайге: расслабься, и пыльца тебя не найдёт...

Когда побежала вторая группа, человек семь, я почувствовал, что там, впереди, никого не осталось. Я не знаю, почему я так решил, но меня охватила абсолютная... я бы даже сказал, безмятежность.

Что-то случилось. Я не знаю, что. Но наши враги ушли, и какое-то время нам можно будет не опасаться ничего.

Только сейчас я понял, как много всего — и ото всюду — нам угрожало.

Я сказал об этом Лю, но она ничего такого не чувствовала, она только пожала плечами. Я мог её понять — буквально за минуту обрести и вновь потерять отца... и теперь всё её существо занято только этим.

Я попытался представить себе такое, но у меня не получилось.

Скажите, я слишком легко и быстро смирился с потерей Игната? Нет, это не так. Это не так. Но Игнат... он был мне больше, чем отец, и он был мудр, он не привязывал меня к себе, со стороны это казалось то холодностью, то придирками, но я... я откуда-то всё знал. Не зря же я бессознательным дитём выжил в тайге. Я иногда *понимаю*... ну, многое. Я даже Севера *понимаю*, хотя он умеет выстраивать такую защиту — причём походя, не шевельнув бровью... и он чувствует и видит, что от меня у него тайн... ну, не то чтобы нет совсем, но меньше, чем от других... и поэтому старается от меня дистанцироваться. Особенно с тех пор, как Кумико...

Не буду. Сами расскажут, если захотят.

В общем, смерть Игната — даже такая внезапная, страшная, несправедливая — она меня не *держала*. Был один удар, и всё. А плен Артура Генриховича — *держал*, из-за него Лю могла начать делать глупости, и я тоже мог начать их делать... да мы и начали, собственно. Хорошо, что выкрутились, — повезло, но... Но.

Я всё это к тому рассказываю, что мы брели, и брели, и брели по совершенно тёмному бесконечному штреку, я выставил фонарь на самый слабый свет — чтобы только под ноги, — и вдруг Лю сказала:

— Извини. Я так больше не могу. Иди один, а я... Ну, я не могу, правда. Я только воду возьму?

— Ты что, не слышишь? — сказал я. Я ничего не слышал, но мне надо было её отвлечь.

— Что?

— Гудит.

— Нет. А что?

— Точно не слышишь?

— Ну... — она замерла, прислушиваясь. — Что это?

— Это барьер. Мы под Стеной. Это инфразвук на тебя так давит. Это не ты сама так думаешь. Понятно?

Она замялась.

— Идём, — настаивал я. — Нехорошо тут стоять. Тут всякую дрянь в мозги подцепить можно.

И — поволок Лю дальше. Уже без особой опасности подсвечивая себе путь. Она сопротивлялась, но с заметным сомнением.

— Змей, — ругнулась она вдруг. — Мы же забыли посмотреть, чего вдруг это все задёрнулись?

— Давай чуть попозже, — сказал я. — Найдём какое-нибудь закрытое местечко.

— Ну... А то вдруг мы вылезем, а там уже ничего нет.

— Может быть и такое, — согласился я. — Ну и какой смысл знать заранее?

Инфразвук я, может быть, и не совсем придумал: мысли путались, перед глазами возникали странные картины, тут же пропадали. Когда под ногами запружинили доски, а под рукой я обнаружил гладкие перила, то не мог понять, куда нас занесло, почему ночь и почему дождь. И откуда ветер.

(Штрек пересёк узкую косую расселину, выходящую на поверхность. По ней тоже можно было

выбраться, но мы этого не знали и об этом не подумали — мозги, что называется, отсушило. Прошли по мостику и двинулись дальше.)

Дальше был полный беспорядок: брошенные тачки и инструменты, штабеля брёвен и брусьев, между которыми приходилось протискиваться, вёдра, бочки...

И тут путь нам преградила решётка: новенькая, почти без ржавчины. Похоже, что решётка должна была сдвигаться и раздвигаться, но механизм, который делал бы это, валялся рядом, среди разбросанных болтов. Я не сразу, но догадался, как можно чуть-чуть сдвинуть решётку и без механизма. То есть это был ещё тот геморрой, и я ободрал все руки — но мы в конце концов пролезли в образовавшуюся щель и двинулись дальше.

И шагов через сто упёрлись в тупик.

— Я дальше не пойду, — сказала Лю.

Мы хлопнулись под стену. Я достал флягу, дал её выпить, глотнул сам.

— Не повезло, — сказала она.

— Ещё ничего не понятно, — сказал я.

— Ноги — в хлам, — пояснила Лю.

— Да ладно, — сказал я. — Отдохнём немного...

— Всего ведь ничего прошли. Если по карте.

— А-а. Под землёй так и бывает. Умножай на десять.

Я завозился, устраиваясь поудобнее. Вдруг локоть куда-то провалился. Я повернулся и посветил.

Встал.

— Интересно...

— Что? — Лю подняла голову.

Лицо её в тусклом свете было как размытое

светлое пятно с тёмными провалами глаз и рта, и я почему-то присел рядом и поцеловал её в один глаз, потом в губы, потом в другой глаз...

— Ты... — выдохнула она. — Ты дурачок...

И сама поцеловала меня.

— Что?.. Ну, зачем?..

— Не знаю... но так надо...

— Вот ещё, не выдумывай...

Мы снова поцеловались, крепко и долго.

— Я не выдумываю... что тут можно выдумать...

— Выдумать всегда можно... любовь какую-нибудь...

— Да ну, что ты, — и я снова её поцеловал, — какая ещё любовь...

— Вот и я говорю...

— К духам любовь...

— К духам... к змеям... и к драконам...

— Лю... слушай, я уже вообще-то думал — нам аллес...

— И я тоже...

— Кажется — нет.

— Что?!

— Не аллес. Ещё побарахтаемся. Хочешь ещё побарахтаться?

— Хочу. Ещё как!..

— Тут в стенке пробиты дыры. Точь-в-точь под взрывчатку.

Несколько минут я сидел неподвижно — пока шум ротора не стих. После этого я начал шевелиться.

Первым делом следовало проверить, с чем я тут

остался, и уже от этого рассчитывать свои дальнейшие действия. Я был совершенно спокоен, разве что брала досада за то, что сообщение прозвучало уже после того, как мы заключили сделку, и ферма эта ничего не стоящая, совершенно мне не нужная, но тем не менее ускользнула из рук. Промедли мы минут на пятнадцать... Ну да ладно. Армен построит себе здесь виллу, буду у него гостить.

Только и он хозяйство в руках не удержит. Вот вот такое начнётся — весь наш грюнсаудский период покажется пасторалью.

Я достал из-под сиденья искалеченной Собаки револьвер и патроны, револьвер сунул за ремень, патроны ссыпал в карман. Теперь имеет смысл ходить именно так.

В «сараях» — крытом котловане — я сразу нашёл, что искал: мотоблок, дисковую пилу, простую пилу. Сварочный аппарат. Лебёдку, пару бухт троса. Рулон плёнки «синтекс» №11, её используют для «остекления» летающих ферм и гондол дирижаблей. Не помню уже, зачем я её хранил. Аппаратик для её склейки и натягивания. Бидон с гранулами костного клея. Ну и много всего прочего по мелочи... ящик просроченных сигнальных ракет, например, и аптечка точно должна быть, а в ней кусочек каменного мёда, без него будет трудно продержаться трое суток на ногах, сохраняя ясность мысли. Ну и так далее.

В доме должны были быть вещи не менее ценные: две старые струганные столешницы (рука не поднялась выкинуть), фанерные стенные панели,

ровные доски и брусья (собирался делать стеллаж, но не собрался), несколько бумажных скатертей... вообще много всякой бумаги, если покопаться, такое можно откопать... В основном рисунки. Портреты. Это Тина настояла, чтобы я их увёз из городского дома...

Они и мне не нравились. Если портрет был похож — а я мог сделать очень похожий портрет, ну, вы понимаете, — так вот, он почему-то был мёртвый. А если лицо было живое, с настроением, то пропадало сходство. Такая вот незадача...

Ну, не всё же у меня должно получаться?

Она же их просто ненавидела. Ей эти шарканья углём по бумаге были хуже зубной боли...

Не отвлекаемся, сказал я себе. У нас трое суток. Работаем медленно, но непрерывно. Движения перетекают одно в другое.

И всё же я взял паузу. Истребил кусочек бесценного времени — просто для того, чтобы попятиться в пространство: исчерна-зелёное внизу, лиловато-синее вверху и белесоватое посередине. Далеко-далеко, так, что и мне приходилось всматриваться, кружили, раскинув длинные крылья, два дракона...

Гагарин

Торец штольни был по периметру основательно обсерлен — я думаю, скважин не меньше пятидесяти уже пробили и в нескольких местах ещё наметили дополнительные. Понятно, что выбить всю стену мне было не под силу, да и задачи я такой не

ставил перед собой, главное было — проделать дырочку, сквозь которую можно утечь.

Я ещё никогда ничего не взрывал. Все мои познания были сугубо теоретические. Правда, учителя мои заслуживали доверия, но...

Это как прыжки. Объяснять можно сто миллионов раз.

Я выбрал левый нижний угол штольни, чем-то он мне понравился, не знаю уж чем. Наверное, тем, что в одну из тех дырок я и попал локтем. Ну и тем ещё, что три дыры в углу — это треугольник, и если выпадет достаточно большой кусок породы, то и мы пролезем...

(Сказать, каким я был идиотом? Сказать? Ну нате, смейтесь: штольня подходила к отвесной стене. Там даже был небольшой отрицательный уклон. Четыреста метров... Смешно? Ага... Вот и мы тоже... потом... когда узнали...)

Итак, три дырищи, просверленные аккуратно и точно под диаметр больших взрывпакетов. Расположены в углах прямоугольного треугольника, не совсем равнобедренного, вертикальный катет шестьдесят сантиметров, горизонтальный — пятьдесят. В каждую дыру (я вспомнил название: шурф) вошло по два взрывпакета. Я подумал, что если во взрывпакеты уже намертво вогнаны и залиты смолой огнепроводные шнуры, то ничего дополнительно вставлять не надо, это такая взрывчатка, что

долбанёт просто от соседнего. Но на всякий случай проковырял в картоне несколько дырок. Оттуда ничего не высыпалось; а запахло, как мне показалось, уксусом.

Труднее было придумать, как сделать, чтобы они рванули одновременно. И, в общем, ничего, кроме точно отмеренных кусков огнепроводного шнура, я не придумал. Три собственно запальных — коротких и одинаковых до миллиметра — отрезка свёл в одну точку, подвёл туда же конец шнура длинного, привязал для верности несколько спичек — головками в пороховую мякоть. Всего у меня шнура было метра два, и я не знал, с какой скоростью он горит. В любом случае отбежать надо было хотя бы до решётки...

ТЕТРАДЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Люсьена

Пока Гагарин возился со взрывчаткой, я отбежала за пределы видимости — потому что гидравлике ничто противостоять не может, никакая сила воли. Я едва успела присесть, как из меня хлынуло, и потом лилось, лилось, лилось — вообще непонятно, откуда в человеке может быть столько воды. Я обмякала, как пропоротый дирижабль. И было дурацкое чувство, что вот сейчас всё из меня выльется, и все проблемы тут же разрешатся так же просто и сами собой. И ещё опухала прокушенная губа, я трогала её языком. Ну, надо же... ведь я же его почти не знаю (и всё такое)... В общем, я вела себя не так, как положено вести себя девице из хо-

рошей полушаманской семьи с традициями. Что бы подумал папочка?..

Хорошо, что он жив.

Плохо, что нас могут убить. И ещё хуже, что могут убить не сразу.

А впрочем...

Я вдруг поняла, что из жизни исчезла сложность. Всё стало так просто. Невыносимо просто.

Я натягивала штаны, когда появился Гагарин.

— Побежали, — сказал он. — Сейчас как долбанёт...

Мы побежали. И тут же увидели впереди прыгающие лучи фонарей. Я шарахнулась вбок, хотела прижаться к стене — и как будто провалилась. То есть стены просто не оказалось.

— Иди сюда!..

Гагарин услышал и понял.

96

Сначала я снимал (варварски, пару раз просто отпиливая) всё лишнее: втулку ротора, силовой вал, коробку раздаточного редуктора, рулевой винт. От Собаки осталась голая рама, хвостовая балка, пилоны с двигателями, шасси. Крыло я сделаю полужёсткое, довольно большого удлинения, качающееся относительно продольной оси — это для того, чтобы не заморачиваться с элеронами. Подходящие углепластиковые трубы лежат в сарае с давних времён, могу даже постараться вспомнить, зачем я их покупал, но смысл? С крыльями проблем я не вижу. Оперение — из деревянных

реек, их полным-полно, как раз хорошо просохших. Самая трудная и трудоёмкая часть работы — винты, как ни странно. Дело в том, что моторы Собаки расположены низко, и даже если поставить её на колёса от мотоблока (а я всё равно собирался это делать), то расстояние от земли до оси будущего винта будет всего шестьдесят сантиметров. Меня долго скребли эти самые шестьдесят сантиметров, пока я не сообразил — диаметр винта (идиот, кретин!) при этом будет метр двадцать. То есть наверняка больше, чем надо. Я прикинул в уме по формуле (мощность — скорость вращения — предполагаемая скорость полёта) — и у меня получилось, что достаточно диаметра в один метр ровно. Можно даже чуть меньше. Как раз укладываемся в габариты...

С винтов я и начал. Подходящие брусья бонго нашлись в доме — заготовленные на случай ремонта кровли (который так и не понадобился) и за годы ожидания просохшие до металлического звона. Это болотное дерево сырым ни на что не годится, но постепенно набирает прочность; правда, обрабатывать его тяжело, инструмент вязнет. Зато оно не щепится и не трескается.

Я отпилил два метровых куса, просверлил в каждом центральные отверстия для валов (пока узкие, потом я их постепенно расширю), рубанком освежил грани. Потом неторопливо и тщательно просчитал винты, набросал чертежи, нарисовал и выпилил из фанеры несколько лекал. Перенёс на грани брусьев проекции винтов: спереди и сбоку. Орудуя дисковой пилой, снял большие куски лиш-

ней древесины — а потом взял топорик и начал вить стружку...

Часа через полтора, заканчивая доводку второй заготовки, я услышал сверху рокот мощного мотора. Он довольно быстро приближался, пересёк зенит — и вдруг оборвался разом.

Я выскочил из сарая...

Гагарин

Самого взрыва я не слышал: просто ударило по ушам и подкинуло, дёрнуло вверх — точно так же, как дёргает при раскрытии парашюта. И тут же со всех сторон начали валиться мягкие тяжёлые камни, заваливать нас, я схватил Лю и держал, камни молотили меня по спине, потом всё кончилось. Я был как в банке с мукой или внутри огромной подушки, ничего не видно, а звуков просто нет никаких, и ещё чертовски трудно двигаться. А потом как-то непонятно — рукой, плечом, затылком — я ощутил ток воздуха и стал проталкивать Лю туда, вверх, а она сопротивлялась и не шла. Но я всё-таки её протолкнул. Она исчезла, вернулась, подала мне руку. Я полез куда-то вверх, потом ещё вверх, потом ещё и ещё вверх, я сползал вместе с землёй, по которой лез, увязал в ней, выкарабкивался, проталкивал себя в какие-то совсем узкие пространства...

И вдруг стало что-то видно, хотя всё расплывалось. Глаза были полны света и пыли.

Я стоял, по плечи высунувшись из ямы, справа и слева от меня в землю уходили исполинские кор-

ни, а за спиной, надо полагать, возвышался жуткий корявый ствол горного лапа. Лап может вырасти и на отвесном склоне, но нам повезло — здесь была покатая площадка, терраса шагов двадцати в ширину и с полсотни в длину.

Какое-то время я продираю глаза, а Лю откашливалась, а потом мы посмотрели друг на дружку и расхохотались. Чумазость и оборванность наши были запредельные, феерические. Сумки и оружие остались где-то под завалом, только у Лю чудом удержались на поясе нож и планшет. Я обхватил её за плечи, а другой рукой ерошил ей волосы, а она заливалась смехом, не могла остановиться, и я тоже не мог.

А чуть позже я увидел маленький пруд. Здесь по отвесной стене рядом со стволом лапа сверху сползал распластаный в плёночку ручеёк; наверное, он и промыл когда-то дыру, через которую мы выползли. А когда внизу поняли, что ручей этот будет заливать штольню, его просто потихоньку, незаметно отвели в сторону.

Вода была прохладная, но не холодная. И поместиться в прудике вдвоём оказалось вполне можно и даже достаточно удобно. Я наконец промыл глаза...

Люсьена

Я ведь понятия не имела, чего мне от себя ждать, потому и боялась, и зажималась, и тормозила в последний момент, а он был такой бесконечно терпеливый и нежный, он тоже сказал потом, что

не знал, чего от меня ждать, и страшно боялся, но я ему не верю, он ничего не боится. Никогда и ничего не боится, я говорю, потому что это знаю, я просто знаю, и всё.

97

Автожир — как, впрочем, и лёгкий вертолёт — вполне может сесть при отказавшем двигателе. Просто он при этом почти перестаёт управляться. Только что была послушная каждому движению рук лёгкая машинка, и вдруг — непонятно что. Чтобы заставить его снова слушаться рулей, нужно сильно накренить аппарат вперёд, заставить чуть ли не пикировать — а это чревато.

Но у Кумико — а это была Кумико — другого выхода не было. То есть если бы она позволила аппарату сесть на авторотации, как этому учат на курсах, то просто промахнулась бы мимо скалы, и всё. Нужно было очень аккуратно, не срывая поток, выполнить нисходящую полуспираль, разменяв жалкую высоту на жалких полторы сотни метров возврата. И девочка справилась. Ну, почти.

Если бы она не устала так — а лететь почти пять часов на автожире даже в хорошую погоду тяжело, это работа для крепких мужиков, руки потом весь день трясутся, — если бы не устала, она бы даже нормально села. Девочка вообще-то пилотировала, как ангел. Но усталость сказалась, и то ли глазомер подвёл, то ли реакция снизилась, но она на выравнивании слишком сильно подала ротор, машинка потеряла скорость и провалилась на пару

метров, и лопасти сзади, за спиной, ударили по земле и кустам, аппаратик бросило влево, он зацепился колесом за камень, развернулся почти на сто восемьдесят, в этот момент одна лопасть оторвалась и просвистела надо мной, а сам аппарат, влекомый инерцией — да ещё и поддёрнутый оставшейся лопастью, — повалился на хвост, смяв оперение, и так и застыл...

Кумико

Я думала, не сяду. Сначала я вообще думала, что не долечу, мотор несколько раз начинал чихать и дёргаться (воды в баке оставалось ещё довольно много, и фильтр был почти чист, и в чём было дело, мы так потом и не поняли), а когда я по дурной пилотской привычке пролетела над будущей посадочной площадкой — вместо того, чтобы садиться с ходу, — встал мёртво.

Но, можно сказать, я села. Как, каким чудом — не знаю. Просто не помню. Я очнулась, когда Север нёс меня на руках. Это было чудесно.

98

Единственно, чего я испугался в первый момент, — это что взорвётся или загорится водород, но водород не взорвался, я выпутал Кумико из ремней и сначала волоком оттащил немного в сторону, а потом подхватил на руки и понёс в дом. На полпути она задёргалась, но быстро поняла, что

всё в порядке, тем не менее с рук не слезла, делала вид, что это такой обморок.

(Тебя когда-нибудь носили на руках? — спросила она когда-то в другом мире и другом времени, я сказал, что нет, и она меня пожалела: ты не представляешь, как это хорошо...)

Кумико

Он смешной. Я хоть и пришла в себя, но я не понимала, где я, что я тут делаю... и вообще меня всё время как бы опрокидывало назад, вот представьте: вы сидите на скамье и вдруг валитесь на спину, но не ударяетесь — хотя и ждёте удара, — а падаете ещё и ещё, куда-то назад-вниз-внутрь... а, духи, бесполезно объяснять...

В общем, при посадке я неплохо приложилась головой.

99

А мне снова придётся забежать вперёд, чтобы рассказать о событиях, которые происходят сейчас. Потому что сейчас я о них знать не могу, верно? (Я имею в виду не «сейчас», когда пишу всё это, а «сейчас» — тот момент, о котором рассказываю и в котором как бы пребываю. Сейчас-то, когда пишу, я знаю почти всё, и это сильно мешает. Сбивает.) А объяснить кое-что придётся, потому что иначе получится как бы «бог из машины» — это такое древнегреческое выражение, означающее, что события подправлены кем-то посторонним и до этого в деле не замеченным. Хотя, если

разобраться, в нашей жизни этот самый «бог из машины» реально присутствует — я имею в виду земляков...

Хотя выражение обычно используется в другом смысле.

В общем, я запутался.

Я уже убеждался не раз, что о том — без ложного пафоса — первом дне новой жизни у всех сохранились очень смутные, туманные воспоминания. Если, разумеется, не происходило чего-то другого, яркого, как, скажем, у Гагарина с Лю. Тут хочешь не хочешь, а запомнишь и дату, и обстоятельства. А так... Почти все уверены, например, что ураган и экстренное общепланетное сообщение случились то ли в один день, то ли, наоборот, с интервалом чуть ли не в месяц. И почти никто не воспринял то, что было донесено до них, сразу и целиком — а как-то по частям, по отдельным смыслам.

Возможно, земляки на это и рассчитывали. То есть провели первый этап отсева.

Очень чётко и оперативно среагировали серые. Ну, я бы другого и не ждал. У них у самих отсев при «приёме на работу» ведётся по схожим принципам. Получаешь ты неожиданную информацию — и реагируешь на неё чётко, без готовых схем, без сантиментов и без шор. Без шор — вот это главное.

И не менее чётко отреагировали подростки. Старшеклассники. Эти как будто чего-то подобного и ждали. И что вот именно сегодня всё и произойдёт. У них уже как будто был готов план дей-

ствий. Хотя, разумеется, ничего такого быть не могло, никаких заготовок, но впечатление ровно такое: ребятам дали отмашку, и ребята стартовали в ту же секунду...

А некоторые, особо одарённые, даже заранее. Я, понятно, имею в виду Подколодных.

Ну и ещё были люди... как бы сказать... цельные. Тина, например. Выслушав сообщение до конца, она положила в сумку буханку хлеба, несколько полосок вяленого мяса, пару метательных ножей, пошла к причалу — и угнала чей-то небольшой пикап. И полетела к острову Ливадия, с которого была родом и где у неё оставались дальние родственники.

Из-за этой её цельности мы с ней, наверное, так долго и прожили. Не испытывая друг к другу никаких особых чувств.

Задним числом, конечно, но — я ведь когда улетаю, то понимаю, что улетаю насовсем. Навсегда. И она, когда не вышла из дому, чтобы помахать...

Ладно, не будем об этом.

Короче, Тина была из первых, кто тронулся в путь. И кто понял, что на нарушение некоторых старых законов потом посмотрят сквозь пальцы, поскольку забудут, да и вообще — победителей не судят...

По крайней мере, победители хотели бы, чтобы всегда было именно так.

Подколодные влипли в свою часть истории совершенно спонтанно, без подготовки. Я не уверен, что они рассказали мне всё; в их версии произо-

шедшего зияли лакуны, но касались они скорее мотивации, чем действий как таковых.

Разочарованные моим отношением к их прорыву в самолётостроении, Подколотные тем не менее решили испытать изделие (не пропадать же добру!) в драконоудалённом месте, а именно на овечьем пастбище в горах Монтрезор, в сотне километров на северо-запад от Дальнего. Они разобрали самолёт на составные части, погрузили его на свой колёсный грузовичок и попылились навстречу приключениям и, как мне кажется, честно заработанной мучительной смерти. Но до пастбища они не доехали, прозевав поворот и заехав на какую-то охраняемую территорию. То есть поначалу они якобы не знали, что территория охраняемая и вообще кому-то непублично принадлежит.

(Поясняю на всякий случай для незастебанцев: вообще-то у нас вся земля — не тайга, а та, где можно безопасно находиться, — кому-то принадлежит; но владение может быть публичным и непубличным, то есть во втором случае вы ограничиваете в свои владения доступ посторонним. Разница по налогам в тридцать пять раз, поэтому непубличных владений мало.)

Им просто понравилась ровная площадка. И они собрали там свой самолёт и немного испытали его. А потом их всех троих сгребли и довольно грубо, на пинках, препроводили в подвал. Сказав: ждите, вот приедет хозяин, он решит, что с вами делать. Из подвала их ночью выпустил такой же пацан, только ещё более отмороженный (это и был сын Изи, Юрка; правда, он назвал себя Гавриилом). Он сказал, что представляет бригаду Железных, был

здесь на разведке, поскольку, по слухам, сюда садятся небольшие космические катера, тут он ничего не нашёл, но зато узнал, где катера стоят — законсервированные, в смазке. И не хотят ли господа Подколодные помочь ему хотя бы один из катеров позаимствовать на нужды Сопротивления?

Ещё бы Подколодные такого не хотели!..

(Кстати, потом мы попытались выяснить, что это было за хитрое именьице, кому оно принадлежало и чем занимались хозяева. Но так ничего и не получилось: во-первых, подлинный владелец скрылся за «вертушкой», то есть владение было оформлено на большую группу лиц, каждый из которых владел всей собственностью едва ли не несколько часов в год; это вполне легальная практика, хотя и считается действиями на грани фола; наличие хорошо поставленной «вертушки», как правило, означает, что в деле замешаны либо высокие чины синих, либо те серые, которые имеют дела напрямую с земляками. Ну, а во-вторых, никого по-настоящему это уже не интересовало, праздное любопытство, не более того. Разве что газетчики одно время рыли землю, пытались кого-то выволочь за хвост из норы — но, насколько мне известно, безрезультатно...)

Уже вчетвером они угнали свой же грузовичок, добрались до окраин Дальнего, потом, не заезжая в город, проехали на юг до самого конца суши. Там была странная почти пустая деревня. В сарае, заваленный всякой всячиной, валялся сдутый пикап. Они его сумели расправить и наполнить, не повредив старую слежавшуюся оболочку. И полетели на нём — ночью, ориентируясь по карте, по звёздам и

по Башне. На подлёте к Ключам им помигали снизу, и вскоре оттуда всплыл безмоторный баллон. Подколенные взяли его на буксир и на самой малой скорости поволокли за собой. С баллона на пикап по канату перебрался мальчишка, совсем ещё маленький, лет тринадцати. Он сказал, что ничего нового раскопать не удалось, и всё, что у них есть, — это четыре полицейских парализатора, правда, с новыми батарейками.

Всего в деле случилось двенадцать пацанов, но таких технически подкованных, как Подколенные, больше не нашлось... Во-первых, именно они сломали сигнализацию. Во-вторых, только они разобрались с управлением катером. По идее, конечно, оно очень простое, рассчитано на самых тупых земляков, но всё же надо понять (не изучая до этого ничего похожего), что означают те или иные знаки на пульте.

Саму историю угона они рассказывали особенно сбивчиво и лаконично, так что я ничего не буду придумывать от себя. Их вёл большой парень, встречавший пикап. Он уже знал, где что находится. Они вошли, куда надо, вырубил парализатором сторожа, потом замкнули нужные провода. Стояло четыре катера готовых и ещё два или три со снятыми частями. Все расселись по катерам — с ними Юрка-Гавриил, — большой парень откатил ворота, и тут началась пальба. Стреляли с двух сторон из чего-то бесшумного, но очень яркого. Руслан и Герман в четыре руки сумели поднять катер, вывести его наружу и улететь. Они сначала просто отлетели подальше, потом поняли, что будет погоня или что похуже, нырнули вниз, в таигу, под кро-

ны деревьев, а потом Юрка вообще предложил забраться в пещеру, и они действительно нашли пещеру и в неё забрались. Это была самая южная оконечность хребта Мировского, места совершенно безлюдные...

Я не имею понятия, почему землянки их не засекли, а если засекли, то почему не сдали синим. Объяснения могут быть любые. Мы ведь до сих пор не знаем, каков тогда был уровень их шпионства: то ли, как в легендах, они видели и знали каждое наше шевеление пальцем, то ли, как это официально заявлялось, они лишь отслеживали и предотвращали разработку и применение запрещённых технологий. Куда ни кинь, здесь-то был именно факт незаконного владения, незаконного применения и так далее — однако землянки не то проморгали, не то всё это вписывалось в канву какой-то их же тайной операции... не то им уже было совсем не до нас.

Землянки при всех их бесконечных технических возможностях иногда бывают очень небрежны, нетщательны. Генерал говорил, что им просто неинтересно, скучно надзирать за нашей нелепой провинциальной планеткой, и те, кто вынужденно это делает, просто отбывают наказание. Не знаю... я расспрашивал туристов и иммигрантов и на эту тему тоже, но про такие наказания они ничего не слышали. Думаю, для тех, кто служит, это просто ступенька в карьере, неприятная, но необходимая. А та странная нетщательность при страшном хитроумии и почти полном всемогуществе, которая

нас время от времени ставит в тупик, — она происходит по другой причине, и я почти понимаю эту причину, но мне не хватает слов, чтобы её объяснить...

В тот раз, мне кажется, им было именно не до нас; вряд ли они точно знали, что должно вот-вот произойти, — иначе были бы утечки и разного рода знаки и сигнальчики, это уж наверняка, слишком плотно наш легальный и нелегальный бизнес на землянках завязан, — но какие-то сбои в системе начались. Землюки целой толпой свалились тогда на Ключи, кого-то арестовали, не сумевших улететь пацанов отвезли в карантин... но продолжения эта история не имела никакого. Сделали — и тут же всё начисто позабыли...)

В пещере нашлась вода, нашлись грибы — в общем, ребята отсиживались, строя планы и ожидая какого-то обещанного Юркой сигнала, и тот делал значительное лицо и тоже как бы ждал сигнала, хотя и знал, что никакого сигнала не будет и что они вляпались по самые маковки, надо что-то делать, но что? Ответ не приходил. Шёл день за днём, и вдруг у всех заверещали планшеты...

ТЕТРАДЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Гагарин

Нас так и взяли: голыми и разнежившимися. С характерным шипением совсем близко от прудика опустился катер, верх его откинулся — и на

нас уставились два равнодушных серых глаза. Секунд несколько мы играли в гляделки, потом пилот спросил:

— Ну?

— В смысле?

— В смысле, долго я вас буду разглядывать? Поехали.

Я встал. Лю тоже.

— Э-э... офицер. Вы не могли бы приподнять машину? Там наша одежда.

— Не валяйте дурака. Эти тряпки всё равно сожгут.

— И нож.

— Ножи вам не скоро понадобятся. Лезьте, время дорого.

— И планшеты.

Он кивнул, приподнял катер на полметра и впечатал его в землю так, что мы подскочили.

— Теперь, я думаю, всё? — спросил он.

— Да, наверное, — сказала Лю и шагнула на заднее сиденье. Вода с неё стекала — и тут же впитывалась обшивкой. — Спасибо за участие, офицер.

Я полез следом. Едва я уселся, над нами образовался прозрачный колпак, а откуда-то снизу подул тёплый воздух с резким запахом йода.

Катер рванул свечой вверх, нас сильно вдавило в спинку — и друг в друга. Лю вцепилась мне в руку, сжала кисть так, что пальцы слиплись. Сначала я подумал — это от страха. Но потом посмотрел на неё и понял, что она так меня успокаивает.

Кумико

Я проснулась и испугалась — или я испугалась и проснулась... Не важно. Чего-то не хватало. Вот только что оно было здесь, а теперь зияет пробоина, и в пробоину тянет ледяным ветром.

Надо было найти воду. Я села, потом встала. Голова была тяжеловата, а тело просто не весило ничего, поэтому равновесие приходилось угадывать, ловить и сохранять. Это была почти игра.

Место было незнакомым, но очень обычным: фермерская лачужка, место временного — когда ты не на настоящей летающей ферме, а волею нужд прикован к острову — проживания. Плетёные стены без окон, холодный очаг, прочный потолок, «вечные» лампы с их желтоватым (или красноватым, это кто как воспринимает) светом, старинный буфет и такой же старинный шкаф — и, может быть, я не узнавала всё это только потому, что приложилась головой? Я помнила, как бездарно вмазалась в грунт, как Север нёс меня...

Где он, кстати?

И тут Север, словно услышав зов, появился. Откинулась шумная занавеска из множества сцепленных между собой дощечек, на каждой из которых была нарисована детская картинка, и появился Он, пахнущий деревом и железом, с рукавами, закатанными выше локтей...

100

— Вот это да, — сказала Кумико и стала смотреть в огонь. Я подбросил ещё две чурочки. — И ты?..

— И я. Ты же знаешь — я всегда, пока это можно, играю по правилам.

— Знаю...

Она вздохнула. Она вздохнула, и я почувствовал себя виноватым. Я и был виноват...

— И это начнётся...

— Через трое суток с момента передачи сообщения. То есть уже через шестьдесят один час.

— И ты надеешься успеть?

— Теперь — да. Теперь ты со мной. Нас двое...

— И вдвоём мы свернём горы... Я же ничего не умею руками.

— Сбегать, принести, поддержать, дать воды... Но сначала ты отлежишься хотя бы день, хорошо? Чтобы я не беспокоился.

— Как скажешь, о повелитель.

— И... ты извини, но я буду... думать только о... э-э...

Теперь она засмеялась.

— Что?

— Ничего. Ты такой смешной. Я не буду объяснять, ладно? Ты просто знай.

Люсьена

За Стеной я уже бывала. Дважды. Первый раз в детстве, лет четырнадцать назад. Что забавно — мне не понравилось. Отец был страшно занят, страшно озабочен, ему было совсем не до меня — думаете, маленькие девочки такое прощают? Потом уже я стала понемногу понимать, что годы те

были самые послевоенные, злые, беспощадные, а он что-то улаживал, что-то хотел изменить... но когда я попыталась его расспросить, он мне это запретил. Никаких расспросов. Забудь.

Я постаралась забыть. Послушная, ничего не простившая девочка...

В общем, повторюсь: тогда мне не понравилось, а потому, наверное, и не запомнилось почти ничего. Ну, высокие такие полупрозрачные потолки — настолько высокие, что под ними растут деревья. И люди ходят по каким-то воздушным дорожкам. И ещё мы долго ждали, когда нас пропустят, — я даже поспала, удобно устроившись у отца на коленях. И всё.

Я потом очень удивлялась, что другие чем-то восхищаются. Чем? Этими мостиками?

Второй раз — в позапрошлом году. Университет Лянхая, где я тогда жила (именно в университете — жила, но не училась, а исполняла роль своего рода наглядного пособия: вот на что способна медицина... ладно, это я зря, в конце концов, именно там меня собрали по частям, поставили на ноги и заново научили ходить), так вот, наш университет дружил с каким-то земным... ну, делал вид, что дружит, а на самом деле потихоньку подсасывал деньги. Время от времени к нам прилетали студенты-землюки, что-то изучали и отбывали обратно. И вот какой-то группе приспичило изучать наши примитивные верования: культ предков и всё такое. И из меня снова сделали учебное пособие — как же, внучка-правнучка и так далее в периоде — настоящих шаманов, у неё даже фамилия соответ-

ствующая... Я исполнила свой долг перед университетом — но оказалось, что нас ждёт продолжение: восхищённые чем-то студенты пригласили меня на экскурсию к Башне и по её окрестностям — и я, дура, согласилась.

Ну, что сказать... Как раз машинный медосмотр оставил меня почти равнодушной, ведь машина не может унижить человека. Другое дело — отношение людей. А оно...

Ф-ф-ф... Нет. Извините. Хотела бы рассказать, но не могу. Сразу накатывает такой стыд, я даже не знаю, за кого: за себя, за земляков, за наших...

Извините.

Нет, сама поездка оказалась интересной. Но на все красоты и диковины я смотрела сквозь пелену обиды и унижения. Чем, наверное, обидела пригласивших меня, а уж они-то точно ни при чём.

Я потом долго думала, нарочно земляки унижают нас — или же просто не понимают, что унижают? Или им всё равно?

Решила, что нарочно.

В общем, когда нас с Гагариным быстренько прогнали через медосмотр и дезинфекцию, а потом в одинаковых светло-зелёных балахонах, в прилегающих масках на пол-лица и с волосами, измазанными какой-то охлаждающей скользкой дрянью, поставили перед высоким темнокожим офицером в ослепительной белой форме, я не испытала ничего нового. Правда. Всё уже было, и тогда кончилось хорошо. По законам симпатической магии сейчас тоже должно было кончиться хорошо.

★

Офицер, разговаривая с нами, всё время чуть-чуть отсутствовал, это у земляков общая и довольно неприятная черта, но... так уж они устроены, вот и всё.

Сначала он ещё раз спросил наши имена, место постоянного жительства и профессию (я сказала «без постоянного пристанища» и «свободная профессия», и пусть думает, что хочет) и осознаём ли мы, что нарушили Конфедеральный Пакт, Положение о разграничении территорий, статья шестая. Мы сказали, что осознаём, но действовали в рамках того же пакта, Положения об общегражданских правах, статья семьдесят вторая, «действия в состоянии жизненной необходимости и действия, совершённые под воздействием непреодолимых обстоятельств» — короче, невиновны при смягчающих обстоятельствах. Офицер удивлённо приподнял брови и поинтересовался, действительно ли нам было до такой степени невтерпёж? Гагарин, как мне показалось, собрался съездить ему по морде, но я его удержала (тем более что шансов у Гагарина не было, офицер сидел в невидимом «стакане» из той же дряни, из которой сделана Стена); офицер вовсе не хотел сказать скабрёзность, он имел в виду что-то другое, и я попросила его повторить всё то же самое, но другими словами. Он пристально уставился на меня, явно тормозя. Потом показал нам на белый диванчик: садитесь. Мы сели.

— Как вы вообще попали на эту сторону? — спросил он.

Самое смешное, что этот вопрос нам задали впервые. Казалось бы...

— Через подземный ход, — проворчала я.

— Так... — он снова задумался. — Это произошло сегодня?

— Да.

— Сообщение, переданное по общепланетной сети, вы слышали?

— Что? — спросил Гагарин.

А я как-то сразу поняла: вот почему хором верещали планшеты.

— Нет, — сказала я. — Мы ничего не слышали. Наши планшеты засыпало обвалом.

— Интересная коллизия, — сказал он почти весело. — А ну-ка, выкладывайте всё.

101

— Ты что-то скрываешь, — сказала она потом.

— Да.

Если бы здесь было окно, я бы смотрел в окно.

— Что?

Я капнул себе ещё несколько капель рома.

— Можно в трёх словах и без объяснений?

Кумико водила пальцем по столу, не замечая этого. В детстве она вот так же что-то рисовала на столе.

— Когда-то я от тебя получала больше... Извини. Когда ты меня учил. Да. Но не потом.

Справедливо. Несправедливо, но справедливо.

— Я ведь объяснял, почему.

Палец на секунду замер. Потом продолжил линию.

— С этим трудно смириться.

Уже ничего не сделать. Так будет до смерти.

— Я с этим живу. И я... не виноват.

Она спрятала руки под стол.

— Я не хотела тебя обидеть.

Маленькая моя...

— Ты не обидела. Я просто... я уже забыл — как это: быть просто человеком. Забыл. Я не могу сказать, что мне тяжело. Но мне... мне сложно. Пони-маешь?

Кумико медленно, опасно кивнула. В ней бродило что-то тёмное, неправильное — и никак не могло вырваться наружу. Она летела ко мне — и вот прилетела. Я весь деревянный, и я думаю не о ней.

— Наверное. Так что ты не хочешь мне говорить?

Что год от года я чувствую себя всё более одиноким...

— Последние несколько лет готовилось новое восстание. Я не знаю точно кем. Южанами, частью кланов... не знаю. Никто из ранее засвеченных посвящён в подготовку не был. Разумно. Землюки по каким-то причинам посчитали, что доводить дело до прямого столкновения им невыгодно. И сделали упреждающий ход. Вот этот... — я кивнул на планшет.

Он всё так и лежал на столе. На белом экранчике чернели маленькие чёткие буквы.

Поставившие наш мир с ног на голову.

— Ты ведь не думала, что земляки проявили какую-то там добрую волю — или как оно называется?

Кумико долго молчала.

— Нет. Я так не думала. Но я хотела надеяться...

Я на секунду почувствовал себя подонком, отобравшим у девочки куклу.

— Надеяться мы можем только на себя. И больше ни на кого в мире.

Она взяла в руки планшет. Она держала его так напряжённо, будто он весил килограммов десять.

— Граждане планеты Эстебан, — начала она читать вслух и с каким-то странным выражением: как бы переводя текст с полузабытого чужого языка. — Говорит Земля. Передаём важное правительственное сообщение. Движимые состраданием и чувством поправленной справедливости...

Кумико

Движимые состраданием и чувством поправленной справедливости земляки прекратили импортировать концентрат пыльцы, поскольку его добыча связана с повышенным риском для жизни.

(Лучше бы прямо сказали, что научились наконец синтезировать заменитель.)

В связи с этим блокада с Эстебана снимается, планете возвращается полноценное членство в Конфедерации, все междупланетные отношения переводятся в обычный режим.

(Как будто ничего и не было.)

Поскольку за годы вынужденной изоляции общественные и государственные институты Эстебана не развивались, а лишь деградировали, вы-

движения общественных лидеров не происходило и так далее, земляки решили поступить просто и загадочно: ровно через трое суток после оглашения этого сообщения Стена будет убрана; все желающие могут принять участие в Великой Гонке На Чём Угодно; тысяча финишировавших первой будет приглашена на Землю для специальной подготовки, после которой они гарантированно получат места в заново формируемых органах государственного управления.

(Земляки так задёшево сдали синих! Даже не задёшево, а даром. Использовали — и в канализацию.)

Итак, пользоваться можно любым видом транспорта. Финишную черту следует пересекать по земле. Черта проведена вокруг Башни, не ошибётесь. Успехов всем, и пусть победит сильнейший.

ТЕТРАДЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

102

(Потом, когда всё кончилось, было много попыток объяснить, почему земляки избрали такой нелепый способ формирования новой элиты. Кто-то говорил, что они хотели погрузить эту первую тысячу в списанный звездолёт и как бы по ошибке загнать его за край обитаемой Вселенной; другие считали, что выборка шла по темпераменту и удачливости, а на Земле всем этим крутым вправили бы мозги. Я сначала тоже изобретал какие-то объяснения, а потом вдруг понял, что этот способ ни-

чуть не хуже любого другого — когда время поджимает. А время поджимало очень крепко, но этого мы тогда ещё не осознавали...)

Может, и хорошо, что Кумико разнесла винт автожира в щепки, а то у меня был бы соблазн скопировать его — и это могло оказаться делом более долгим и трудным. Потому что пришлось бы вручную копировать фабричную вещь, понимаете? А так — две кустарные поделки...

Я вчера обтесал заготовки примерно к полуночи и посадил Кумико скоблить их стеклом; кривизна и толщина лопастей могла гулять на миллиметр и даже больше, а вот вес должен быть практически идеально равный, иначе вибрация разобьёт подшипники. Ровно по центру втулки, там, где пройдёт хвостовик вала, я просверлил тонкие отверстия и вставил туда сварочные электроды; на этих импровизированных осях я вывесил винты между двумя параллельными досками. Следовало добиться, чтобы после толчка винты останавливались в произвольном положении. Кумико всё поняла с полуслова; сам же я пошёл добивать разбитый автожир. Собственно, от него мне нужны были колёса и кой-какие элементы системы управления.

Эх, если бы Кумико не разнесла так машину при посадке... я бы просто поставил вместо ротора крыло да почистил бы реактор, и всё. Кабина «Махмади» просторная, практически двухместная, мотор мощный...

Но — не судьба.

Впрочем, мне всё-таки повезло: хотя оперение

здорово помялось, сами пластины рулей уцелели. Это сэкономило мне не один час работы. Я поси- мал всё, что смог, и поволок это к Собаке.

Подходя к сараю, я услышал пение.

В день от солнца жёлтый
Голубая жабка
Любит в луже полоскать
Голубые лапки.

В серую погоду,
Вспрыгнув на диванчик,
Жабка смотрит рыжий сон
Про солнца одуванчик.

В синюю погоду
Жабка странной масти
Скачет в луже и поёт,
Ошалев от счастья.

Но какой бы краской
Ни был день расцвечен,
Всё ж сиреневый, как сон,
Наступает вечер.

Всё съедают тени
И туман лиловый.
Жабка прячется от всех
Под листок кленовый...

Я постоял, а потом ушёл тихо-тихо, стараясь ни- чем ни за что не задеть. И, конечно, задел.

Гагарин

Офицера звали Панчо, и родом он был не с ко- ренной Земли, а с Примаверы, старейшей из коло- ний (если не считать колониями древние и абсо- лютно зависимые от Земли крошечные поселения

на Марсе и Титане — ну и ещё совершенно безумный Орбитвилль, просуществовавший тем не менее почти сто лет). Примавера была полностью интегрирована с Землёй, имела прозвище «Шестой континент» (хотя, мне кажется, на Земле их всё-таки четыре... или пятым они считают-свой океан? — в общем, не знаю), гражданство и правительство у них было общее, и вообще это был такой старый тесный союз внутри Конфедерации, называвшийся Тринити: Земля, Примавера и Нова.

Не знаю, сказалось ли происхождение или что-то другое, но Панчо проявил себя не полным землюком. Он не отправил нас назад и не посадил в изолятор — хотя мог и вообще-то был обязан. Он только сказал: не мозольте глаза, вот вам угол, вот вам койка — и сидите тихо. Когда Стену уберут, я вас выпущу. И тогда уж — как-нибудь сами.

Угол, что нам достался, был маленькой комнаткой при огромном пустом ангаре. В этот ангар можно было завести средних размеров дирижабль. В комнатке же стояла только койка, а сразу за дверью — стойка с бутербродами и гигиеническая кабинка-трансформер, я про такие только читал, а своими глазами ещё не видел. Подходишь, нажимаешь на квадратик с нужным знаком, происходит такой звук: «Вж-ш-шиу!» — и за дверью уже то, что тебе надо: или унитаз, или душ, или стоячая ванна, или массаж, или какая-то шуршащая гадость, от которой с тела (хорошо, что не с головы!) исчезли все волосы. И Лю сказала, что ею же можно вывести с тела все тату.

Ну, этого мы пока не собирались делать...

★

Койка тоже была своеобразная: раздвижная пластмассовая рама на одной круглой ножке, и внутри этой рамы как бы насыпана груда маленьких шерстяных шариков. Совсем маленьких, с горошину размером. Они совершенно ничем не связаны, просто висят в воздухе, но при этом не разлетаются, держат тебя так, будто лежишь в гамаке, укрывают — как-то очень уютно, не жарко, не холодно... ну и не мешают, не лезут никуда...

В общем, выбираться из этой койки нам не хотелось совсем. А мы, собственно, и не выбирались. Иногда — поесть, попить.

Интересно — мы почти не разговаривали. То ли боялись, что нас подслушают (если подсматривают — так и духи с ними), то ли любой разговор мог разрушить безмятежность, а мы этого не хотели. Не знаю.

Каждый час мог оказаться последним. И каждая минута.

103

Наверное, это будет долго, скучно и утомительно: рассказывать в деталях, как я сделал за три дня самолёт. Сделал. Чтоб было понятно: я ведь ничего не изобретал, я всё это помнил, видел, знал, что должно получиться в результате... Ну, так у меня устроена память, я уже говорил. Всё, что нормальным людям для наглядности (и чтобы убедиться в правильности своих предположений) приходится изображать на бумаге, потом делать масштабные модельки, ну и так далее, я могу произвести в уме.

Вывести запомненные когда-то чертежи, что-то в них поправить, представить, как всё это будет выглядеть в реальности, понять, какие изменения к чему приведут... В итоге получается этакий полно-размерный фантом, который я *реально вижу*. И остаётся только использовать его как форму для отливки или как стапель для монтажа.

Да, мозги, конечно, устают. И отвлекаться нельзя.

Опишу коротко, что получилось. Фюзеляж Собаки поставлен на толстенные и довольно большого диаметра дутики от автожира; автожир взлетает с разбега, ему нужны колёса побольше, чем у вертолёта. Вся трансмиссия выброшена к духам, на хвостовики моторов насажены винты — толкающие. Там, где был ротор, — примитивное полумягкое крыло: две четырёхметровых трубы двенадцатисантиметрового сечения, соединённые под небольшим углом, деревянные нервюры в центре и на концах крыльев (срединная — из бонгового бруса, концевые — выпилены из древней, хорошо высохшей столешницы), передняя кромка крыла — четырёхсантиметровая труба, задняя — туго натянутый тросик. По ходу работы я отказался от идеи подвесить крыло на шарнире, поставил его жёстко и закрепил подкосами. Пришлось устанавливать элероны, но это оказалось менее геморройно, чем я думал. Стабилизатор и киль я тоже сделал не так, как первоначально собирался, то есть не склеил их из реек (клей, когда я его сварил, чем-то мне не понравился, и я решил не рисковать) — а просто выпилил из второй столешницы, придал профиль, а потом прорезал корончатой пилой око-

ло сотни отверстий, выбрав почти три четверти древесины. Всё это я прикрутил болтами к хвостовой балке. Рули я использовал от «Махмади», пластиковые, а элероны сделал из обломков его же ротора. Водяной бак от автожира очень удачно уместился на месте трансмиссии; теперь горючего хватало на восемь часов полёта на крейсерской мощности — а по моим прикидкам такая мощность была явно избыточной, самолёт в этом смысле гораздо экономичнее и вертолётов, и автожиров. Самым кропотливым делом оказалось натягивать и закреплять плёнку — и, подозреваю, без Кумико я бы не справился. Или справился. Не знаю...

Когда всё было готово, когда я погасил, рассыпал «фантом», когда убедился, что машина в общем похожа на то, что я хотел сделать, — я дал себе час отдохнуть. Каменный мёд помогал, откладывая сон на когда-нибудь, но умственную усталость он всё-таки не снимал до конца.

Было совсем раннее утро, Кумико спала, а солнце ещё не поднялось, но находилось где-то совсем рядом с уровнем горизонта. Кольцо, огненно-красная (предупреждение о надвигающемся новом шторме!) тонкая линия делила небо пополам, чуть загибаясь и чуть расширяясь ближе к зениту, там оно было дымчато-белым на бирюзовом фоне неба, и там же висели две бледные половинки лун, Розиты и Хуаниты, казавшиеся почему-то неправдоподобно огромными. Вокруг острова, насколько хватало глаз, стелился туман. Далеко на севере плотной группой шли три крупных дирижабля, и

ещё три, вразброс, висели неподалёку от Стены, которая сейчас была хорошо видна: этакий опалесцирующий занавес. Она выглядела более плотной, чем обычно, и возможно, это было сделано намеренно.

Восход бывает особенно красив в Ясном, и особенно весной и осенью: там солнце поднимается строго за Кольцом, Кольцо делит его пополам, свет рассеивается на ледяных кристаллах, и кажется, что Кольцо — это стеклянная трубка, наполненная пылающим газом, и солнце поднимается внутри этой трубы, окружённое радужным облаком, и труба расплавляется там, где сквозь неё проходит раскалённый шар, расширяется, плотно облегает его, расплавом стекает вниз и снова застывает, продолжая при этом сиять...

Я не уснул — это было невозможно, но погружение в созерцание было настолько глубоким, что крик Кумико меня буквально подбросил. Я вскочил, не понимая, где я и что происходит.

— Север, — повторила Кумико тише, но от этого страшнее.

Я поймал её руку, повернулся и посмотрел туда же, куда смотрела она.

Три дракона разворачивались в небе — невысоко и чуть в стороне от нашего острова...

Как потом подсчитали, в гонке приняли участие сто шестнадцать тысяч человек на семидесяти шести тысячах единиц транспортных средств. Причём

более тысячи этих транспортных средств были наземными.

Дело в том, что Ливадия соединена со Срединным островом (в старых книгах его называли континентом, но после того, как Конфедерация окончательно подгрела его под себя, он стал островом; такие вот мы, эстебанцы, мстительные твари, хуже драконов) восьмидесятикилометровым мостом. Построили мост в один год с Башней, но по назначению он использовался недолго — думаю, можно не объяснять, почему.

Как оказалось, за сто лет про мост забыли не все...

Среди летательных аппаратов насчитывалось даже несколько тысяч дрейфующих аэростатов: ферм, воздушных домов, грузоподъёмных баллонов и тому подобного. Кто-то от большого ума рассчитывал на шторм (на этот раз предупреждение дали — впервые за много лет — по планшетам; землюки как бы намекали, что и от них бывает польза), а более умные — на «высокий прыжок», рискованный, но эффективный манёвр. Дело в том, что в экваториальной зоне на высотах более восьми километров существует стабильное воздушное течение — с запада на восток. И скорость его доходит до четырёхсот километров в час. Так что резон был, безусловно, был...

Конечно, наибольшие шансы имели те, кто летел на вертолётах. Понятно, что редкий вертолёт на полной заправке покрывает тысячу километров, — но кто мешает подвесить дополнительные

баки или набрать воды в канистрах в салон, в багажный отсек или в кабину? Многие так и сделали; другие многие — понадеялись на озёра и реки Срединного.

Вертолётов на старте набралось одиннадцать тысяч пятьсот (разумеется, приблизительно). И ещё две сотни автожиров. Они стягивались поближе к Стене, и уже к началу третьего дня все острова и скалы были усеяны ими. Потом подсчитали, что ещё до начала гонки разбились на посадке или столкнулись в воздухе двести четырнадцать машин, шестнадцать человек погибли, сто пятьдесят девять канули в таигу...

Но основной, конечно, вид транспорта был дирижабли всех вообразимых классов и размеров. Откуда-то взялись даже древние «пароходы» (это у которых один из отсеков наполняется просто горячим воздухом) и «авоськи» (самodelки из длинного шеста и закреплённой на нём сетки, набитой стандартными плёночными баллонами для летающих ферм; после войны их понаделали много, очень много, но последние несколько лет на глаза мне они как-то не попадались). Разумеется, больше всего было спортивных и полуспортивных баллонов-сольников и двушек, пассажирских купе, пикапов, омни... •

Кто мог — чалились к островам и скалам, кому не хватало места — просто дрейфовали поближе к Стене.

Когда Подколотные и Юрка-Гавриил услышали, прочитали, поверили глазам, осознали и прониклись, то приняли решение: они-то и будут пер-

вами! Поскольку ни о возрасте, ни о способе приобретения транспортного средства ничего сказано не было.

Остаток времени до начала гонки они провели в рассуждениях, кто из них какой пост займёт в будущем правительстве планеты и чем запомнится благодарным современникам.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Кумико

Это был просто повторный кошмар: драконы заходили на меня, тормозя широко распахнутыми когтистыми крыльями и перепонками на раскрывающихся рёбрах, выставив вперёд лапы — уродливые, с узловатыми пальцами крестовиной, и на средних пальцах загнутые чёрные твердейшие и острейшие когти, способные порвать листовое железо и раскрошить камень, и головы на длинных шеях опущены вниз, пасти приоткрыты, маленькие глазки чуть видны из-под бронированных век... и, как в кошмаре, я не могла бежать, я косо висела в воздухе, еле перебирая ногами, и не могла дотянуться ими до земли, а драконы налетали — медленно, но неудержимо, как поднимается жижа в болоте, в котором ты тонешь, мне иногда это снилось тоже: если не драконы, то болото.

Или — я падаю, я ничего не вижу или вокруг просто ничего нет, но я знаю, что падаю. Падаю очень долго.

Ракеты, кричал Север, он стоял на одном колене и целился, положив револьвер на сгиб локтя, откуда у него револьвер, его же убьют или посадят, отправят на торф, это то же самое, что просто убьют, с торфа не возвращаются — так говорят. Я бежала за ракетами, они в сарае слева, зелёная коробка.

Опять приходят драконы, и я бегу в сарай. Там надо спрятаться, закрыться, запереться, переждать.

Выстрел похож на вскрик, только очень короткий.

105

Я не знаю, куда я ему попал, но, наверное, попал больно, шкуру пробил — потому что дракон сразу отвернул, а пара других, летящих следом, забили крыльями и ушли на высоту. Я был почти уверен, что теперь они уберутся к духам, потому что драконы — трусы, я уже говорил, да? Вообще странно было само это их появление здесь, неподалёку от Стены, их явно согнали откуда-то, и они мечутся в панике, не зная, куда сесть...

Я ошибся.

Кумико

Коробки не было.

Я поняла, что сейчас упаду, и успела упасть раньше, сама, на колени и на руки. Невозможно было понять, это просто темно — или я ничего не вижу. Снаружи ударили ещё два выстрела, и меня вырвало.

Я стояла на четвереньках, шатаюсь, и вяло размышляла, рухнуть ли мне прямо в лужицу — или попытаться откатиться в сторону?

И вдруг стало холодно.

Холод не охватил меня, не проник — это всё действия, требующие какого-то времени, действия продолжительные, подразумевающие вытеснение холодом моего тепла. Ничего похожего: с этим холодом мы вдруг — в один миг — совместились. Моё тепло никуда не делось, но это не имело уже никакого значения.

Было так: позади, где оставалась дверь — незапертая (дура, немедленно встать, немедленно запереть!), — открылось окно в какое-то нездешнее чёрное место. Там было небо без лун и без звёзд, и по выглаженному, отполированному чёрному льду призрачный ветер вечно, вечно, вечно гнал невидимую колючую позёмку...

Холод был такой же призрачный, как ветер. И такой же вечный.

Я знала, что, если обернусь, увижу именно это.

Я обернулась. Коробка стояла там, где должна была стоять, — слева от двери. А я почему-то стала искать справа. Или у меня опять перепуталось правое и левое. Так иногда бывает...

Самое трудное — встать, ноги не мои.

И не надо вставать.

Я буквально доползла и упала на эту коробку — и, держась за неё, поднялась. Землю качало. Я ударилась об один косяк и о другой.

Передо мной было десять деревянных ступенек вверх и неровная трапеция слишком синего — как

после заката — неба. Всё казалось очень плоским и грубым, словно нарисованное подслеповатым художником на побелённой мелом стене.

106

Два дракона описывали круги совсем низко, едва не касаясь земли кончиками крыльев, а третий — или первый? В общем, тот, в которого я попал, опустился рядом с останками автожира, зло пнул мёртвую железяку и стал складываться, превращаясь из летучей твари в бегучую. Это не очень быстрый процесс, каждое крыло нужно сложить вчетверо, и иногда у них не получается с первого раза...

Не могу понять, куда я ему вмазал?

А, вот, вижу. В лапу. Поэтому он и прихрамывает.

Попадать нужно только в голову или шею. В корпус — бесполезно, это его не остановит. То есть через час-другой он, может быть, и помрёт от внутреннего кровотечения...

Попробовать запустить имплант? Это заметно прибавит меткости.

Не успею. Для запуска нужно сосредоточиться, нужно хотя бы секунд пять...

Дракон встал в позу угрозы: лапы расставлены, корпус вытянут и наклонён вперёд, хвост напряжён и изогнут, кончик качается вправо-влево, голова почти у самой земли, пасть раскрыта до упора, во все сто сорок четыре зуба, и длинный язык, высунувшись далеко вперёд, качается син-

хронно с хвостом. По идее, это должно отвлекать или даже гипнотизировать противника.

Я дважды выстрелил ему в пасть и оба раза попал. Но мозг пули не нашли.

— Кумико!

Не слышит...

Он встряхнулся, помотал башкой — и побежал, хромая, не совсем на меня, а правее — на Собаку!

Конечно. Следовало ожидать.

Я выстрелил ещё дважды, метров с десяти, и сразу понял, что наконец попал куда надо: лапа, занесённая вперёд, не приняла на себя вес тела, уехала в сторону, и дракон грянулся брюхом и башкой, взметая пыль, опрокинулся на бок, верхнее крыло полураскрылось и безвольно завернулось за спину, и только хвост на автомате взлетал и ударял по земле, поддерживая уже не нужное мёртвому телу равновесие.

Потом туша дёрнулась, и из неё, пузырясь, попёрло дерьмо.

— Кумико!

Кумико

Я слышу. Я иду. Я просто не могу быстрее...

107

Я, торопясь как мог, перезарядил револьвер. Оглянулся. Над спуском в сарай появилось лицо. Абсолютно чёрно-белое. Белые щёки и лоб, чёрные губы и провалы глаз.

Потом к этому добавились плечи.

Оба дракона заходили на посадку.

Я бросился к Кумико, одной рукой подхватил коробку с ракетами, другой — её саму, за локоть. Выдернул наверх.

— Да, — сказала она, хотя я ни о чём не спрашивал. — Конечно.

Кумико

Я кое-как выбралась и стояла, не в силах приспособиться к свету. Прямо передо мной умирал дракон. Ещё двое висели в небе совсем рядом.

Север, двигаясь как-то странно — боком и даже чуть отворачиваясь от меня, — забрал коробку. Мне сразу не за что стало держаться, и я ухватилась за него.

— Сейчас отпугнём этих... — Он встал на колени (а я упиралась ему в плечо вытянутыми руками) и раскрыл коробку. Там плотным рядом лежали красные, зелёные, белые и сиреневые картонные трубки — как мне показалось, раза в два больше по размеру, чем привычные сигнальные ракеты. — Помнишь ещё, как с ними обращаться?

(А драконы всё так и висели в небе — почти неподвижные.)

— Да, — сказала я. — Конечно.

Я взяла первую попавшуюся — красную — ракету в левую руку, правой разорвала бумажное донышко, уцепилась пальцами за верёвочную петельку. Навела ракету на того дракона, что висел

ближе. Сжала патрон покрепче и коротким рывком выдернула петельку.

Раздалось звонкое «Чпок!» — и всё заволокло белым дымом. Руку ощутимо толкнуло отдачей. Потом донёлся невыносимый визг, как будто под механическую пилу подсунули кровельное железо. Сквозь дым я видела, как от меня к драконам медленно улетает бешено крутящееся огненное колесо. Вот от него в стороны поплыли красные, как угли, огни, а через секунду вспыхнул и закружился в воздухе малиновый, всё набирающий яркость пламени шар...

108

Я выпустил в сторону драконов три ракеты, когда мне вдруг (совершенно вовремя, знаете ли) пришла в голову мысль, что фейерверком пугать драконов бесполезно. Видали они эти фейерверки при куда более приятных обстоятельствах. Впрочем, обдумывая эту мысль, я пальнул ещё тремя ракетами — действуя как автомат. Кумико всё никак не могла добраться до спускового шнура...

Наверное, всё-таки в какую-то оторопь я этих тварей вогнал, они раздумали садиться и ушли на следующий круг. Фейерверк — это хорошо, думали они, но не то время суток, не тем пахнет... и, наконец, обе были девочки, а мальчик валялся тут и думать не думал ни о чём занимательном. Но ушли они только на следующий круг, а не убрались совсем.

Кумико добралась до шнура. Неловко навая

ракету на цель — солнце слепило ей глаза, она дёрнула за шнурок, ракету выбросило из патрона, но — просроченный товар — что возьмёшь? — двигатель её сработал не сразу, так что ракета сначала стукнулась о землю, несколько раз кувыркнулась — и только потом рванула свечкой вверх, оставляя пушистый след; при ударе она, наверное, повредила себе что-то, потому что свечка тут же искривилась, изогнулась... в общем, ракета по пологой дуге обогнула летящих драконов — драконов, конечно, — и стала пересекать их курс — прямо перед мордами, — и одна из драконов схватила её пастью. Машинально, я думаю.

И тут сработала сигнальная головка.

Это была ракета для подачи светозвукового сигнала. Ночью такую вспышку видно километров за сорок; звук не так слышен, но тем не менее километрах в пяти люди оглядываются. Когда такая штука срабатывает во рту...

Драконихе оторвало голову, и она упала так стремительно, что я почти не успел заметить этого. Вот кадр — она есть, а вот следующий — уже нет.

Утрирую, но не очень.

До третьей наконец дошло, что происходит какая-то, извините, херня. То, с чем она никогда в жизни не сталкивалась. Не сразу, но дошло. Она посмотрела вниз, вслед падающей сестре или подруге, потом на неподвижного мужика, потом на

нас — запоминая. Впечатывая в свой тупой злопамятный мозг.

И полетела прочь.

Я тут же выкинул её из головы.

Кумико стояла неподвижно, всё ещё держа в вытянутой руке пустой картонный пенал. Потом начала медленно оседать, я еле успел подхватить её. Уже у меня в руках тело заколотилось. Глаза закатились, и в уголках рта появилась белёсая пена.

Люсьена

Поздно вечером появился Панчо, принёс бутылку вина и какие-то незнакомые сладости, напоминающие засахаренные персики, но кубиками — и зелёного цвета. Он забежал попрощаться, им приказали свернуться на сутки раньше, чем было намечено (то есть не завтра к полуночи, а сегодня к полуночи), что не успели забрать, то бросить — и уматывать поближе к Лифту. Мы же можем оставаться здесь, пока не надоеет и пока хватает бутербродов, а бутербродов хватит ещё надолго...

Панчо пригубил вино, пожал нам руки и исчез.

— Ты что-нибудь поняла? — спросил Гагарин.

— Пока нет, — сказала я.

Ближе к полуночи мы выбрались из ангара, рассудив, что в суматохе отбытия на нас не обратят внимания, а подышать свежим воздухом, наверное, следует. И заодно как бы невзначай полюбоваться историческим событием: землюки бросают какой-то свой объект и отправляются восвояси.

Причём на сутки раньше, чем было намечено. Наверное, что-то происходит вокруг — невидимое, но существенное.

Ночь стояла совершенно прозрачная, ни намёка ни на облака, ни даже на дымку. В Кольце прямо над головой чернел разрыв, и по этому разрыву было видно, какое оно огромное и какая небольшая по сравнению с ним наша планета. Над горизонтом рогами вверх плыла оранжевая луна, Кончита.

Башня была видна необыкновенно ясно — не только освещаемая её часть, но и заатмосферное продолжение, призрачная, еле уловимая, но всё-таки различимая черта на угольной небесной доске, и яркая звезда самого причала, с которым стыкуются межзвёздные корабли, а там полгода — и ты уже в другом, совсем другом мире...

Четыре вертолёта, шелестя винтами, тяжело поднялись и ушли в сторону Башни, а пятый сделал круг над строениями и отправился за ними следом.

— Ну, вот... — сказал Гагарин так, словно это он всё организовал, но скромничает.

И тут раздался другой, бубняще-воркующий звук моторов, и из-за дальнего ангара показался наземный грузовик на колёсах. Он двигался в облаке света. Он тянулся, тянулся и тянулся, необыкновенно длинный, восемь колёс, уже двенадцать... Вслед ему выехал такой же, потом третий. За третьим появилась совсем небольшая машинка без окон, и замыкал процессию гусеничный трактор. В отличие от наших этот катился почти бесшумно...

Мы с Гагариным устали друг на друга, уже всё поняв, но ещё не в силах сформулировать. Он нашёлся первым.

— Мы не на Котуре...

— Ага, — сказала я.

Да, катер — это быстро. Непривычно быстро...

Мы были на Майском, на его застенной части, всё вокруг просто вопило об этом, но дошло до нас только сейчас.

Однако хорошо, что дошло. Могло ведь и не дойти.

Гагарин сказал, что надо выждать минут двадцать, а то и полчаса, и сразу же идти обследовать, что тут есть интересного и полезного. Я была настроена не менее решительно, но подождать, безусловно, имело смысл, заодно мы допили вино... и, как только начало светать, неохотно принялись одеваться.

Панчо в своём стремительном монологе как-то сумел подчеркнуть вот это: *бросаем всё, что не успели погрузить*. Я думаю, он это сделал намеренно. Рисковал? Может быть. Не знаю.

Короче, в последнем ангаре среди ящиков и контейнеров Гагарин нашёл несколько мотоциклов. Они стояли штабелем, упакованные в такие специальные решётчатые конструкции, не совсем ящики, но что-то вроде того. И там же нашёлся целый стеллаж с упакованными в вакуумные мешки рабочими костюмами из чего-то, напоминающего микрослойку, только приятную на ощупь. Это оказалось очень кстати, потому что ехать на мотоцикле в наших широченных балахонах было бы смеш-

но. А ботинки мы подобрали использованные, земляки их носят какое-то время, а потом отправляют на переработку. Вот из того, что они не успели отправить, мы и выбрали себе по паре.

Гагарин довольно долго возился, прежде чем сумел открыть ящик с мотоциклом. Но сумел.

— Ты умеешь?.. — спросила я. Спыхватилась.

— На наших — да, — сказал Гагарин. — На этих... — и поехал.

— Слушай, — сказала я, когда он, сияя глазами, подъехал и лихо затормозил рядом со мной. — Надо дожидаться, когда уберут Стену. Чтобы не придрались на финише. Они ведь не сказали, откуда надо стартовать, но точно сказали, когда. Понимаешь? У нас ведь есть небольшая фора?..

110

Конвульсии прекратились быстро, но в сознание Кумико не пришла. Лицо стремительно осунулось, кожа на скулах стала восковой.

Я прокрутил в памяти всё, что знал о подобных случаях. Спасти Кумико могла только немедленная операция. Ближайший доктор... и я задумался. Ближайшим и лучшим получался секретный доктор Ригдзин, но есть ли там поблизости место, чтобы сесть? Да, место было — примерно в километре. Хорошо, подумал я, километр — это нормально, я донесу.

Теперь надо было расчистить «взлётную полосу». Я выволок мотоблок, погрузил на него лебёдку, отвёз и закрепил лебёдку в стороне от пути,

намеченного мною для разбега самолёта, зацепил тросом драконью тушу за хвост — и стал крутить ворот. Сначала дракон волокся плохо, потом пошёл легко — по собственному дерьму. Я доволок его до лебёдки и побежал к Кумико. Поднял на руки и изумился: она была намного тяжелее, чем раньше. На полпути к самолёту я вдруг остановился — как будто поймал жгучий ненавидящий взгляд в спину. Оглянулся. Да. Из-под обрыва всплыл и, шумнув винтами, завис над землёй небольшой белый дирижабль-купе с эмблемой шерифа. Не знаю почему, но я растерялся. Нет, наверное, знаю. Я был застукан на месте страшнейшего на Эстебана преступления...

111

Вспоминая потом этот эпизод (и уже достоверно зная многое из того, что происходило в этот час вокруг Стены), я так и не смог вразумительно объяснить себе, откуда здесь взялись эти ребята. Я уже описывал расположение моей чересчур уединённой фермы: ближайшие населённые места в двухстах километрах к юго-востоку и в пятистах — к северо-западу (если не считать безымянного воздушного посёлка). Именно поэтому никому и в голову не пришло занимать здесь стартовую позицию — делать такой крюк непонятно зачем.

И эти ребята наверняка прилетели не для того, чтобы принять участие в гонке. Им зачем-то был нужен я. А узнать о том, что я здесь, они могли, например, из публикации договора дарения — она

происходит достаточно быстро, в течение нескольких часов. Или им всё сказали Макбет и второй; Арменовы порученцы так ведь и не вернулись обратно, и куда они делись, никто до сих пор не знает...

В общем, перед нами просто ещё одна непрояснённая деталь в этой запутанной истории. Одна из многих. Я, честно говоря, не уверен, имеет ли смысл делиться своими догадками по поводу таких вот тёмных (или белых?) пятен. Всё равно у меня нет единой теории, которая разом бы всё объясняла и расставляла по своим местам. Может быть, её пока нет. А потом появится. Не знаю...

Скажу только, что по жизни мы бродим, как в густом-густом тумане, и тычемся во что попало, и, только ткнувшись, понимаем или догадываемся, что это такое под руками, или долго не можем понять, или просто шарах по голове, и ты уже на всё смотришь сверху.

Помните же, наверное, ту старую сказочку про трёх слепых мышат, которые описывали, на что похож кот?

Двое спрыгнули с подножек и быстро пошли ко мне, третий остался в кабине, дирижабль немного сдавал назад, получив слишком сильный тормозной импульс, пилот снова коротко запустил левый движок — так, чтобы машина слегка развернулась и на несколько метров поднялась, и я бы перед ним был как на тарелочке. Руки у идущих были пусты, но я не сомневался, что нужное в них появится мгновенно; а тот, который их страховал, что-то держал

на коленях, и я не удивился, когда рассмотрел срез ствола: это было ружьё, и далеко не факт, что духовое. Толщина стенок показалась мне излишней; потом я догадался, что это глушитель.

— Господин Гардус? Север Гаевич? — спросил один из подошедших, бритый наголо и горбоносый. Они остановились грамотно, этот шагах в четырёх, второй на полшага позади.

Я опустил Кумико на землю. Голова её безвольно откинулась.

— Чем обязан? — спросил я, не поднимаясь с колена, морщась и прижимая руки к животу.

Того, который остался в дирижабле, я уже узнал: это он сидел в «Крауфе», держа в руках винтовку — наверное, точно такую же, как сейчас лежала у него на коленях; и не исключаю, что это всё-таки именно он стрелял в Игната, а никакой не замаскированный стрелок в толпе или в доме напротив. Только сейчас лоб его не был перевязан шарфом, как тогда, и из-под белёсых волос отчётливо проступало карминное тату, характерное для уроженцев Ламантина — большого и далёкого (семь тысяч километров от Башни) юго-западного острова, который из-за этой удалённости жил какой-то совсем обособленной жизнью — подобно Плато Роксоланы; но если заселение Плато началось сравнительно недавно, на моей памяти, то Ламантин как обособился лет двести назад, так и продолжал в том же духе. И ещё я узнал одного из тех, кто подошёл ко мне, — второго, молчавшего; он был среди публики на судебной площади — худой, нескладный, с мятым лицом. Горбоносый же не

попадался мне на глаза никогда — или, по крайней мере, последние двадцать лет.

Он не удостоил меня ответом, стал оглядываться по сторонам — а потом, вытянув шею и по-куриному наклонив голову, уставился на Кумико.

— Я слушаю вас, — прокряхтел я, встав и по-прежнему прижимая к животу руки; меня очень убедительно покачивало.

— Так-так-так, — хмыкнул горбоносый. — Ещё и укрывательство преступных элементов. Незаконный промысел, незаконная техническая деятельность, да ещё и укрывательство. Вы, господин Гардус, опасный анархист! Вами должна заниматься Канцелярия!

— А вы кто? — спросил я.

— Вам кто-то позволил задавать вопросы? Ну-ка...

Пока длился этот короткий и исключительно содержательный диалог, дирижабль по инерции медленно разворачивался и медленно приближался ко мне, ламантинец был, наверное, очень хороший стрелок, но средний пилот.

(Я мог позволить себе стрелять только наверняка: пальба по дракону показала, что у старого разбитого револьвера с кустарными патронами кучность, как у садовой лейки. И если на дракона я потратил почти весь барабан, и ладно, — то сейчас ситуация была острее...)

Я раздвоил зрение: правым глазом смотрел на горбоносого, левым, как бы уплывшим, выцеливал пилота; засветились перекрестье и дальномер, тридцать семь метров, тридцать пять, на этой дис-

танции в голову я могу и не попасть, подождём до тридцати...

— Я сказал: руки за голову! Что, не понятно?

— Я не могу... — жалобно; тридцать три метра. — Я ранен...

— Ты же её тащил! — горбоносый шагнул вперёд, специфически изгибая кисть правой руки, сейчас в неё скользнёт из рукава метательный (или просто обдирочный) нож. — Ты же свою девушку на руках...

Тридцать. Всё-таки и тридцать — далеко.

Я перевёл перекрестье прицела со лба на грудь пилота. И, задержав дыхание, особым образом сократил диафрагму.

Руки, подчиняясь теперь не только мозгу, выхватили из-за пояса револьвер, взвели курок и прямо от живота пустили пулю в центр перекрестья. Я мгновенно перевёл прицел на горбоносого, он уже производил замах, и выстрелил — в лоб. Попал ниже, но на результат это не повлияло. Третий выстрел я произвёл уже из нормальной стойки и с вытянутых рук — в правое плечо сутулого. Четвёртый — ему же в колено.

Снова внимание на пилота. Он ещё жив, он даже пытается поднять винтовку.

Стреляю.

Всё.

Вот теперь всё.

Выдыхаю. Ещё выдыхаю. Жду.

Трудно сказать, что испытываешь, когда имплант отключается. Что-то лопается внутри или рвётся... не совсем так, хотя похоже.

А перед этим тебе как будто ткнули — не сильно, но очень точно — в солнечное сплетение.

Вот теперь можно дышать. Вдох...

Первый, как всегда, получается со стоном.

ТЕТРАДЬ ДВАДЦАТАЯ

Гагарин

Никаких средств связи у нас не было — а скорее всего, мы просто не могли их найти. Может быть, надо было встать перед пустой стенкой — скажите, зачем землякам пустая матово-серая полупрозрачная стенка? — и каким-то особым образом щёлкнуть пальцами...

В общем, нашёл я только часы, и на этом мы решили успокоиться.

Да, и ещё смешная вещь: то, что я по привычке посчитал баком для воды, оказалось багажником. Бака на мотоцикле просто не было, а в реакторе — размером и весом с четвертинку кирпича — каким-то образом сразу образовывалось электричество.

На всякий случай я снял с других мотоциклов три реактора про запас. Ну и заодно попытался разобраться в тонкостях управления. Во всё не вник, но навигатор мне стал понятен. И ещё такая полезная функция, как изменение профиля шин. То есть их можно было сделать узкими и почти гладкими — или широкими и шипастыми, в зависимости от дороги.

А дорога, если судить по навигатору, нам предстояла всякая. Потому что вот эта выглаженка,

ровная и шершавая, как лента наждачной бумаги, по которой уехали грузовики — она идёт только до аэродрома, и оттуда, надо полагать, технику вывезли на огромных треугольных воздушных транспортах-тысячетонниках, все наверняка видели их, они не раз появлялись и по нашу сторону Стены. Не знаю, что землюки на них вывозили...

Нам же с Лю предстояло ехать по гребню хребта Гюльви: это такая дуга из девяти небольших островов, соединённых перемычками (и в двух местах — небольшими мостами). Хребет Гюльви, часть берега острова Срединного и хребет Шиманского образуют почти правильную дугу, половину окружности, это древний — два миллиарда лет, написано в учебнике — метеоритный кратер; как внутрь этой окружности попали Минус, Котур и Снегири, не считая двух десятков мелких островков и скал, — для меня загадка. Север говорит, что произошёл сдвиг сейсмических плит, вызванный той же катастрофой, что выбросила на высокую орбиту почти всю воду планеты. Ну, может быть.

В общем, на экране навигатора дорога по гребню хребта была обозначена, а вот что там не говорилось и не показывалось, так это когда её последний раз чинили и расчищали.

Но разве у нас был хоть какой-то выбор?

112

Я проводил взглядом уплывающий дирижабль. Близок локоть... Досадно было потерять такую ценную в предстоящей гонке вещь, как настоящая

винтовка. Не говоря уже о решающих уликах в деле убийства Снегиря. Но...

Но.

Кумико дышала, и пульс был нормальный. Я усадил её в кабину, пристегнул — и подошёл к последнему бандиту. Было почти невозможно улететь, не задав ему пару вопросов.

У него была та фаза шока, когда боль притуплена, нужно только не двигаться. Он и не двигался.

А я вдруг понял, что мне ничто не интересно...

Вернее, не так. Мне всё было по-прежнему интересно, и добыть доказательства невинности Снегиря по-прежнему оставалось моей главной задачей, и вот передо мной был готовый к употреблению источник информации, который скажет всё и не соврёт, потому что — зачем? Конечно, он может просто не знать прямых ответов на прямые вопросы, но это и не важно: по косвенным можно восстановить практически всю картину. Однако для этого даже мне понадобится несколько часов...

— Вас послали меня убить или просто задать вопрос?

— Забрать... желательно целым...

— А потом?

— Не знаю.

Я присел рядом с ним, упёр ствол револьвера в шею (дабы не искушать) и вынул из его кармана планшет.

— У тебя есть наследники?

— Да.

— Сообщи, что ты умер.

Я подождал, пока он отошлёт сообщение.

— Что-нибудь передать на словах?

— Не надо.

Я оглушил его, отволол в сарай, там перевязал чем под руку подвернулось и ушёл, заперев снаружи дверь. Если повезёт, его заберут отсюда. Если не повезёт... ну, значит, не повезёт.

Жизнь проста.

113

Вот и всё. Стараясь не думать ни о чём, только что бывшем, и том, что за всем этим кроется, я забрался в самолёт, покачал ручку, покачал педали. Закрыв глаза и сосредоточился на нужных действиях и в какой последовательности я должен их совершить.

Посидел — и понял, что так я никогда не взлечу. Меня слишком сбивает автоматизм управления, наработанный на вертолёте. А тут всё по-другому.

Но взлететь надо. У меня хороший запас мощности. Я правильно рассчитал центровку. Я вообще всё правильно сделал. Просто и правильно.

Давай.

Не могу сказать, что рука моя тряслась, когда я запускал моторы. Но усилие, чтобы преодолеть какую-то дурную скованность, надо было прикладывать.

Я погонял моторы на малом газу, прислушиваясь к звукам и вибрациям. Немножко потряхивало. Не сильно. Поршневые моторы всегда потряхивает.

Оставил их погреться.

Так. Сейчас ты сделаешь то, чего никогда не делал. Ну и что? В первый ли раз? Сколько раз ты делал то, чего никогда не делал до этого, и каждый раз получалось.

Вперёд. Только так ты спасёшь Кумико. Да, одно неверное движение — и смерть. Но не делать ничего — тем более смерть.

Вперёд. И — отключи мозги...

Самолёт взлетел сам. Я просто держался за ручку.

Люсьена

Майский — остров большой, и даже не столько большой, сколько длинный. От нашего ангара до Стены было километров сорок, и естественно, что никакой Стены и ничего, что творилось по ту её сторону, мы не видели. Поэтому нам самим нечего рассказать, зато мы всегда с интересом слушаем чужие истории.

Стену должны были убрать в три часа дня. Мы дождались, когда будет три ноль одна, и поехали.

Гагарин мне объяснил, что лучше всего — это просто обнять его сзади, но обнять, так сказать, гибко: то есть когда он наклоняется в сторону, или вперёд, или назад — то отклоняться вместе с ним. Главное — не препятствовать и не стараться помочь.

Я поклялась, кровь из носу, следовать инструкциям. И мы, разумеется, завалились на первом же повороте — хотя, казалось бы...

Урок я усвоила сразу — тем более что именно

носом я в плечо Гагарина и ткнулась. Хорошо ткнулась, так что всё свершилось по клятве. Но это был первый и последний случай моего разгильдяйства. Произошедшего от общей расслабленности. И даже не просто расслабленности. Разнеженности. Уж очень здорово это было — сесть сзади, обнять, прижаться...

Ну, вы меня, наверное, понимаете.

А если не понимаете, так и идите к духам. Мне не о чем с вами говорить.

Да, я звучу, как кошка. И что?

До южной оконечности острова мы домчались почти мгновенно, а дальше была та самая дорога. О которой я не знала ничего, а Гагарин, как оказалось, не всё.

Потом уже я прочитала, что эту дорогу и ещё несколько других, подобных ей, построили в первые десять лет колонизации, и по тому проекту все острова должны были быть соединены мостами. Но для того, чтобы начать строить мосты, надо было проложить несколько таких вот временных «технических» дорог. В результате мосты не построили, дороги почти забросили — поскольку те мизерные грузоперевозки, которые у нас практикуются, вполне можно осуществлять и по воздуху...

Так вот, объясняю, что такое «техническая дорога»: это трёхметровой ширины полотно из неплохо подогнанных и надёжно скреплённых плит неизвестного мне серого пупырчатого материала, который не похож ни на металл, ни на камень, ни

на пластик — ни на что не похож. И семьдесят пять наших лет для него ничто...

Просто местами из-под этого полотна выкрошилась порода.

Но мы не упали. Хотя ехать по таким участкам было жутко. Как по подвесному мосту: дорога проседает, раскачивается или же она настолько накренилась, что напоминает скат крыши. А рядом обрыв, и какой обрыв!..

Даже когда просто стоишь рядом с таким обрывом, хочется, чтобы за спиной был парашют.

А парашюта нет.

(Потом мы узнали, что землянки специально ничего не исправляли: это у них была *спортивная трасса*. Они на ней гоняли на мотоциклах для *развлечения*. Для *удовольствия*. Это выше моего понимания... Когда я спросила Гагарина, было ли ему страшно, он сказал, что нет, страшно не было, но было что-то вроде отчаяния, потому что — даже не остановиться! Только вперёд! Страшно стало потом, через пару дней. И — держалось долго.)

Я сказала «жутко, как по подвесному мосту»? Дура. Вот когда мы действительно подъехали к подвесному мосту...

Это да.

Я немного просчитался то ли с центровкой, то ли с углом установки крыла: машина всё норовила задрать нос. Я парировал это её намерение рулём

★

высоты, сильно отдавая ручку от себя — и вынужденно держал весьма среднюю скорость. Впрочем, полёт всё равно получался более быстрый, чем на вертолёте...

От сильного ветра в лицо Кумико стало, кажется, немного лучше; во всяком случае, этот пугающий меня восковой оттенок кожи пропал, она была теперь просто бледна, но и только. Несколько раз она почти приходила в себя, поворачивала голову, я видел, как под веками движутся глаза. Потом вновь обмякала.

Мы долетели быстро, но сесть я смог только с третьего раза.

Только когда я с Кумико на руках подбегал к лесопилке, меня пронзила мысль: а вдруг и док Ригдзин, подхватив семейство, понёсся за счастьем? Но он оказался благоразумен.

Я коротко объяснил, что произошло, он кивнул и велел дочерям быстро разворачивать операцию. Я думал, он заберёт Кумико в подвал, там у него всякие машины и приспособления, большей частью незаконные, но нет — под навесом поставили раскладной стол, столик, лампу, расстелили простыни...

Маруся увела меня на веранду, чтобы я не дёргался зря, и только я успел написать записку шерифу, чтоб он послал кого-нибудь на Коробок, а Маруся — заварить чай, как пришёл док в сопровождении старших дочерей, они сдирали на ходу бумажные передники, местами простроченные красными пунктирами.

— Ну вот, — сказал Ригдзин. — Я называю это: мастерство.

— Что, уже всё? — спросила Маруся.

— Представьте себе, дорогая, — и док самодовольно развалился на плетёном диванчике. — Дорогой Север, ваша девушка вне опасности... если вам, конечно, не взбрёт в голову забрать её немедленно.

— Действительно уже всё? — не поверил я очевидному.

— Действительно. Ну, простейший случай, простейший. И повезло, конечно, мы сразу попали на кровоточащий сосуд, не пришлось искать, зря резать кость...

— Мне можно к ней?

— Сейчас девочки её перебинтуют, отвезут в спальню... Дорогая, налейте и операционной бригаде, они заслужили по глотку хорошего чая. Север, а вы слышали об этом массовом помешательстве, которое охватило полмира?

Кумико пришла в себя вскоре после операции, а теперь спала, именно спала, док накачал её снотворными экстрактами. Рядом дежурила девочка Настя, следила за пульсом, давлением, температурой. Я поцеловал Кумико в тёплую щёку, Настю — в макушку. Вышел. Достал трубочку. Руки тряслись.

Именно в этот момент далеко отсюда исчезла Стена.

Гагарин

Значит, чтобы было понятнее: обычный подвесной мост делают так: от опоры А к опоре Б прокидывают трос или два (можно и больше) и закрепляют в ненатянутом состоянии, потому что если натягивать их, то нагрузка на опоры и на сами тросы возрастает в разы. Потом на этих тросах через более или менее равные промежутки закрепляют тросики более тонкие, свисающие вниз, на которых и подвешивают настил. То есть фишка в чём? В том, что к провисающему тросу подвешено множество маятников разной длины и с разной, естественно, частотой колебаний, и любые возникшие возмущения соседними маятниками немедленно гасятся.

Этот же мост строили, руководствуясь принципом: нарушить как можно больше правил. Распять здравый смысл.

Два параллельных троса, натянутых туго, как струны. На них уложены деревянные доски, металлические решётки, где-то ближе к середине — что-то похожее на дорожные плиты. Наверное, настил этот как-то закреплён.

И всё. Нет даже ограждения.

Длина — судя по навигатору — сто двадцать семь метров. Лететь, если сорвёшься, полтора километра.

Я прошёл немного, два десятка шагов. Уже тут чувствовалось, как мост гудит и подпрыгивает под ногами. Вернулся. Лю стояла тихая и очень строгая.

— Знаешь... — начал было я и замолчал.

В воздухе набухал объёмный, идущий как бы со всех сторон сразу, рокот. Первая волна вертолётов нагнала нас. Трудно сказать, сколько в ней было машин, но уж точно не меньше сотни. Они шли левее нас на высоте островов или чуть ниже, и нужно было всматриваться, чтобы рассмотреть их в дымке. Это был почти ровный строй, фронт, вал, лишь несколькими машинам удалось немного вырваться вперёд; слегка отстающих было больше, чем опережающих, и они растянулись на полнеба. А за ними угадывались уже самые быстрые из дирижаблей...

Лю что-то сказала, я не услышал и наклонился к ней.

— ...И все серые окажутся у власти, — говорила она. — И нам тогда...

Она была права, я это знал. Может быть, нам придётся бежать с планеты, и только сегодня для будущего побега предоставляется шанс.

Единственный шанс.

Но почему-то приходилось заставлять себя помнить об этом.

— Давай так, — сказал я. — Ты подождёшь, пока я проеду...

Лю помотала головой.

— Мне так проще...

Она снова помотала, сильнее.

— Я буду меньше бояться...

— А я? — она прошептала это, глядя исподлобья.

Ладно, подумал я. Если этот мост тут есть, зна-

чит, его для чего-то использовали. Не просто ведь так.

— Ладно. Значит, отдохнули, теперь вперёд. Держись как держалась, даже ещё мягче, обними меня плотно, прильни — и расслабься, понимаешь, расслабься совсем. Чтоб я тебя чувствовал как себя...

Один из подотставших вертолётов прошёл над нами, развернулся над тем берегом, вернулся, завис. Я махнул ему: лети. Он отошёл немного в сторону, спустился вниз, приподнялся — и я понял, что там сидит кто-то с киноаппаратом и примеряется.

Скотина.

Я переплёл пальцы, прощёлкал суставы, взялся за руль. Подождал, пока Лю примостится на своём месте. Ещё какое-то время смотрел вперёд, фиксируя дорогу, втягивая её в себя и убирая всё лишнее — всё, что могло помешать. Это чем-то напоминало расслабление в тайге — отключаешь всё вокруг, заставляя разум и тело полностью подчиниться... какому-то другому разуму; по-моему, так. Вот и сейчас: ничего больше в мире не было, только вот эта лента, которая ляжет под колёса, вот она уже покатила навстречу, всё быстрее, быстрее...

Вертолёт прошёл над нами совсем низко, но он был как будто бы нарисованный, а потому совершенно несущественный.

Время от времени лента пыталась ускользнуть из-под колёс, её приходилось ловить, руль колотил по рукам, он колотил всё время, но иногда очень сильно, почти невыносимо. И сам мотоцикл всё норовил вырваться; когда едешь так, то ведь не си-

дишь, а стоишь на полусогнутых, держа его коленями, и он почти живой. Несколько раз попадался настил из дорожных плит, перед ними нужно было немного сбавлять скорость, а потом отпускать мотоцикл, позволяя ему прыгнуть самому через край плиты — чтоб без толчка. Потом эти плиты потянулись одна за другой, и оказалось, что мост кончился, дальше был довольно большой плоский остров.

— Отдохнём? — спросил я Лю, но она сказала, что не надо, не надо останавливаться, у нас ещё четыре пятых пути впереди, и я сказал «ладно».

Вертолёт поравнялся с нами, и пассажир, вытянув руку, показывал большой палец. Потом они легко обогнали нас и ушли вперёд.

115

Когда я вернулся к самолёту, его окружала толпа ребятишек. Человек тридцать. Среди них я заметил двух младших девочек дока, Юлю и Милу. Они на правах старых знакомых забрались в кабину и оттуда что-то объясняли собравшимся. Я выступил с краткой речью и пообещал, что все увидят сегодня полёт моего чуда техники, но перед этим мне нужно в нём поковыряться. А чтобы я поковырялся правильно, меня не нужно отвлекать. Договорились?

Где подкручивая, а где отпуская крепёжные болты, я немного уменьшил угол атаки крыла, а потом чуть-чуть приподнял переднюю кромку стабилизатора — просто подложив между ней и хвостом

вой балкой текстолитовую шайбу сантиметровой толщины.

Теперь надо было сообразить насчёт воды. На тысячу четыреста километров, на десять часов работы двигателей, даже полных баков запасов может хватить, а может и не хватить. И будет очень обидно, если не хватит. На Коробке воды полная бочка, но крюк туда довольно значительный, а хуже всего то, что там некуда садиться. Взлетать, в общем-то, проще. Нет, Коробок отпадает.

Если прикидывать по маршруту, то...

Небольшие посёлки близко к Стене — рискованно. Воды, нормальной, фильтрованной, там может уже и не быть. А если есть, то за неё захотят много денег — и тут я ничего не смогу предложить.

Всякие открытые водоёмы — а можно ли сесть рядом?

Я мысленно раскрыл перед собой карту и не удержался, треснул себя ладонью по лбу. Старый Порт!

— Дядя Север, ты что? — тихо спросила подошедшая Мила.

— Ленивые мозги надо встряхивать, — сказал я. — Только не очень сильно. Ну, командуй всем, чтобы отбежали...

Куда более трудны и опасны, чем первый, второй взлёт, — или вторая посадка, или второй прыжок с парашютом. Потом идёт по нисходящей — до девятнадцатого (это что касается парашютов) или двадцать третьего (всего остального). А потом

никаких выраженных пиков опасности нет, рутина одна.

Но я взлетел — во второй раз. Аккуратно, без нервов. Самолёт вёл себя заметно лучше, лечение пошло ему на пользу. Я пролетел над ребятишками, помахал им, потом развернулся на Башню, взял два пальца правее — и стал потихонечку разгоняться, прислушиваясь к машине.

Пока всё было хорошо. Ветер свистел, рассекаемый тросами...

116

Вы, наверное, догадались уже, что первыми на финише были Подколодные? Я тоже думаю, что догадаться нетрудно. Другое дело, что их тут же, не обращая внимания на сопротивление и словесные возражения и призывы к справедливости, к исполнению озвученных правил, повязали — в самом прямом незатейливом смысле этого слова — и заперли в глухом совершенно помещении без окон, лишь со светящейся полосой на потолке. Там было душно и пахло гнилью.

Через некоторое время двое земляков — и если те, кто их схватил, были в форме, вроде бы солдатской, то эти носили рабочие спецовки — отвели Подколодных в какой-то кабинет (вокруг было сплошное стекло, как на выставке аквариумов) и велели ждать. Подколодные ждали, сколько могли, потом отправились искать еду и воду, но вместо этого совершенно случайно нашли выход, их никто не остановил...

Финиш был оборудован так: проведённая по

земле светящаяся лиловым светом полоса — надо полагать, окружность с Башней в центре; вокруг Башни прямо в воздухе кружились рубиновые цифры, отмечающие число финишировавших, и когда Подколотные на них посмотрели, то увидели: «6 — 1 — 4». За чертой стояло множество вертолётчиков, а те, кто прилетал на дирижаблях, просто прыгивали с них, низколетящих — так, по крайней мере, показалось ребятам. И ещё они видели, как сверху, с большой высоты, кто-то спускался на парашюте.

Упорные в своих намерениях, они отправились искать финишёров, чтобы отметить, и со второго раза их внесли-таки в список.

Гвалт стоял какой-то запредельный...

117

Город Лакоста, более известный как Старый Порт, довольно долгое время — и когда здесь заправлял концерн, и ещё лет десять после того — был единственным перевалочным пунктом между Эстебаном и Застеньем, землюки настаивали именно на этой конфигурации, чтобы контролировать вывоз грюнсаанда; потом к нему добавились Ньёрдбург и Цзуйвэн, а сравнительно недавно, уже на моей памяти, — и Лянхай. После войны, когда Стену продвинули ещё на триста километров, Старый Порт и Цзуйвэн оказались отрезанными от Эстебана — и как города погибли. Сейчас, пролетая над Старым Портом, я рассмотрел: дома почти все разобраны, две из четырёх причальных

мачт упали, ещё одна покосилась, на месте портовых складов сплошная ровная площадь, размеченная непонятными символами...

Помните, чем ещё был славен Старый Порт? Нет? Ну, ничего удивительного.

Старый Порт был славен своей набережной, широкой и длинной. Шла эта набережная вдоль искусственного озера, где разводили земную рыбу. Вот фотография из очень старого путеводителя: на фоне безоблачного рассветного неба — сплошная шеренга рыболовов с удочками. Да-да, это было у нас, именно вот на этом месте, я облетел его два раза, вглядываясь в покрытие набережной: всё было более или менее нормально, только в одном месте на набережную с той самой размеченной площади выезжало что-то очень тяжёлое, развернулось, разворотив плиты, и уехало обратно.

Я сел довольно-таки жёстко; самолёт почему-то долго не хотел прижиматься к земле, тянул и тянул на высоте в два-три метра, а потом, потеряв наконец скорость, с этой высоты бухнулся почти вертикально; первый раз я садился вроде бы мягче — наверное, переделки сказались; зато было легче лететь, не требовалось всё время давить на ручку.

Вода стояла высоко (думаю, из-за того недавнего шторма), так что я потратил не слишком много времени на заправку: никуда не надо бегать, наклоняйся и просто черпай, — и разрешил себе подкрепиться: съел кусок мясного пирога, завёрнутый мне Марусей, и запил его парой глотков очень крепкого и очень сладкого чая с капелькой рома; я вообще-то не пью сладкий чай, но сейчас забота

была не о вкусе и аромате, а об энергии. Потом я развернул за хвост самолёт, взлетел, описал полукруг над заброшенным городом — и полетел прямо на Башню, навстречу низкому уже солнцу, никуда более не отклоняясь, зато понемногу набирая высоту. В отличие от вертолётa самолёт на высоте летает заметно быстрее.

Примерно через час слева впереди и внизу показались первые (вернее — последние) дирижабли.

Люсьена

Ни жива ни мертва — так это называется?

Второй мост — нормальный, железный — мы пронеслись с ходу, не останавливаясь, Гагарин орал какую-то песню, а по ушам било часто-часто: вжух-вжух-вжух-вжух — звук отлетал от рифлёных пластин ограждения. Оставался последний довольно большой остров, перемычка, а потом начнётся Срединный! То есть полпути за плечами, и это более трудные полпути (так думала я, так думал и Гагарин). Даже если учесть, что стемнеет...

Солнце висело над самым горизонтом, красное и мягкое, подрагивающее. Мы вымахнули на остров. В этом красном остывающем свете открывшаяся картина была почти нестрашной.

Три вертолётa, наверное, столкнулись в воздухе и упали почти рядом друг с другом, один — здоровенный грузовой то ли «Кёнигсмарк», то ли «Бизон», они и целые-то похожи, а уж в таком виде давно — горел, страшно чадя, чему там гореть, в вертолётe? (Вот Гагарин подсказывает: масло; мас-

ло очень даже неплохо горит, а в таких грузовиках масла много, там весь главный редуктор — сплошная масляная ванна.) Второй лежал на боку, высоко задрал покорёженную лопасть и стойку шасси; третий сидел ровно, но на брюхе и выглядел так, будто на него наступили сверху и вдавили в землю.

От него-то и бежали к нам наперерез, размахивая руками, четверо. И ещё двое довольно далеко отсюда шли по дороге, и в тот момент, когда мы вынырнули из-под берега, обернулись и подняли руки. Нет, не так, как показывают «я сдаюсь», а даже не прося, а приказывая остановиться. Повелевая.

Не знаю, почувствовал Гагарин сам или это я в него так вцепилась, но он только прибавил скорость. Мы проскочили мимо первой группы буквально в метре, я в подробностях рассмотрела эти искажённые лица, эти раскрытые рты... и кто-то бросил в нас нож, но промахнулся, и какое-то время нож летел рядом с нами, совсем рядом, медленно переворачиваясь в воздухе, дорогой узорчатой стали нож с резной костяной рукояткой, не настоящий шаманский, но удачная стилизация. Потом он отстал, упал на землю и закувыркался в сторону.

Держись, подумал Гагарин мне, и я изо всех сил сжала коленями седло, а левой рукой схватилась за скобу; он притормозил и тут же резко рванул вперёд, мотоцикл задрал переднее колесо и так и наехал на одного из останавливавших нас, а второго Гагарин ударил в грудь прямой вытянутой ногой, мотоцикл подскочил и какое-то время летел по воздуху, всё больше кренясь влево и задирая

зад, потом опустился на переднее колесо и завил, и я думала, что вот теперь всё, доездили, но оказалось, что нет, ещё не всё.

Что-то незнакомо и коротко прошуршало и хрястнуло над ухом, я повернула голову — из левого плеча Гагарина торчало чёрное оперение стрелы. Вернее, дротика для духового ружья.

Он как бы и не заметил этого, мы продолжали нестись с бешеной скоростью, ухнули вниз и вдруг оказались в темноте, дымка пополам с тенью закрыла дорогу и то, что было по сторонам, Гагарин включил фару, но видел ли он хоть что-то, я не знаю; скорее всего, нет; да это и к лучшему, в безумии подумала я, мне вдруг стало безумно страшно, словно мы уже умерли, не поняв того. Думаю, и Гагарину тоже стало страшно. А может, и нет. Он говорит, что у него и в нормальные дни теплопроводность, как у кирпича, а тогда он был совершенно бешеный и ничего не чувствовал.

Врёт, конечно...

ТЕТРАДЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

118

Последние крошки каменного мёда я засунул между десной и щекой, и его горячая горечь начала как будто бы выжигать рот, а потом и голову изнутри, так искра выжигает сухой трухлявый пенёк; я попробовал отогнать этот унижительный образ, но он упрямо возвращался. Я понимал, что брежу,

это был лёгкий контролируемый бред, сейчас пройдёт.

И точно, бред прошёл, когда меня охватила дрожь. Лицо внезапно оказалось замёрзшим до потери чувствительности, я ощупывал его, как свинцовую маску, под пальцами вмятины образовывались и уже не исчезали. Не знаю, на какую высоту я забрался, альтиметр — как, впрочем, и спидометр, — зашкалил. Судя по тому, что по часам уже давно наступила ночь, а мне всё ещё прямо в глаза светило похожее на вишенку маленькое багровое солнце, высота была приличная.

Внизу расстилалась абсолютная чернота. Не представляю, где я находился, над тайгой ли или уже над Срединным, — никакие ориентиры, никакие огни не смущали моё воображение. Там могла быть бездна, тянущий в себя провал до центра планеты...

Нет, надо аккуратно спускаться. Мои мысли меня пугали. Пугал меня и звон в голове, где-то в районе темени, слева. Там вроде бы ничто не могло звенеть...

Я убрал газ и толкнул ручку вперёд. Солнце переползло с кончика штыря приёмника воздушного давления на давнюю щербину на козырьке: лет восемь назад какой-то растяпа-фермер, проплывая в километре над стоянкой, уронил молоток. (Я уже говорил, что Собака — не совсем обычный вертолёт? Да, она такой же, как и я, секретный ветеран просранной войны, и все наши скрытые возможности так и остались не востребованными... Ну и ладно. Может, оно и к лучшему.) Звук возду-

ха, обтекающего самолёт, переменялся, но я не мог сказать, лечу я теперь быстрее или медленнее.

Или же я вообще стоял на месте, вплавившись, вмёрзнув в ледяной, твёрдый, абсолютно прозрачный чёрный воздух?

Опровергнуть это было невозможно.

Внимание моё привлекла лиловато-белая вспышка слева внизу. Это была сигнальная ракета, но пущенная не вверх, а по пологой дуге, она медленно ползла над чёрной пустотой, сыпя искрами. Я присмотрелся. Вернее, постарался присмотреться. Когда я сильно устаю, то уже не могу понимать и принимать то, что видят глаза. Только потом, прокручивая в памяти...

На этот раз я просто не успел присмотреться, не успел навести резкость и достаточно приблизить изображение. Ракета подлетела к чему-то большому и бесформенному — и я не могу утверждать на верное, а могу только догадываться, что это были три или четыре сцепившихся дирижабля, в том резком контровом свете различить подробности было нельзя, — и тут же их всех охватило прозрачное пламя, такое впечатление, что баллоны не только были наполнены чистым водородом (это не слишком характерно для дирижаблей, где обычно используется водородно-гелиевая смесь или даже просто гелий), но и находились в каком-то водородном облаке... Я безотчётно свернул в ту сторону — и через минуту пролетел над падающими вниз обломками, над огненным водоворотом.

(Пылающий остов фермы рушится вниз, увле-

кая за собой дирижабль. Тот, наверное, наполнен гелием, поскольку не вспыхивает, но страшный жар обжаривает его, обшивка стораёт, проступают рёбра...

Всё это будет падать вниз ещё долго.)

Сколько раз я видел такое. Сколько ещё увижу.

А кто стрелял?

Долго шарю взглядом по темноте. А, вот он, наверное. Ночным зрением вижу лишь силуэт: это узкий, удлинённый, приплюснутый по бокам баллон не только с оперением, но и с небольшими крылышками, то есть либо «Аскольд», либо «Астрид», и тех и других мало, их начали выпускать в позапрошлом году. Это всё братья Титовы со своими новыми идеями...

Не снижаюсь и лечу дальше. Потом, может быть, я найду тех, кто стрелял... или не найду. А может, стреляли не они. А может, я просто не понял того, что видел.

Забегая вперёд, скажу: не понял. Всё было намного сложнее и страшнее того, что мне тогда представилось. Может быть, когда-нибудь я расскажу и об этом... Не знаю. Если честно, мне не хочется об этом рассказывать.

Разве что...

Гагарин

Когда мне было одиннадцать лет, я свалился с крыши и наделся задницей на грабли. Такие, знаете, с редкими длинными зубьями, ими собирают

палую листву с газонов? Мне сказочно повезло: я напоролся не на пять, а только на один зуб, который прошёл сквозь ягодицу навывлет, ничего жизненно важного не задев. И не смейтесь: в заднице на самом деле много чего понапихано, это важный орган. Так вот: я не испугался ни падения, ни ранения, ни того довольно трудного путешествия вокруг дома с этими граблями, которым было мало меня и которые всё норовили другим концом зацепиться за что-то ещё. Но вот когда отец, поворчав для виду, изготовился грабли вынимать — вот тут мне стало плохо. По-настоящему плохо. Как будто у меня отнимали последнее. Как будто я уже сросся, сроднился с этими граблями...

Я сказал «отец»? Да. Ф-ф-ф-ф... Смог. Сам. Хорошо, что смог.

Итак, итак, итак... Сбился.

Ах, да. Я про этот проклятый дротик.

Я ведь с ним в плече долго проехал. Почти час. Лю поняла всё и поэтому сидела так, что я её даже не чувствовал. А потом я как-то не так шевельнулся, и — еле успел затормозить. Всё тело мерзко, сладковато обмякло, и я уже не помню, как сполз с мотоцикла, — но как-то сполз.

Самое страшное началось, когда решительная Лю расстелила меня на обочине и начала перебирать инструменты из ремнабора. Вот тут я попытался выразить протест...

Не помогло. Сначала было больно, потом очень больно, потом я полежал без сознания, а потом — ничего. Мягкий и мокрый, но абсолютно довольный. Меня охватила дебильная эйфория. Плохо было одно: я не мог шевельнуть левой рукой, она

меня просто не слушалась, и для простоты мы пристроили её за пазухой. Там она и лежала посторонним грузом.

Мы даже попробовали ехать. Дорога была уже совершенно нормальная, достаточно ровная, разве что стыки плит кое-где чувствовались, но это ерунда. Но у Лю не было никакого навыка вождения, а я болтался сзади, не прибавляя равновесия ни ей, ни мотоциклу... да и падал я почему-то каждый раз на раненую сторону...

В общем, после пятого или шестого падения я хотел снова встать, но не получилось. Организм сказал: баста. Дальше можете ехать без меня.

119

Последний раз Тину видели часа через полтора после начала гонки, неподалёку от моста между Ливадией и Срединным. Один из гонщиков-наземников, профессиональный оператор (да его все знают — это Вилли Бахман), прихватил с собой камеру и всю плёнку, до которой успел дотянуться, и вёл съёмки на всём протяжении гонок. Пикап Тины попал в его объектив. Потом этот пикап нашли в сухой тайге неподалёку от маяка «Суин» на северо-западном побережье Срединного; баллон пикапа был распорот сверху.

Тину искали долго, но не нашли. Это значит одно: в тайгу она попала уже мёртвой или тяжело раненой, в противном случае она выбралась бы. А так, понятно — никаких следов...

Всего при подготовке к гонке и в самой гонке погибло и пропало без вести две тысячи одина-

дцать человек; это те, кто известен поимённо. Но я уже говорил, что в сельской местности, особенно на Юге, учёт населения не слишком строг...

Через час после заката на Коробок прилетел из Ясного помощник шерифа, Марк Кёнигсблау, я его помню, он несколько лет назад занимался у меня на курсах выживания. Парень умный и осторожный. Найдя в темноте скалу (что не так уж и просто: маяков поблизости нет, а дальние видны не во всякую погоду), он не попёр садиться, очертя голову, а сделал круг, светя издали прожектором, — а потом еле удрал. На скале копошились как минимум десяток драконов. Увидев вертолёт, несколько тварей бросились его преследовать. И не было Стены, чтобы уйти под её защиту...

Он оторвался на скорости. Ну и повезло, конечно.

Потом выяснилось, что драконы разметали крышу сарая. От моего пленника остался только ботинок.

Люсьена

Он бредил, он кричал: «Поезжай! Одна! Сама! Ты нужна, ты должна! Ты успеешь, ты сможешь! Ты вернёшься! А я тут пока полежу...»

Дурак.

120

Я миновал ещё один пожар: на склоне холма выгорала трава. Огненный контур вокруг плечи наполнил Армена в профиль.

Интересно, этот старый бандит уже финишировал? Скорее всего, да. Теперь-то ему на Земле ничто не грозит...

Ладно. Даже если у меня не получится, его подлечат и так. Но почему это у меня должно ничего не получиться?

Башня долго-долго не приближалась, а потом вдруг — прыжком — оказалась совсем рядом. Предки, какая огромная, какая страшная она была вблизи! Непонятная, слепящая огнями, подавляющая. Всё вокруг облитое было пылающим туманом или дымом, не знаю. Из-за этого терялись пропорции. Не сразу, с промедлением, я всё-таки смог различить-собрать-составить из разрозненных деталей — сначала вертолёты, потом людей, и уже потом дирижабли, они не имели размеров и форм, а казались амёбами или облаками.

А потом — наконец — я увидел движущиеся по воздуху рубиновые, чуть размытые по краям цифры, огромные, как города: «9 — 9 — 6».

Не поверите — я успевал. И не только на банкет.

Теперь мне нужна была дорога...

С первого захода я не сел, по дороге нёсся обвешанный прожекторами грузовичок, они осветили меня — и ослепили, попали как раз в тот момент, когда я форсировал ночное зрение; и мне пришлось уходить на второй круг. Кстати, это и был тот самый Вилли Бахман, оператор, со своими друзьями.

Я зашёл на второй круг, это заняло чуть больше

минуты, обогнал грузовичок, дорога была пуста, только впереди, в километре примерно, горела пронзительно-лиловым пламенем финишная черта, а за ней толпились сотни людей. Всё это было преувеличенно ярким и чётким, как на туристическом плакате.

Земля опять не хотела меня принимать, я тянул, и тянул, и тянул на малой высоте, уже почти остановил моторы, а скорость всё никак не падала, лиловая черта была совсем рядом, а за ней толпа, которая вовсе не собиралась разбежаться, и тогда я сделал глупость: взял ручку на себя. Чуть-чуть. Но этого хватило: самолёт взмыл метров на семь, завис, полностью потеряв и скорость, и управляемость, — и рухнул на дорогу, как раз перед бешено несущимся грузовичком Вилли. Грузовичок зацепил своим крылом моё, меня закрутило и выкинуло на обочину.

Я не пострадал. В таких мелких авариях Собака спасала на сто процентов, не прилагая к этому особых усилий. Однажды мы с ней катились по крутому склону — вот тогда да, тогда ей пришлось постараться...

Но временная обабделость у меня, конечно, была. Даже после простого пятичасового полёта на земле стоишь, слегка покачиваясь. Я же, наверное, покачивался не слегка. Ко мне бежали, и даже с носилками — и вдруг всё покрыл рёв, торжествующий рёв, и захлопали петарды и ракеты, а цифры на небе поменялись и стали «1 — 0 — 0 — 0».

Ну вот. Я опять оказался тысяча первым. Рок, просто рок.

Я опустился на землю, дожидаясь, когда подбегут люди. И когда они подбежали — много, больше двух десятков, и наши, и земляки в форме, — я достал из ботинка рожок в виде серебряной лопатки, воткнул его в землю, а потом с планшета отправил в КД уже заготовленное сообщение, а в Нотариат — список наследников...

Дело в том, что я точно знал: Земля никогда и никак не оформляла права собственности на Срединный. Она им владела явочным порядком, по праву сильного, и не более того. Теперь же Срединный, как бесхозное имущество, переходил в мою собственность — со всеми жилыми и хозяйственными постройками.

Планшет характерно пискнул: от КД поступило подтверждение. Я лёг на спину, сложив руки на животе. Пролежал секунд десять. Это было как сон: лежишь, и не нужно вставать. Потом сон кончился. Я приподнялся, сел, встал. Планета качалась. Меня обступали — плотно, но держа дистанцию.

— Так, — сказал я. — По какому поводу веселье? И почему это вы без разрешения топчете мою землю?

вот думаю: а нужен ли в этой истории эпилог? Ладно, какое-то подобие не мешает. Тут главное — не увлечься. Потому что события первых — абсолютно безумных — дней после переворота (а именно так сам собой назвался момент, когда я стал владельцем острова Срединный с прорвой всяческой недвижимости на нём, а главное — с Башней, космическим лифтом) тянут на десяток романов; Армен говорит, что мы тогда уцелели просто-таки чудом, и я с ним согласен. Большую роль в нашем спасении сыграл хитрый стратегический ход: объявить моим единственным наследником грандиозную «вертушку», в которую входит всё население Эстебана (с ротацией очередности каждые полчаса). Этот факт всех ввёл в ступор тогда... А как мы формировали новое правительство, потому что старое никуда не годилось! И как договаривались, выкручивались, юлили и вообще вели себя недостойно в отношениях с Землёй, одновременно разыскивая союзников и сочувствующих среди других колоний, — и, конечно, нашли. И как выбирались из энергетической ямы, и какую роль в этом сыграли Подколотные, и как они стали

электрическими магнатами — о-о!.. А фантастическая история Артура Ак-кама — до его пленения, во время и после? Нет, масса интересного случилось потом, но Гагарин и Лю — ну и Мирабелла, разумеется, — раскрутили меня только на воспоминания о последних днях прежней жизни, и я честно исполнил обещанное...

Может быть, позже, когда стану совсем старым? Доживём — увидим.

 думаю, Север с удовольствием рассказал бы и то, что творилось потом, но тогда ему нужно будет касаться его отношений с Кумико. А это до сих пор отдаётся в нём настоящей болью, я же вижу. Я им не судья, особенно сестре...

Кумико сейчас на Земле. Чему-то учится. Пишет редко, возвращаться пока не собирается.

Вот её стихи. Может, они что-то объяснят.

Был сумасшедший месяц май,
 Созвездия стекали с неба.
 В них всё смешалось — быль и небыль,
 Эдем — с Аидом и Эребом,
 А мы с тобою — с тем, кто не был
 Замешан в наш безумный май,
 Пронзительный от счастья май.

Как невесомо, как несмело
 Слова своё вершили дело.
 В изломах каменело тело,
 Всё отгорало и горело,
 Клубами рвался дымный май,
 Мой опалённый душный май.

Листва пылала, словно пламя,
 Но... слёзы — в льдинки жемчугами,
 Но слёзы — по оконной раме,
 Но слёзы — по стеклу кругами

И без меня, всё сами, сами.
Дождливым был мой месяц май,
Безжалостный, как ливень, май,
Дождь слёз и звёзд, дождь расставаний.

Сквозь пустоту непониманья,
Сквозь чей-то голос окаянный,
Неведомо чьих причитаний,
Назойливых и непрестанных,
Мы дотянулись...
Ливень ранний —
Не ведая, что нас изранил, —
Бесследно смысл наш месяц май,
Наш невозможный месяц май,
Благословенный, мимолётный,
И проклятый навеки май.

* * *

Хочу целовать тебя, пока не уснёшь...
А знаешь, а ты опять на мальчишку похож...
А имя твоё я уже никому не отдам.
И, может быть, только оно и останется нам...

* * *

Мой любимый, вы так далеки,
Что все люди вокруг меня вымерли
До следующей нашей встречи.

* * *

Как странно — я ещё жива,
Хотя два дня тебя не вижу,
Я только ростом стала ниже
И голос никнет, как трава,
Полёгшая под ливнем хлётким,
И на травинках слёз шары —
Под солнышком из-за горы
Горят, как ёлочные блёстки.

И капли канут в небеса,
И сохнут мостики-подмости —
Здесь, по сухим скрипучим доскам,
Скользили наши голоса.
Я вновь ловлю ладонью звуки —
Подстреленный полётный жест —
И льну к стене. Распяли в крест —
И разом обрубиле руки.

Ни чувств, ни мыслей — ничего.
Ни тела — ни убить, ни ранить.
Во мне жива одна лишь память,
Подцвеченная синевою.

* * *

Я хожу — а ты читаешь,
Я смотрю — а ты читаешь,
Я к тебе — а ты читаешь
И меня не замечаешь.
Я шепчу — а ты не слышишь,
Я зову — а ты не слышишь,
Я кричу — а ты не слышишь.

Вот и буду тише мыши.
В уголочке у окна,
Так и буду дотемна,
Буду тихо, буду молча,
На полу в сторонке скорчусь,
Съёжусь и под стол забьюсь.
Позовёшь — не отзовусь.
Не хочу с тобой играть!

Буду лучше рисовать.
Нарисую я ракету
И ещё такую... эту...
Как её зовут... планету!
Солнца два и два рассвета,
Справа будет синий-синий,
Слева жёлтый и красивый,
И по небу солнцы ходят,
Как паром и пароходик,

То — туда, а то — обратно.
(Стрелками, чтоб всё понятно)
У тебя такого нет!

...Ой, откуда этот цвет?
По бокам немножко жёлтый,
Синего осталось что-то,
А рисунок весь стемнел
И совсем позеленел...

Ну и ладно, ну и что же!
Так красивой даже, может!
Эту, как её... зарю! —
Я тебе не подарю!

* * *

Знаешь, ад — это очень просто:
Уходить. А ещё — понимать.

И всё.

* * *

Ты злой человек, очень злой человек,
Сердитый — что сыч, надутый — что мяч,
Но знаешь ли ты... Я готовлю побег.
И он неизбежен, мой тихий палач.

Ты властен меня растерзать, раздавить,
Всё тело моё обескровить до дна,
Но власть, что замешена лишь на крови,
Хрупка — как бывает хрупка тишина
В минуту, когда в красноватом огне
Ворочается раскалённая сталь.

И нехотя ты подступаешь ко мне
И рвёшь тишину — как взрывают хрусталь.

...Неужто ещё остаются слова,
Не вырванные из обмётанных губ,
Тебе безразлично, что я чуть жива,

Что даже под пыткой тебе я не лгу,
Что хрип на губах превращается в соль,
Что я выгибаюсь в натянутый лук,
Что стала наркотиком жаркая боль,
И слепо ищу я безжалостных рук...

Но ты прирождённый палач! Ты поэт —
Бесстрастный как лёд, как небесная твердь,
И ты разгадал мой беспомощный бред,
И ты не отдашь мне блаженную смерть.

Ты всё увенчаешь счастливым концом,
Где в пыточном ложе мерещится гроб,
Где воздух вливается в горло свинцом,
Где каплют секунды на выбритый лоб,
Где, кажется, сдохнуть назначено мне
Под тяжестью собственных выжженных век...

Не знаю, убьёшь ты меня или нет...
Я выживу — если решусь на побег¹.

---

¹ Стихи Ирины Андронати.

Литературно-художественное издание

Андрей Лазарчук

АБОРИГЕН

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Б. Бурт*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *С. Атрошенко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.02.2009.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага тип.
Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 9100 экз. Заказ № 6277.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipkaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

АБОРИГЕН

Что делать, если твоя далекая отсталая планета интригами «больших игроков» поставлена на грань вымирания? Если единственный продукт, который планета может предложить и на производство которого работает все население, забирают практически даром? Ни одно движение на поверхности планеты не остается незамеченным для спутников-шпионов, ни одно посягательство на систему не проходит безнаказанным. Многие в подобных обстоятельствах опускают руки. Многие — не только не Север Гардус, школьный учитель, скромный адвокат и ветеран последней войны за независимость. Нет, он совсем не сверхчеловек, он слаб, и единственное его оружие — это дисциплинированный ум и феноменальная память. И еще — нечеловеческое терпение. Может быть, весь смысл его жизни в том, чтобы дождаться, улучшить момент и внезапно повернуть дело так, чтобы отлаженная машина подавления и контроля дала сбой...

ISBN 978-5-699-34044-6

9 785699 340446 >